
ЛЕНИН
ОГОНЁК
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА», МОСКВА
№ 2 ЯНВАРЬ 1985
ВАЛЕНТИНА ПОПОВА — АБСОЛЮТНАЯ ЧЕМПИОНКА ЕВРОПЫ ПО НАСТОЛЬНОМУ ТЕННИСУ
В НОМЕРЕ:
АЛЕКСАНДР ГРИБОЕДОВ. БЕССМЕРТИЕ.
К 190-летию со дня рождения.
«КАПИТАН «СЮЗАН ДРЮ» — рассказ Джека Лондона.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!
ЛЕНИН
ОГОНЁК
ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ
Основан 1 апреля 1923 года
№ 2 (2999)
5—12 ЯНВАРЯ
© Издательство «Правда», «Огонек», 1985

НОВОГОДНЕЕ ПОЗДРАВЛЕНИЕ СОВЕТСКОМУ НАРОДУ

Дорогие товарищи, друзья!

Мы вступаем в новый, 1985 год. В эти торжественные минуты каждый из нас окидывает мысленным взором год минувший. Он был насыщен многими важными событиями. Советские люди плодотворно трудились над осуществлением социально-экономической программы, разработанной XXVI съездом КПСС, последующими Пленумами Центрального Комитета партии. Наша Родина стала сильнее и краше, а жизнь советских людей — более обеспеченной и содержательной.

Благотворные перемены произошли во всех областях общественной жизни. Возрос промышленный потенциал страны. Повысилась эффективность народного хозяйства, улучшились его качественные показатели. Славным событием явилось досрочное открытие рабочего движения поездов на всем протяжении Байкало-Амурской магистрали. Труженики агропромышленного комплекса упорно работали над реализацией Продовольственной программы. Значительных успехов добилась отечественная наука. Наши космонавты совершили самый длительный в истории 237-суточный орбитальный полет. Новыми произведениями, утверждающими высокие идеалы социализма, обогатилась многонациональная советская культура.

Центральный Комитет КПСС, Президиум Верховного Совета СССР и Совет Министров СССР выражают сердечную благодарность трудовым коллективам, рабочим, колхозникам, интеллигенции — всем, кто честным, самоотверженным трудом обеспечивает дальнейшее укрепление экономического и оборонного могущества нашей великой социалистической Родины!

Советские люди с оптимизмом смотрят в день завтрашний. Они хорошо знают, что политика Коммунистической партии, ее многогранная деятельность всецело отвечают коренным интересам людей труда.

Сплоченные вокруг ленинского Центрального Комитета КПСС, его Политбюро во главе с товарищем Константином Устиновичем Черненко, партия и советский народ решают масштабные, сложные задачи совершенствования развитого социализма. В новом году нам предстоит сосредоточить усилия на дальнейшей интенсификации производства, ускорении научно-технического прогресса, экономном и рациональном расходовании наших ресурсов. Последовательно будет осуществляться намеченная партией социальная программа.

Выполнение этих задач зависит от каждого трудового коллектива, от каждого советского человека, его инициативы и ответственности, активного участия в управлении обществом. Дело чести и патриотического долга всех советских людей — работать так, чтобы каждый трудовой день наступающего года стал днем ударного труда во всенародном социалистическом соревновании за успешное завершение одиннадцатой пятилетки, за достойную встречу XXVII съезда КПСС.

Товарищи! В наступающем году исполняется 40 лет со дня Победы советского народа в Великой Отечественной войне. Его беспримерный подвиг в битве против гитлеровского фашизма вечно будет жить в благодарной памяти потомков! Победа была одержана во имя мира и жизни на земле.

Исторический опыт учит, что против войны надо бороться, пока она не началась. В нынешней, обострившейся по вине агрессивных империалистических кругов международной обстановке Советский Союз вместе со странами социалистического содружества, со всеми миролюбивыми силами делает и будет делать все от него зависящее, чтобы оздоровить политический климат планеты, избавить человечество от ядерной угрозы. КПСС и Советское государство последовательно проводят ленинский внешнеполитический курс, направленный на обеспечение всеобщего мира, безопасности и сотрудничества народов. Важное значение имеет новая инициатива СССР относительно переговоров с США о предотвращении милитаризации космоса, об ограничении и сокращении ядерных вооружений.

Вступая в новый год, шлем сердечные поздравления и самые добрые пожелания трудящимся стран социализма! В лице Советского Союза они всегда будут иметь надежного друга и союзника.

Горячо поздравляем народы дружественных государств! Желаем мира и счастья нашим зарубежным товарищам и друзьям, всем борцам против империализма и угнетения, реакции и войны!

Дорогие товарищи!

Советские люди встречают новогодний праздник с большими светлыми надеждами. Пусть же 1985 год станет для всех нас годом новых трудовых побед и творческих свершений, годом прочного мира! Пусть он принесет счастье и радость каждой советской семье!

Поздравляем с Новым годом героический рабочий класс, колхозное крестьянство, народную интеллигенцию!

Сердечный новогодний привет славным ветеранам партии, войны и труда! Наилучшие пожелания участникам Великой Отечественной войны, труженикам тыла, проявившим в тяжелые годы испытаний беззаветную преданность Коммунистической партии, социалистическому Отечеству!

От души поздравляем замечательных советских женщин — заботливых матерей и жен, беззаветных тружениц, пламенных патриоток! Горячо поздравляем нашу молодежь, умножающую революционные и трудовые традиции старших поколений!

Новогодний привет доблестным советским воинам, бдительно стоящим на страже мирного труда советского народа!

Поздравляем всех, кто в эту праздничную новогоднюю ночь исполняет свой трудовой и воинский долг, кто находится вдали от родной земли!

С Новым годом, дорогие товарищи, с новым счастьем!

ЦЕНТРАЛЬНЫЙ КОМИТЕТ КПСС

ПРЕЗИДИУМ ВЕРХОВНОГО СОВЕТА СССР

СОВЕТ МИНИСТРОВ СССР

ВРУЧЕНИЕ ВЫСШИХ НАГРАД РОДИНЫ

Генеральный секретарь ЦК КПСС, Председатель Президиума Верховного Совета СССР К. У. Черненко вручил 27 декабря высокие награды СССР группе видных советских писателей.
Тов. К. У. Черненко выступил при вручении наград.

ВЫСТУПЛЕНИЕ ТОВАРИЩА К. У. ЧЕРНЕНКО

Дорогие товарищи!
Прежде всего сердечно поздравляю вас с наступающим Новым годом. Желаю вам новых творческих успехов, крепкого здоровья.
Сегодня мне предстоит выполнить приятную миссию — вручить высшие награды Родины ордена Ленина и золотые медали «Серп и Молот» видным писателям. Они удостоены этих наград за большие заслуги в развитии художественной литературы, активную общественную деятельность и в связи с пятидесятилетием образования Союза писателей СССР.
Советские люди любят нашу литературу. С чувством глубокого уважения относятся они к творческому труду писателей. В лучших книгах находят яркое отражение славный путь и героические дела советского народа, богатый духовный мир нашего современника.
Писатели — надежные помощники партии в деле совершенствования развитого социализма, коммунистического воспитания трудящихся.
От имени Центрального Комитета КПСС, Президиума Верховного Совета СССР хочу поздравить Героя Социалистического Труда, первого секретаря правления Союза писателей СССР товарища Маркова Георгия Мокеевича с награждением его орденом Ленина и второй золотой медалью «Серп и Молот».
В нашей стране хорошо знают Георгия Мокеевича как писателя и общественного деятеля. Широко известны его романы о социалистическом преобразовании Сибири.
Многие годы возглавляя Союз писателей СССР, товарищ Марков отдает свои силы, организаторские способности сплочению писательских рядов, укреплению связей нашей литературы с жизнью народа.
Хочу также искренне поздравить с присвоением звания Героя Социалистического Труда известных советских литераторов, чьи произведения нашли всеобщее признание в народе.
Заслуженные награды получают сегодня писатель-фронтовик Анатолий Ананьев, известные писатели Анатолий Иванов, Сергей Сартаков, академик-литературовед Михаил Храпченко.
Как нередко говорят сами писатели, главная книга у каждого из них еще впереди.
Позвольте еще раз сердечно поздравить вас и пожелать новых творческих успехов.

* * *

От имени награжденных выступил Г. М. Марков.
При вручении наград были кандидат в члены Политбюро ЦК КПСС, первый заместитель Председателя Президиума Верховного Совета СССР В. В. Кузнецов, секретарь Президиума Верховного Совета СССР Т. Н. Ментешашвили, заведующий Отделом культуры ЦК КПСС В. Ф. Шауро, помощник Генерального секретаря ЦК КПСС В. В. Прибытков.

Во время вручения наград.

Во время подписания.

Телефото В. Будана (ТАСС)

ОФИЦИАЛЬНЫЙ ВИЗИТ В

26 декабря Президент Турецкой Республики Кенан Эврен принял находившегося в Турции с 25 по 27 декабря с официальным визитом Председателя Совета Министров СССР Н. А. Тихонова.
Между Н. А. Тихоновым и К. Эвреном состоялся обмен мнениями по вопросам советско-турецких отношений и по международным проблемам, представляющим взаимный интерес для Советского Союза и Турции.
С обеих сторон было выражено удовлетворение стабильным развитием отношений между СССР и Турцией, в том числе в экономической области, и подтверждено обоюдное стремление к их даль-

Фото А. Гостева.

ТУРЦИЮ

нейшему углублению в духе добрососедства.

В тот же день завершились переговоры между Н. А. Тихоновым и Премьер-Министром Турции Т. Озалом.

Было продолжено обсуждение некоторых вопросов двусторонних советско-турецких отношений и обстановки на международной арене.

Н. А. Тихонов и Т. Озал выразили удовлетворение результатами состоявшихся переговоров и высказались за продолжение контактов между СССР и Турцией на высоком уровне.

Состоялось подписание совместных советско-турецких документов.

СЛУЖИТЬ ПАРТИИ И НАРОДУ

29 декабря секретарь ЦК КПСС М. В. Зимянин вручил в Кремле высокие награды Советского Союза группе видных советских писателей.

Орденов Ленина и золотых медалей «Серп и Молот» Героев Социалистического Труда удостоены писатели П. А. Куусберг, С. Н. Ханзадян.

Ордена Ленина получили писатели Ю. Н. Верченко, Е. А. Долматовский, Е. А. Исаев, В. А. Каверин, В. М. Озеров, П. Л. Проскурин, Р. И. Рождественский, И. Ф. Стаднюк.

Орденом Октябрьской Революции отмечены С. А. Баруздин, Г. А. Боровик, Е. М. Винокуров, С. А. Дангулов, А. Д. Дементьев, В. В. Карпов, А. Ю. Кривицкий, Ф. Ф. Кузнецов, М. Л. Матусовский, А. И. Метченко, В. Ф. Попов, Ю. С. Семенов, Ю. И. Суровцев.

Большая группа писателей награждена орденами Трудового Красного Знамени, Дружбы народов, «Знак Почета».

От имени Центрального Комитета КПСС, Президиума Верховного Совета СССР М. В. Зимянин сердечно поздравил писателей с высокими наградами Советского государства.

Награжденные выразили сердечную благодарность Коммунистической партии, Советскому государству, товарищу К. У. Черненко за высокую оценку их труда, за постоянную заботу о развитии многонациональной советской культуры. Они заверили, что и в дальнейшем будут посвящать свое творчество служению партии и народу, умножать свои усилия в борьбе за торжество коммунистических идеалов.

На церемонии вручения наград присутствовали заведующий Отделом культуры ЦК КПСС В. Ф. Шауро, первый секретарь правления Союза писателей СССР Г. М. Марков.

11 ЯНВАРЯ — ШЕСТАЯ ГОДОВЩИНА ПРОВОЗГЛАШЕНИЯ НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКИ КАМПУЧИИ

У подножия Ангкор-Вата. Фото Ю. Попова

ПРАЗДНИК ВОЗВРАЩЕНИЯ К ЖИЗНИ

Словно могучая и прекрасная песня, уносятся в синее, без единого облачка небо Кампучии башни Ангкор-Вата, что в переводе означает «столица, ставшая храмом». Созданное в XII веке это чудо рук человеческих и сегодня поражает воображение своими размерами, гармонией архитектурных пропорций, красотой скульптур. Каждая из них, будь то танцующие девушки, сражающиеся воины или посадка крестьянами риса,— страница каменной летописи тех далеких дней. Летописи духовного богатства и свободолюбивых чаяний кхмерского народа.

Многое видел на своем веку Ангкор-Ват. Ни солнце, ни ветер, ни дождь, ни пожары в джунглях не смогли ничего сделать с ним. Главное испытание великому сооружению было уготовано в трехлетний период, когда власть в Кампучии узурпировала клика Пол Пота. Национальное величие и патриотическое влияние Ангкор-Вата было ненавистно заправилам изуверского режима. Многие статуи храма они уничтожили или продали за валюту... В те страшные годы рядом с Ангкор-Ватом множились рвы, куда бросали тысячи убитых ни в чем не повинных людей. А по соседству, под Сиемреапом, были расположены крокодильи фермы, где животных кормили человеческим мясом. 3 миллиона 315 тысяч человек было убито, 568 тысяч пропало без вести.

Но, подобно Ангкор-Вату, кхмерский народ выстоял. В январе 1979 года могучий революционный поток смел антинародную клику, и обессилевшая страна самоотверженно взялась за строительство новой жизни.

Всякий, кто побывал сегодня в Кампучии, убеждается воочию, что для народа, пережившего геноцид, каждый новый день стал праздником возвращения к жизни. Снова поднялись на высокие бревенчатые сваи изящные дощатые домики. А вокруг, куда ни кинь взгляд, бесконечные чеки рисовых полей. Но самое главное — на токах возвышаются горы риса, а в крестьянских дворах полно живности.

Если в 1979-м — сразу после революции — удалось засеять рисом всего 770 тысяч гектаров земли и стране угрожал голод, то в 1983 году рисом было занято 2 миллиона гектаров. С них собрали более 2,3 миллиона тонн зерна. Это позволило решить важнейшую не только экономическую, но и политическую задачу — добиться самообеспечения страны основным продуктом питания. А к концу 1985 года сбор риса намечено довести до 2,5—2,8 миллиона тонн в год.

Не отстает от сельского хозяйства и промышленность. Ныне объем ее продукции увеличивается ежегодно почти вдвое.

Но, естественно, перед страной стоит еще много проблем. И это хорошо понимают коммунисты. «Мы возродили нашу партию,— сказал Генеральный секретарь ЦК Народно-революционной партии Кампучии Хенг Самрин,— партию, которая поставила перед собой две стратегические задачи: защищать и шаг за шагом строить родину в переходный период на пути к социализму».

Г. МУСАЕЛЯН

ЗАБОТЫ

Студеный ветер, дующий с обледеневших вершин Гиндукуша, сорвал осеннее золотое убранство садов и парков столицы Афганистана. Метлами, связанными из кустиков верблюжьей колючки, дворники деловито сметают последнюю опавшую листву в большие кучи. Им помогает вездесущая детвора. Сухая листва — настоящее богатство. Во время зимних холодов — а здесь температура падает до минус 20 градусов — ею топят печи и тандуры, в которых выпекают пшеничные лепешки.

Зима в Кабуле суровая. Снег держится с декабря по март. Остро встают проблемы снабжения города топливом и продуктами питания. До установления народной власти беднота да и средние слои населения в зимние месяцы нередко страдали от холодов и перебоев с продовольствием. Теперь же революционная власть принимает меры, чтобы избавить жителей от невзгод.

— Что делается в этом направлении?— Вопрос мой обращен к мэру Кабула Мвали Мухаммеду Абиани.

Моему собеседнику 47 лет. По национальности пуштун, уроженец Джелалабада, инженер. Окончил Кабульский университет и аспирантуру политехнического института в Катовице (ПНР). На должности мэра он уже около года. Одновременно М. М. Абиани — член Совета Министров ДРА и начальник оперативного штаба по подготовке к зиме.

У мэра сейчас масса забот. В день нашей встречи он должен был присутствовать на контрольных испытаниях нового центра теплоснабжения в микрорайоне Бибимагру, а затем на заседании комиссии контроля цен.

Рассказывая об испытаниях центра теплоснабжения, которые прошли успешно, Абиани с удовлетворением отмечает, что этот важный объект не только позволит надежно обеспечить теплом и горячей водой микрорайон, население которого быстро растет и уже приближается к 100 тысячам человек, но и сможет удовлетворить нужды индустриальных новостроек Кабула.

— Готовясь к зиме, мы в первую очередь уделяем внимание жилищному строительст-

ЦВЕТЫ ДЛЯ ШТУКЕНБРОКА

Владимир КОВНАТ,
корреспондент-кинооператор Советского телевидения в ФРГ, фото автора

У высокого трехгранного обелиска с мраморными пятиконечными звездами всегда можно увидеть людей. Надпись на обелиске гласит, что здесь были замучены фашистами шестьдесят пять тысяч советских солдат. Это Штукенброк — бывший гитлеровский лагерь смерти, расположенный рядом с западногерманским городком того же названия.

Там, где раньше стояли бараки лагеря, протянулись вдаль линии могил. На скромных могильных камнях — имена и фамилии погибших.

Мы приехали сюда в осенний день, когда по уже давней традиции на огромном кладбище собрались тысячи жителей соседних городов и деревень, бывшие узники Штукенброка, почетные гости и группа советских солдат и офицеров.

День памяти замученных советских воинов проводят здесь по инициативе западногерманских профсоюзов под девизом «Цветы для Штукенброка». Ежегодно эта траурная церемония проходит как массовая демонстрация против фашизма и войны, против американских ядерных ракет, против военной угрозы в Европе.

Делегация Советского комитета ветеранов войны возложила у обелиска большой венок, а под основание главного памятника была насыпана привезенная с Родины земля. Вслед за венком от Советского посольства были возложены десятки венков и букетов у обелиска и у часовни на верхнем краю кладбища. А затем тысячи людей положили цветы ко всем могилам.

Седой, но сохранивший военную выправку старик медленно подошел к памятнику и положил у его подножия небольшой букет красных гвоздик. Потом он долго сидел на скамейке у края главного мемориального поля и молча смотрел на бесконечные ряды могил. Мы спросили его, участвовал ли он в войне.

— Да, я воевал в России и на Украине в рядах вермахта. После плена вернулся домой... В движении «Цветы для Шту-

КАБУЛА

ву,— говорит мой собеседник.— В различных районах города вы можете увидеть быстро растущие корпуса новых зданий, которые возводит индустриальным методом Кабульский домостроительный комбинат. В текущем афганском году (заканчивается в марте 1985 г.) это предприятие обеспечит строительство 28 тысяч квадратных метров жилья, что в полтора раза больше, чем в прошлом году. Более восьми тысяч жителей Кабула до весны должны справить новоселье.

Распределение жилья идет прежде всего среди тех, кто особенно в нем нуждается. Когда в начале ноября в результате диверсии, организованной контрреволюционными элементами, в старом районе города Чандавале возник пожар и десятки семей остались без крова, по решению муниципалитета пострадавшим были предоставлены квартиры в новом микрорайоне вне очереди.

По словам Мвали Мухаммеда Абиани, город имеет достаточные для зимнего периода запасы зерна, муки, картофеля, овощей, сахара, жиров. Полностью удовлетворяют потребность города и запасы дров, каменного угля, дизельного топлива и керосина, предназначенные для бытовых нужд. Если в прошлом году в зимние месяцы у бензоколонок нередко можно было видеть длинные очереди, то сейчас положение нормализовано.

— Многие проблемы нельзя было бы решить успешно, если бы не широкая помощь населения,— подчеркивает мэр Кабула.— Так, например, большую помощь нам оказывают группы народного контроля за ценами. Если выявленные нарушения повторяются, то виновные лишаются лицензии на торговлю.

Сегодня в Кабуле нетрудно почувствовать атмосферу всеобщего подъема в связи с приближающимся 20-летием образования НДПА — авангарда рабочего класса и всех трудящихся страны. В столице развернуто трудовое соревнование в честь этого праздника, который будет отмечаться в январе.

Александр СУХОПАРОВ,
соб. корр. АПН

Кабул.

У обелиска в Штукенброке.

кенброка» участвую с первого дня. Никогда не занимался политикой, но очень хорошо знаю — советские солдаты, лежащие в этой земле, погибли в войне с фашизмом. Поэтому я приношу им цветы, сижу здесь, вспоминаю то страшное время и не хочу, чтобы это повторилось. Уверен, что каждый разумный немец думает так же, как и я, и таких большинство. Посмотрите, сколько пришло сюда людей...

В тишине, нарушаемой лишь отдельными приглушенными голосами, негромко, но ясно звучала на немецком языке песня «Хотят ли русские войны...».

Когда мы покидали Штукенброк, над лесом и автострадой появился в сером облачном небе большой клин летящих на юг журавлей. С расположенного неподалеку озерца взлетели несколько больших белых птиц и отправились вдогонку за клином. Они быстро набирали высоту, поднимаясь к видневшемуся среди облаков голубому окну чистого неба.

Молча смотрели мы им вслед, вспоминая песню о солдатах, с кровавых не пришедших полей...

УБЕРЕЧЬ ПЛАНЕТУ

— Я принадлежу к поколению, которое принято называть послевоенным, — рассказывает Синтия Робертс, известная английская общественная деятельница, секретарь организации «Лейбористы за мир».— Во время войны я была ребенком, но хорошо помню бомбежки восточного побережья Англии, наша семья жила тогда в небольшом городке, неподалеку от порта Дувр. Помню голод военных лет, раннюю старость и смерть матери от туберкулеза — она голодала, отдавая свой паек детям.

Были ли спокойными сорок лет, прошедших после окончания войны? Конечно, нет. На следующий день после нападения фашистских полчищ на Советский Союз херстовская газетенка «Нью-Йорк джорнэл» кощунственно оправдывала преступления Гитлера, заявляя, что в этом-де «спасение цивилизации от советской угрозы». Едва отгремели последние залпы войны, как мы вновь услышали дословно те же заклинания, которыми реакционные западные политики «умиротворяли» Гитлера и натравливали его на Советский Союз. Слышим мы их и до сих пор.

В этой связи мне кажется уместным привести одну цитату в качестве весьма актуального сегодня урока истории. Обвинитель от США на Нюрнбергском процессе Роберт Кемпнер говорил так: геббельсовская пропаганда активно эксплуатировала миф о коммунистической угрозе, чтобы оправдывать и маскировать милитаристские приготовления и развязанные агрессии. Постоянные ссылки на эту «угрозу» были уловкой, которая наряду с другими факторами привела ко второй мировой войне.

Звучит очень поучительно, верно?

Что бы сделала я, если бы в моей власти было незамедлительно улучшить обстановку в мире? Прежде всего то, о чем постоянно как об общей воле народов говорят участники движения сторонников мира, в том числе активисты нашей организации «Лейбористы за мир», коллективными членами которой являются многие профсоюзные, кооперативные, студенческие и молодежные организации.

Необходимо, чтобы все страны приняли на себя обязательство не применять ядерного оружия первыми.

В качестве следующего шага — освобождение Европы от всякого ядерного оружия на основе принципа равенства и одинаковой безопасности. И уж если мечтать, то подписание в будущем договора о всеобщем и полном запрещении ядерного оружия и уничтожении его запасов.

Мы, европейцы,— наследники великой цивилизации. Но только-только вступаем в эпоху, когда соседи по континенту учатся жить в мире друг с другом. Если мы обеспечим развитие этого процесса, то в будущем станет реальной мечта миллионов: гуманизм будет естественной основой человеческих и государственных отношений.

Интервью взял
Сергей ВОЛОВЕЦ,
соб. корр. АПН

Лондон.

КОНТРАКТЫ С СССР СПАСАЮТ ОТ БЕЗРАБОТИЦЫ

Каждый исландец знает: поймать достаточное количество рыбы и затем ее переработать — это полдела, гораздо важнее суметь продать ее за рубеж. В последние годы Исландия, живущая преимущественно доходами от экспорта рыбной продукции, испытывает немало трудностей в ее сбыте. Прежде всего из-за конкуренции со стороны таких стран, как Норвегия, Канада, Дания. Давнее взаимовыгодное сотрудничество Исландии с Советским Союзом, действующие долгосрочные соглашения с нашей страной обеспечивают островному государству сбыт значительной части рыбных товаров на емкий советский рынок.

«Советский рынок очень важен для морозильных предприятий Исландии,— говорит заместитель директора отдела рыбопродуктов Союза исландских кооперативных обществ Оулавур Йонссон.— Ведь мы продаем в СССР одну пятую часть производимой у нас в стране мороженой рыбы. В основном это морской окунь, черный палтус и сайда. Нам бы хотелось и в дальнейшем сотрудничать с Советским Союзом, ведь это выгодно обеим сторонам. Население вашей страны может по достоинству оценить качество нашей продукции. Особенно популярно, я слышал, у вас в стране наше филе морского окуня».

Нередко контракты с СССР спасают Исландию от роста безработицы. Так было, например, несколько месяцев назад, в начале сельдяной путины. Тогда жители многих рыболовецких городов и поселков на южном и восточном побережье Исландии, работающие на засолке сельди, были не на шутку обеспокоены тем, что исландский комитет по сельди не смог заключить контракта на поставку этого продукта в одну из зарубежных стран.

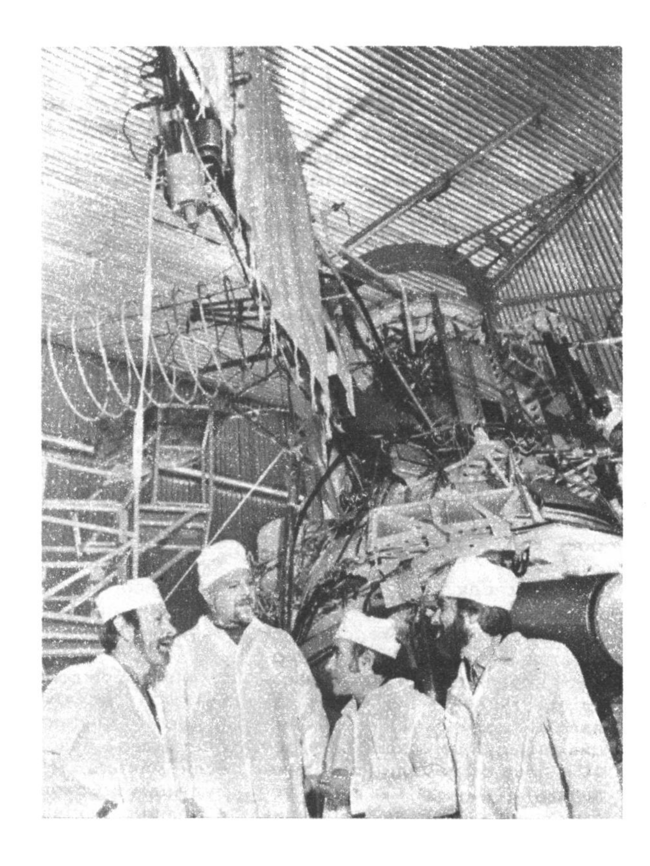
Положение спасли контракты с Советским Союзом. Они предусматривают поставку в 1985 году в СССР различных исландских рыбопродуктов, в том числе соленой сельди. Доля СССР в общем экспорте этого продукта составляет около 80 процентов.

«Соглашение с СССР обеспечило работу рыбоперерабатывающих предприятий на востоке и юге страны,— писала недавно газета «Тьоудвильинн».— Если бы этого не было, в указанных районах царила бы безработица».

Евгений БАРБУХО,
соб. корр. АПН

Рейкьявик.

НА ВСТРЕЧУ С КОМЕТОЙ

Римма КОРНАУШЕНКО

Если смотреть на карту звездного неба в ЦУП(е), то видно, как мигает зайчиком межпланетная космическая станция «Вега-1», мчащаяся навстречу таинственной комете Галлея. Станция была более чем в двух миллионах километров от Земли в созвездии Андромеда, когда прозвучала команда «Старт» и опять из-за шквала огня вынырнула и ушла ввысь ракета, унося в межзвездные дали автоматическую станцию «Вега-2». В целях надежности межпланетные станции посылают парой.

В основу проекта положена идея последовательного полета автоматических станций сначала к Венере, там будет первая остановка, потом в новый путь — к комете Галлея. Это оказалось возможным благодаря тому уникальному расположению Венеры и кометы на небе, которое сложилось сейчас.

В июне произойдет встреча станций с Венерой. Космический аппарат разделится на спускаемый и пролетный. От спускаемого аппарата, в свою очередь, при входе в атмосферу Венеры отделится аэростат. С помощью 12-метрового фала к аэростату прикреплена научная лаборатория зондирования, которая будет парить в стоградусной жаре и давлении 100 атмосфер.

Спускаемый аппарат мягко опустится на поверхность Венеры, причем место посадки выбрано новое, где еще никто не бывал, возьмет пробу грунта и проанализирует его спектр.

В торжественной и одновременно деловой обстановке началось осуществление этого космического проекта, равного которому еще не было в мире. Сюда, в ЦУП, пришли заместители Председателя Совета Министров СССР Г. И. Марчук и Л. В. Смирнов, президент Академии наук А. П. Александров, руководители национальных центров космических агентств, директор Института космических исследований академик Р. З. Сагдеев — научный руководитель проекта. И, конечно, представители тех, кто непосредственно готовил и отрабатывал станцию и аппаратуру.

На левом экране вытянулось в длину оранжево-коричневое изображение «волосатой звезды», так в переводе с греческого называется комета. А на центральном экране — схема пути автоматического посланца, ошеломительно длинного — 1 миллиард 999 миллионов километров.

Возможность и необходимость соединились в этом начавшемся сейчас эксперименте. Мощный, надежный носитель — ракета «Протон», огромный опыт в создании межпланетных станций «Венера» — это возможность. А необходимость в том, что комета Галлея только раз в 76 лет появляется около Земли — таковы законы небесной механики. Опоздай мы чуть-чуть по срокам, уже внукам нашим пришлось бы встречаться с кометой. 1986 год станет годом очередного сближения, в марте расстояние между Землей и кометой будет 170 миллионов километров.

Современная наука считает, что ядро кометы — это остатки газопылевого облака, из которого образовалась Солнечная система.

Есть предположение ученых, что химическое превращение в особых кометных условиях могло стать первопричиной появления органического вещества в атмосфере Земли. Может быть, именно кометы занесли жизнь на нашу планету, задевая ее своим пышным хвостом.

Из чего состоит комета? Ученые считают, что ее основная составляющая — замерзшая вода. Значит, комету можно назвать летающим айсбергом? — спросила я. Можно, только цвет ее льда не ангельски-голубой, а грязно-бурый из-за многих примесей. Сегодня ученые много знают о кометах вообще и об этой в частности. Но все это лишь предположения, гипотезы. А тут вдруг в прошедшем году комета стала предлагать сюрпризы. Она замигала, стала менять свою яркость. Чтобы предположения стали фактом, гипотеза — истиной, летят сегодня к комете станции. И этот удивительный проект не единственный. Европейское космическое агентство готовит эксперимент «Джотто» (по имени художника, наблюдавшего при своей жизни приближение кометы и изобразившего ее на одной из своих картин). Японские специалисты собираются направить свой зонд «Планета-А». В реализации всех программ будет учитываться информация с эксперимента «Вега», стартовавшего первым.

Ученые хотят разобраться, что это за гигантский хвост, сфотографировать ядро кометы, исследовать структуру поверхности, распределение пыли и газа в атмосфере, получить тонкие характеристики плазмы в различных спектрах излучения.

— Проект «Вега» (сокращенное название «Венера — Галлея») разработан в Советском Союзе,— рассказывает заместитель руководителя проектом В. Г. Перминов,— при участии еще восьми стран: Австрии, Болгарии, Венгрии, Германской Демократической Республики, Польши, Федеративной Республики Германии, Франции, Чехословакии, которые внесли свои разработки, свои идеи, свою аппаратуру. Например, телевизионную систему разработали венгры и французы, польские специалисты — анализатор плазменных волн. В Австрии — магнитометр. Спектрометр — во Франции, очень важный прибор. А трехканальный спектрометр — сразу представители трех стран: Болгарии, Франции и Советского Союза.

Множество научных и технических проблем при создании «Веги» пришлось решать впервые. И как на небольшой вообще-то платформе уместить огромное количество приборов. И как уберечь космический аппарат при огромной скорости сближения с кометой — 80 километров в секунду. Одна крошечная пылиночка в мгновение способна прожечь дыру в палец. Создали легкую трехслойную одежду для аппарата. Так что если пробьется первый слой — два других уберегут. А сколько перелетов каждый прибор и станции совершили на Земле, пока специалисты признали, что они надежны и могут работать в космосе.

Президент Академии наук СССР, академик А. П. Александров так сказал об этом:

— Прекраснейший эксперимент нашего века! Как остроумно соединить сразу несколько задач воедино, использовать все, даже гравитационное поле Венеры, для ускорения спутника в его направлении к комете. А какова корпорация научных сил и технических решений! Убежден, что эксперимент даст очень много нового для науки. Вот благородный пример, что может сделать добрая воля людей.

На снимке: французские, болгарские и советские специалисты во время испытаний пролетного аппарата «Вега» на космодроме Байконур. Слева направо — Жан Пьер Лепаж (Франция), Александр Крысько (СССР), Куньо Полазов и Стоян Саргойчев (оба — Болгария).

Фото А. Пушкарева и О. Кузьмина (ТАСС)

ХОЗЯЙКА МАЛЕНЬКОЙ РАКЕТКИ

Всех титулов Валентины Поповой и не перечислишь. Она пятикратная чемпионка страны по настольному теннису, победительница ряда крупнейших международных турниров. Но самого большого успеха Валентина добилась на первенстве Европы 1984 года, которое состоялось в Москве. Валентина выиграла все, что можно выиграть. Сначала она стала вместе с подругами чемпионкой в команде. Потом в одиночном разряде. Затем в паре с Наринэ Антонян. Наконец, в миксте с французом Жаком Секретэном. Четыре золотые медали! Такого выдающегося результата добивалась из наших теннисисток лишь Зоя Руднова на таких же соревнованиях в далеком теперь уже 1970 году.

На чемпионате континента повышенный и вполне понятный интерес вызвала победа Поповой и Секретэна в смешанном парном разряде. Спортсмены впервые играли вместе, играли, что называется, с листа и оказались сильнейшими. Тем не менее их партнерство не назовешь полной неожиданностью.

Секретэн не раз приезжал в Советский Союз. Когда-то его спросили: с кем бы мсье Жак хотел сыграть микст? Он галантно раскланялся и ответил: «С мадемуазель Поповой». Почему? Да потому, что она — идеальная партнерша. Надо ничего не понимать в настольном теннисе, чтобы не понять в игре Попову, сказал французский теннисист. Это соперникам она задает загадки, а партнеру — нет. Мне оставалось только в меру моих сил помогать ей.

Недавно в нашу страну приезжали мастера настольного тенниса Китайской Народной Республики — признанные законодатели мод в этом виде спорта. Тренер женской команды Чжон Селинь в ответ на вопрос о пользе взаимных контактов заметил:

— Нам нужно учиться у ваших теннисисток быстроте. Особенно у Поповой.

Да, игра чемпионки Европы олицетворяет все передовое, прогрессивное, что есть в мировом настольном теннисе. Девиз Поповой — мощная, быстрая, остроатакующая игра. Такую манеру привил Валентине ее наставник, Николай Иванович Новиков. Если принять за аксиому, что учитель повторяет себя в учениках, то в характере Поповой заложено нечто от характера Новикова. Валентина Попова, как капитан сборной страны, видит свою задачу в том, чтобы прежде всего подавать личный пример, задавать тон в игре, что и делал ее тренер. Следует она и советам своего отца Ивана Тимофеевича, человека рабочего (он — электролизник на Сумгаитском алюминиевом заводе). Как-то он сказал:

— Вот что, дочка. Если уж берешься за что-то, то доводи дело до конца, занимайся им серьезно, не разбрасывайся.

И Попова успешно окончила филологический факультет Азербайджанского университета, а в спорте достигла поистине мастерских высот.

А. ПАТРИКЕЕВ

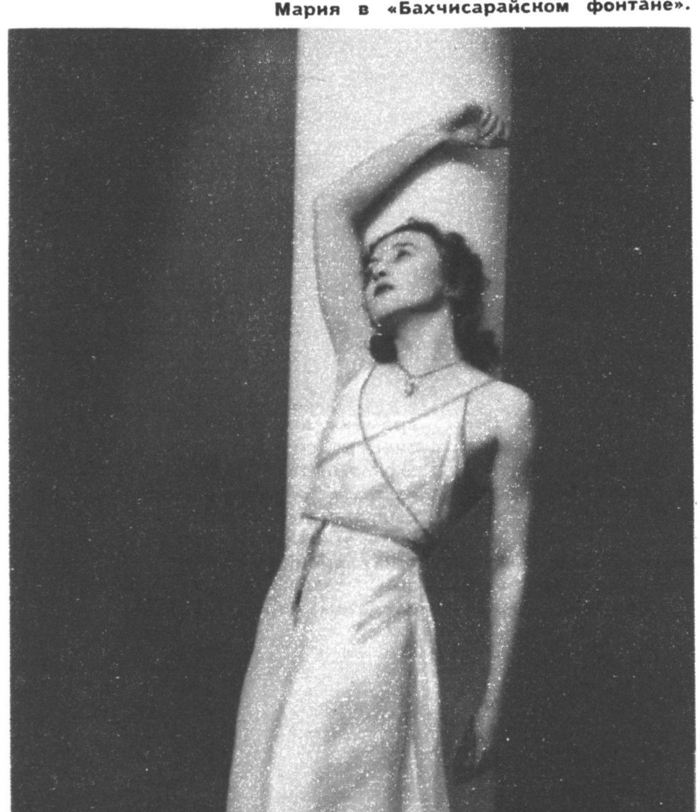

«Ромео и Джульетта».

«Жизель».

Мария в «Бахчисарайском фонтане».

Галина Сергеевна Уланова.

ТАЙНА...

Если бы в наш грохочущий и стремительный век существовала «золотая книга», где были бы начертаны имена самых выдающихся мастеров современной культуры — поэтов, композиторов, ваятелей, зодчих, артистов, давших человечеству радость прикосновения к миру гармонии, света, добра, духовности, красоты, то в числе первых мы прочли бы имя Улановой... Как все истинные художники, Галина Сергеевна не нуждается в торжественных юбилеях, как бы еще раз напоминающих о ее всемирной славе. Ведь благодарные миллионы землян и так хранят в сердце образы трепетной Джульетты, несчастной, но гордой в своей любви Жизели, невинной и благородной Марии. Десятки других ролей — новаторских и одновременно классических — оставила Уланова навечно всем людям... Однако в чем тайна ее победоносного, почти колдовского, поражающе ясного, глубоко щемящего душу творчества? Почему русская балерина в наше бурное столетие (когда порою пытались низвергнуть шедевры античности, Рафаэля и Пушкина, Моцарта и Растрелли) сумела сберечь, сохранить изумительную кристальность традиций отечественной и мировой классики, ничуть не утеряв при этом неповторимой свежести и неувядаемого очарования в своих созданиях?.. Ответ неоднозначен и непрост. Здесь даже многомудрые ЭВМ бессильны что-либо вычислить. Ибо голос музы великих художников непредсказуем. Он подобен птице, поющей свою песнь...

Но вот рассказ самой Улановой, который немного расшифровывает загадку ее гения:

— Восприятие очень красивого, очень поэтичного, очень раздумного... Конечно, нельзя объяснить, что, скажем, вот этот куст или эта полоска воды дали мне то-то или то-то конкретно... Очень трудно тем, кто не видел Селигера... Здесь человек любой профессии: как он питается вообще от жизни, так он питается тут от природы... Постигаешь какую-то красоту, пластику природы, закаты и восходы... Это изумительно... Не знаю, кто не видел этого, мне кажется, жизнь того обеднена...

...Целомудренность в ощущении неразрывности связи человека и окружающего мира, причастность сокам родной земли, мерцанию звезд, журчанию ручья, разноголосью птиц, трогательная любовь Галины Сергеевны к цветам, к братьям нашим меньшим — все это лишь фрагменты мозаики ее поистине уникального дара.

И еще не менее важное. Вслушайтесь в эти слова:

— Театр — это все, это святыня. Вот я и дома помню — от мамы, от папы, который был режиссером на сцене... Вот, бывало, кто-то пройдет в грязных сапогах по сцене, тогда носили галоши... Я не знаю, как можно пройти по сцене в галошах!

Уланова мыслит: театр — храм. Он требует от причастных всего себя до конца, безраздельно. И, несомненно, как и всякое большое искусство, предполагает чистоту... Грандиозный многолетний непрерывный труд Галины Улановой — в классе, на репетициях, на сцене, всегда, всю жизнь — пример преданности творчеству. И эта духовная наполненность, тончайшие нюансы ее многоликого искусства покоряли зрителей, помогали им как бы очищаться в пламени ее неистового горения. Никогда не забыть оваций, слез, цветопада на спектаклях, где участвовала Галина Уланова. Порою зал напоминал юную рощу, колеблемую свежим ветром. Так волновались и трепетали разбуженные души людей.

Прошли годы... Уланова покинула сцену. Но ее талант, ее живой опыт — в молодых балеринах и танцовщиках. И когда Галина Сергеевна появляется рядом со своими питомцами в театрах самых разных стран мира,— всюду ее встречает триумф.

Уланова. Одно ее имя заставляет притихнуть многих истерических проповедников дисгармонии, уродства, цинизма, зла, бытующих ныне в искусстве Запада.

Какая неведомая жаркая вьюга намела в небольшой московской квартире Галины Сергеевны эти теплые сугробы писем, телеграмм, открыток со всех концов планеты?.. Сотни раскрытых душ излиты в сокровенных словах благодарности. Нет места в маленькой заметке цитировать эти послания, но в каждом из них ясно звучит главное — велика роль большого искусства в судьбах рода человеческого. Светозарна, благотворна звезда Улановой. Много лет прошло с тех пор, как она не танцует, но сияние ее подвижничества не меркнет, а скорее, разгорается.

Бурю чувств всегда вызывало общение масс людских с творчеством балерины — легендарной, хрупкой, молчаливой женщины с прозрачными, спокойными глазами. Это и есть часть разгадки той до сих пор не раскрытой тайны, которая носит звучное и простое имя — Галина Уланова.

Игорь ДОЛГОПОЛОВ

Кадры из кинофильма. Г. К. Жуков в 1920 году и послевоенные годы.

ЖУКОВ

К. С. МОСКАЛЕНКО,
Маршал Советского Союза,
дважды Герой Советского Союза

Кто из нас, мальчишек, вышедших из бедных крестьянских и рабочих семей, думал о том, что со временем нам придется командовать дивизиями, армиями и фронтами?! Такое и в голову не могло прийти. Но Великая Октябрьская социалистическая революция выдвинула в первые ряды защитников Отчизны именно этих рабочих и крестьянских парней, познавших тяжесть подневольного труда, царской службы, войны против кайзеровцев.

Через все это прошел и сын крестьянской семьи из-под Калуги Георгий Жуков. С 1915 года он в окопах. За храбрость награжден двумя Георгиевскими крестами, стал младшим унтер-офицером. В гражданскую командовал взводом, эскадроном, сражался на Восточном, Западном и Южном фронтах. Мне тоже довелось биться с белогвардейцами на Украине, в Крыму, на Дону и Северном Кавказе, так что наши боевые пути не раз пересекались. Но познакомились мы несколько позже...

Вышедший недавно на экраны документальный фильм «Маршал Жуков. Страницы биографии» * довольно подробно и последовательно рассказывает об истоках полководческого таланта Г. К. Жукова, о котором его соратник Маршал Советского Союза А. М. Василевский скажет: «Считаю, что Г. К. Жуков являлся ярким полководческим талантом. Он был рожден для военной деятельности, для больших ратных дел. В славной когорте советских полководцев, так блестяще завершивших военные действия разгромом армий фашистской Германии, он был самым заметным».

Фильм знакомит зрителя с Г. К. Жуковым той поры, когда о нем узнали не только военные специалисты, но и народы всей нашей страны: летом 1939 года он был назначен командующим 1-й армейской группой советских войск в Монголии. Кинокадры напоминают о том тревожном времени, когда японские милитаристы решили прощупать нас всерьез: в сражение были введены большие контингенты танков, авиации, артиллерии и пехоты. Первое время наши дела шли неважно. Но с приездом Г. К. Жукова ситуация резко изменилась. Советские войска совместно с частями Монгольской народно-революционной армии блестяще провели операцию по окружению и разгрому японских соединений. За Халхин-Гол Г. К. Жукову было присвоено звание генерала армии, а на его груди появилась первая Золотая Звезда Героя Советского Союза.

Создателям фильма удалось найти киноинтервью, которое Георгий Константинович дает от имени тех, кто влился в семью советских генералов. Он говорит о том, что советские генералы плоть от плоти и кровь от крови всего нашего народа, всей Красной Армии. Тогда же он призвал командиров и военачальников настойчиво постигать вершины военного искусства.

Я хорошо помню Георгия Константиновича тех предвоенных лет. Что и говорить, все мы были горды успехом на Халхин-Голе, но в то же время хорошо видели просчеты и недостатки, которые выявили эти бои. Их надо было ликвидировать, и как можно быстрее! Все понимали, что главная гроза вот-вот разразится на Западе. А когда это случилось, за положение на восточных границах мы были более или менее спокойны, и не только потому, что держали там немалые силы.

«Халхин-Гол — одна из причин, почему Япония не выступила против нас в войне,— говорил впоследствии Г. К. Жуков.— Не единственная, конечно, причина, но одна из причин...»

И вот грянула Великая Отечественная... Создатели фильма сумели ярко, образно показать, как именно в эти грозные годы со всей полнотой раскрылся полководческий талант Г. К. Жукова. Совершенно правильно поступили авторы фильма, посвятив большинство глав, а их всего семь, именно этому периоду деятельности Георгия Константиновича. Уже в первые дни войны, как представитель Ставки, он совместно с командованием Юго-Западного фронта, на котором воевал и я, организует контрудар в районе города Броды с целью сорвать попытку гитлеровцев с ходу взять Киев. Чуть позже, командуя Резервным фронтом, Георгий Константинович разработал первую в ходе войны наступательную операцию у Ельни. В самые трудные дни битвы за Ленинград Г. К. Жуков принимает командование Ленинградским фронтом. А когда враг угрожал Москве, Г. К. Жуков возглавил Западный фронт. Положение было очень серьезным.

Но ценой неимоверных усилий враг от столицы был отброшен. Потом были Сталинград, Курская дуга, битва за Днепр — здесь наши пути не раз пересекались, и мне довелось воевать под непосредственным руководством Г. К. Жукова. Затем 38-я армия, которой я командовал, в составе 4-го Украинского фронта пошла на Житомир, Винницу, Львов, Остраву и дальше на Прагу, а Г. К. Жуков через Белоруссию и Польшу кратчайшим путем рвался к Берлину.

Там, где появлялся Маршал Советского Союза Г. К. Жуков, неизменно назревали грандиозные бои. Не случайно гитлеровская разведка лезла из кожи вон, чтобы узнать, на каком участке фронта находится Жуков.

Апогеем полководческой деятельности Г. К. Жукова, конечно же, была Берлинская операция. В фильме много уникальных кадров, рассказывающих и о скрытной подготовке операции, и о знаменитой ночной атаке при свете прожекторов, и о боях в самом логове фашистского зверя. Маршал Жуков, как и многие советские воины, расписался на рейхстаге. Расписался как русский солдат, дошедший до Берлина.

Логичным завершением операций по разгрому гитлеровских войск, которые провел Георгий Константинович, было то, что именно он принял в Карлсхорсте капитуляцию вооруженных сил фашистской Германии.

И вот венец славной деятельности Маршала Советского Союза Г. К. Жукова: он принимает Парад Победы! Мы, участники парада, были этим особенно горды — ведь на белом коне один из нас, крестьянский парень, талант которого раскрыли революция, Советская власть и партия коммунистов, та партия, делу которой четырежды Герой Советского Союза Г. К. Жуков отдал всю свою жизнь.

Фильм, получивший на кинофестивале в Лейпциге главный приз «Золотой голубь», заканчивается символическим кадром: Г. К. Жуков на белом коне принимает Парад Победы. Таким он и останется в памяти зрителей и соратников, таким он скачет в будущее. И тут я не могу не вспомнить слова Георгия Константиновича, сказанные с присущей ему прямотой, скромностью и чувством ответственности:

— Я всегда чувствовал, что нужен людям, что постоянно им должен. А это, если думать о смысле человеческой жизни,— самое главное. Моя судьба — лишь маленький пример в общей судьбе советского народа.

Солдатами не рождаются... Мне это изречение очень нравится своей точностью и, если хотите, философской глубиной. Действительно, солдатами не рождаются, ими становятся в силу необходимости. И фильм еще и еще раз подтверждает это.

История нашей страны сложилась так, что профессия защитника Родины стала одной из самых почетных. Маршал Жуков, вышедший из солдатской среды, став крупнейшим полководцем своего времени, все равно был в первую очередь солдатом. Мы, видевшие его на передовой, знавшие, каким честным и принципиальным он был, работая в штабах, как упорно и убежденно отстаивал свою точку зрения перед руководством, таким его и запомним — солдатом Страны Советов.

* Авторы сценария М. Бабак и И. Ицков, режиссер М. Бабак, ведущий М. Ульянов.

В. Шаталин. Род. 1926. ПОБЕДА!

Е. Широков. Род. 1931. ВЕСНА 1945 ГОДА.

БУДУЩЕЕ ОТКРЫТО ДЛЯ ДОБРА

Как и в предыдущих трех книгах эпопеи А. Ананьева «Годы без войны», также печатавшихся в «Новом мире», в четвертой — заключительной — перед нами своеобразный сплав художественной прозы и публицистики, многоплановое полотно, привлекающее жизненной правдой, точностью психологических характеристик, а не внешней занимательностью фабулы.

Действие романа Ананьева развертывается неторопливо, обстоятельно, и среди множества персонажей, населяющих это сложное произведение, трудно даже выделить главных героев в их привычном понимании. Однако именно обыкновенные люди со своими обычными каждодневными делами и заботами придают повествованию эпический размах, поддерживают к нему устойчивый читательский интерес.

Конечно, лишенная эффектных ходов и каких бы то ни было украшательств, предельно концентрированная по мысли проза требует вдумчивого читателя. И несомненный успех книги свидетельствует, что таких читателей у Анатолия Ананьева немало.

Он ведет с ними разговор на равных, серьезно и честно, нигде не акцентируя авторского «я», но и не прячась за спины героев, не боясь открытого диалога, а то и прямой полемики с читателями, доверяя их житейскому опыту, нравственному чувству, гражданственности, приглашая вместе разобраться в важных вопросах нашего общественного бытия, вырастающего из повседневного быта. И в этом особая притягательность романа, который, несмотря на эпическую объективированность повествования, оказывается на поверку произведением сугубо **личностным**, отразившим в лирических отступлениях и непосредственно в художественной ткани пережитое самим писателем, его симпатии и антипатии, привязанности и идеалы.

...Обычно между законченными частями трилогии, тетралогии, романного цикла и т. п. пролегает некий «временной интервал», и каждая последующая часть начинается с новой ситуации. Здесь же части спаяны монолитно, поскольку описанные события (а в романе происходят, в сущности, не события, но жизнь) следуют, что называется, свободным потоком, не завися от сюжетных сцеплений. Нелегкий и смелый творческий эксперимент, являющийся естественным продолжением толстовской традиции.

Критика уже отмечала плодотворное влияние великого классика на композиционную структуру первых трех книг «Годов без войны». В последней мы вновь видим разные слои общества, разные районы страны не в панорамном изображении, а сквозь призму человеческих взаимоотношений — семейных, производственных, приятельских. Земледельцы, партийные работники, «капитаны промышленности», дипломаты, недавние военные, люди искусства проходят на страницах книги в разнообразии связей друг с другом и с историей, которую они совместно творят и которая, в свою очередь, формирует их личные судьбы. Причем логика действия постоянно выносит на поверхность повествования стержневую идею: высшим критерием разумности и состоятельности происходящего должна служить народная жизнь.

Эта идея раскрывается в «Годах без войны» через упорное стремление персонажей типа Мещерякова и неизменно присутствующего рядом с ними автора отделить истинно народное благо от пустопорожних разговоров о нем всякого рода «деятелей». И в результате творчески воспринятая классическая интонация органично вплетается в философские рассуждения А. Ананьева. Вот как, например, начинается четвертая книга романа:

«Завершался год — тот условный виток жизни, какой люди сами определили для себя. С точки зрения государственной виток этот представлялся успешным... Но хотя экономика, как и положено ей, продвинулась еще на шаг к общему благополучию, благополучие это, разделенное на миллионы частей, было так незначительно, что с точки зрения отдельной семьи не замечалось и не воспринималось, и жизнь людей... не подходившая ни под какие условные измерения, была и в канун Нового года точно такой же, какой была и в начале, и в середине лета, и год, и два, и десять лет назад. Компас общественного беспокойства продолжал показывать в сторону деревни... интеллигенция, та, определенного положения, обретавшая влияние, которой казалось, что решение всего и вся зависит от поднятия «национального духа», старалась поднимать этот дух главным образом в себе, потому что на другие дела нужны были иные, более серьезные усилия, а народ... был поглощен заботами о труде и воспитании, из которых всегда складывалась и будет складываться основа общей жизни».

Аргументированный спор и с «почвенниками», и с «западниками», который ведется на протяжении всего романа, достигает в четвертой его книге апогея. Однако еще раньше литератор Мещеряков внезапно понимает, что «нет ни так называемых западников, ни так называемых почвенников... а есть только те, кто за народ, и те, кто для себя, и все дело в этом».

Серединой 60-х годов ограничены в романе хронологические границы повествования, хотя они часто и раздвигаются автором. Какой на первый взгляд короткий отрезок времени, но сколько лиц, событий, дел вместили эти годы в действительности и под пером писателя? Не «календарным перечнем» возвращает их нам Ананьев, тонко воссоздавая атмосферу жизни общества и его отдельной ячейки — семьи. В этом, думается, одно из главных достоинств эпопеи, прослеживающееся от книги к книге. Прибавим, что писатель показывает не только общественный резонанс того или иного события, но и его обусловленность, а в итоге — объемную картину исторического процесса, совершающегося ежедневно на наших глазах и при нашем непосредственном участии.

Исходя из своего индивидуального представления о жанровой специфике романа (иногда наперекор сложившимся канонам), Ананьев считает возможным рисовать события, характеры, поступки и тут же комментировать их от себя. В подавляющем большинстве случаев такое одновременное изображение и оценочные суждения не вступают в противоречие, между ними существуют внутренняя гармония и взаимодействие. Проникаясь переживаниями героев, мы еще сильнее хотим узнать, что думает автор о житейском мужестве, об оборотной стороне комфорта — материального и духовного, о любви и семье, о сути искусства, о фатальном расторжении человека с землей и бессмысленности волюнтаристского подхода к хозяйственному механизму, о сочетании частного и общего в окружающей действительности...

Среди этих и многих других тем, волнующих писателя, можно выделить несколько основных, которые пронизывают все книги романа.

Еще в начальных его главах начинает звучать тема борьбы за мир, перекликающаяся с названием эпопеи. Пленум Советского комитета защиты мира, взывающие к человеческому рассудку рисунки молодого художника Мити Гаврилова, разговоры дипломатов, проводников миролюбивой политики Советского государства,— таковы отдельные моменты развития этой ключевой линии.

Земля и традиционный крестьянский уклад. Они знакомы писателю не понаслышке. Сын крестьянина, агроном по образованию и по опыту работы, А. Ананьев всегда чутко откликался в своем творчестве на проблемы села и в шестидесятые годы, когда на решение этих проблем были направлены силы и внимание государства, не мог пройти мимо деревни. О ней он писал в «Верстах любви», в «Меже», деревне, и ее людям посвящены многие страницы романа «Годы без войны».

Особенно запоминается здесь образ сельского механизатора Павла Лукьянова. Передовой колхозник, сохранивший в душе лучшие качества русского крестьянина, в четвертой книге романа по-новому раскрывается, общаясь дома и в городе со своим знатным сватом-генералом, который, подобно другим горожанам, с удовольствием отдыхая летом в деревне, не замечает за ее внешним благополучием и прелестями глубинных трудностей и наболевших проблем современного села.

Зато о них не дает забывать читателю автор, насыщая ими различные «этажи» здания романа. Они аккумулируются в предложении председателя колхоза Калинкина закреплять колхозную землю для обработки за семьями механизаторов, в целенаправленной деятельности секретаря райкома партии Лукина, и, наконец, на Совещании передовиков сельского хозяйства в Кремле 8 октября 1966 года, где герои художественного произведения встречаются с Терентием Мальцевым и Прасковьей Малининой. Документ и вымысел, факт и воображение соседствуют в книге, обогащая друг друга.

Третья центральная идея романа, также отзывающаяся в его названии, связана с бессмертным подвигом советского народа в Великой Отечественной войне. А. Ананьев боевым офицером прошагал ее смертельными дорогами, написал в свое время фронтовую повесть «Малый заслон», затем снискавший ему широкую известность роман «Танки идут ромбом» и не расстался с мечтой создать новую книгу о войне, ибо тема эта неисчерпаема.

К ней обращаются в радостные и тяжкие минуты жизни полюбившиеся читателям герои писателя, такие, как генерал Коростелев, который трудится над своими мемуарами, посылает письмо в ЦК с предложением соорудить в Москве памятник Победы и, затаив дыхание, следит вместе со всеми за торжественной церемонией перенесения праха Неизвестного солдата к Вечному огню у кремлевской стены.

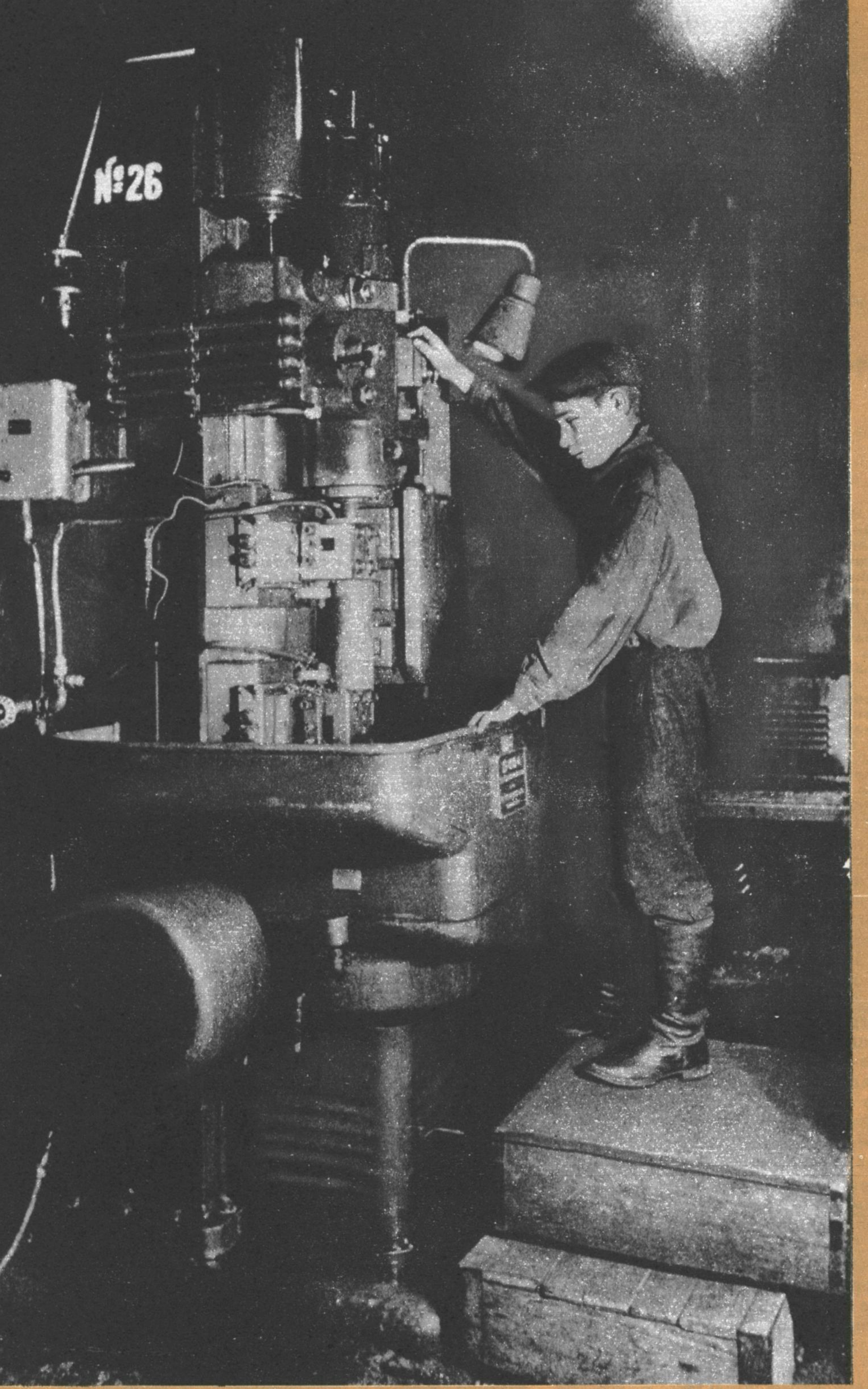
Да, изображенные в романе события происходят в шестидесятых годах, но пространство его то и дело захватывает прошлое, беря там за точку отсчета священную войну, надолго определившую ход мировой истории и «вечным рубцом» оставшуюся жить на теле народа.

Тезис о единстве большого и малого является концептуальной установкой «Годов без войны» и воплощается в пластической форме спокойного, подробного рассказа о примечательных людских судьбах, синтезирующих в себе основное содержание эпохи. Так что Анатолий Ананьев выступает здесь как художник, стремящийся не только к анализу действительности, но и к синтезу. Этой задаче подчинен обширный замысел эпопеи, получающий логическое завершение в четвертой книге романа.

Всем строем своего крупного, значительного произведения писатель утверждает: будущее открыто для добра и труда на благо человечества.

Ю. ОСИПОВ

Анатолий Ананьев. Годы без войны. Книга четвертая. «Новый мир», №№ 2—4, 1984.

«Дядя Саша». На Н-ском заводе, г. Москва. Фото Я. Халипа

Вглядитесь в фотографию мальчишки-подростка, что стоит на ящике у станка. Это кадр из жизни тыла. Может быть, он напоминает вам вашу судьбу? Если у вас сохранились фотографии тех дней, номер заводской газеты, пришлите нам эти свидетельства подвига тыла.

В бой! Северо-Западный фронт.

Дорогие читатели! В этом номере «Огонька» мы открываем новый конкурс, посвященный 40-летию Великой Победы, мы назвали его «Помнит мир спасенный!». Советские воины не только освободили свою Отчизну, но избавили человечество от фашизма. Они принесли свободу народам Польши, Румынии, Болгарии, Венгрии, Чехословакии, Югославии и других стран. Их великая освободительная миссия навсегда останется в благодарной памяти человечества.

Вторая мировая война унесла 50 миллионов жизней. Во многих странах об этой войне сегодня знают лишь по книгам, фильмам да историческим мемуарам. Но для нас, советских людей, война, в которой погибло 20 миллионов граждан нашей Родины, была и останется Великой Отечественной, незабываемой и священной. До сих пор стучит она в двери домов, откуда ушли на битву с врагом и не вернулись отцы, матери, сыновья, дочери.

Редко в какой семье по сей день не хранятся бесценные реликвии того великого подвига — фронтовые письма, пожелтевшие от времени фотографии, сделанные на фронте и в тылу. Это уникальные документы. Сегодня вступают в жизнь дети детей войны — то последнее поколение, которое еще может увидеть живыми участников великой битвы за свободу нашей Родины. Собрать и сберечь, сохранить для потомков эти бесценные фотодокументы, записать рассказ ветерана — наша святая обязанность.

«Огонек» обращается к своим читателям: пришлите в редакцию снимки военных лет из вашего семейного альбома и расскажите историю фотографий, познакомьте нас с судьбой тех, кто на них изображен. Не смущайтесь, что снимок этот самый обыкновенный, любительский и даже чуточку выцвел за эти годы! Пусть и ваша семья пришлет свою страничку в фотолетопись Великой Отечественной войны.

Партизанские будни Фото М. Трахмана

«Огонек» прежде всего обращается к вам, дорогие фронтовики. Ждем ваших фотографий военных лет, писем, воспоминаний о боях на нашей земле и о том, как встречали вас в странах, освобожденных Советской Армией.

«Огонек» обращается к вам, фронтовые корреспонденты: пришлите фотографии военных лет, расскажите о тех, кто в кадре.

Участники партизанской борьбы, их друзья, родные, односельчане, вспомните о тех трудных и славных днях и расскажите о реликвиях, которые храните вы с той поры.

Мы обращаемся к вам, участники Сопротивления в странах Европы. В лесах Польши, Франции, Бельгии, в горах Италии, Норвегии вас знали по партизанским кличкам — «Мишка», «Вася», «Иван», «Володя». Много ваших боевых товарищей пало в боях. Их имена до сих пор неизвестны, но о подвиге их должны знать потомки.

А разве не подвигом было в ту пору выхаживать раненых в госпиталях! Тогда в палаты к бойцам приходили артисты, школьники, рабочие-шефы. Давайте вместе вспомним и об этом.

Фото М. Савина

ПОМНИТ МИР СПАСЕННЫЙ!

1945–1985

Победители в столице фашистской Германии.

Фото А. Морозова

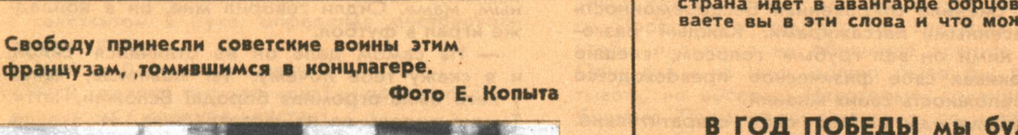
А сколько на своих плечах в ту лихую годину вынесли наши женщины! Вам было не до снимков, дорогие наши бабушки, матери, вдовы, но память ваша хранит столько примеров самоотверженной работы в поле и в цехе. Хотелось бы узнать об этом. Может быть, дети, внуки запишут ваш рассказ и пришлют нам.

Мы предлагаем вам, школьные учителя, которые всегда первыми откликаются на наши конкурсы, проведите у себя в школе, классе урок на тему «О чем рассказал фотоснимок военных лет» и пришлите сочинения ваших учеников. «Огонек» опубликует лучшие из них.

1418 дней длилась эта тяжелая, кровопролитная битва. И, наконец, он настал, тот долгожданный день. 9 мая 1945 года 2 часа 10 минут. «Внимание! Говорит Москва!..» Затаив дыхание миллионы людей услышали: фашистская Германия капитулировала! Победа!

Как вы встретили этот день тогда, в незабываемом сорок пятом? Как отмечают этот праздник в вашем городе, в вашем селе, в вашей семье?

Вот уже сорок лет благодаря подвигу советского народа над Европой мирное небо. Но сегодня ядерные маньяки нацелили на человечество смертоносные ракеты. Наша страна идет в авангарде борцов за мир. Мы говорим: мир — дело каждого. Что вкладываете вы в эти слова и что может сделать во имя мира каждый из нас?

Свободу принесли советские воины этим французам, томившимся в концлагере.

Фото Е. Копыта

В ГОД ПОБЕДЫ мы будем печатать материалы, присланные в адрес конкурса «Помнит мир спасенный!».

Десять человек — авторов наиболее интересных материалов получат приглашение «Огонька» встретить День Победы в Москве. Еще десять участников конкурса получат годовую подписку на «Огонек».

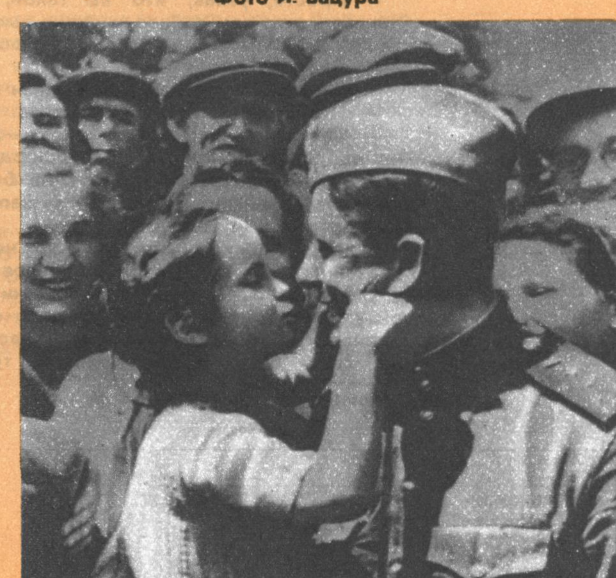
Ждем ваших писем до 25 апреля 1985 года. На конверте пишите: «Помнит мир спасенный!»

Не забудьте кратко рассказать о себе.

Подлинники снимков и документов редакция возвратит до конца 1985 года.

Прага встречает освободителей. Май 1945 года.

Фото И. Вацура

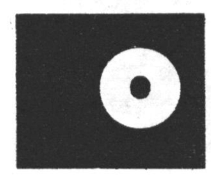

Джек ЛОНДОН

КАПИТАН „Сюзан Дрю“

РАССКАЗ

Рисунки П. ПИНКИСЕВИЧА

ни собрались внизу на тревожный совет. Прошла неделя, для всех неделя непрерывных оскорблений и страхов. Вилли дважды был доведен до точки за курение запретных сигарет и послан за это драить корму и счищать краску. Миссис Джиффорд и Патти сидели в каюте за столом, их плечи и руки теперь были прикрыты наскоро сшитыми кусками полотняной материи. «Сюзан Дрю» сильно качало.

— Он идет на Гавайи,— объявил Сидли Браун, обращаясь к миссис Джиффорд.— Так, как мы и думали.— Я уличил его в этом, заметив, какой курс он прокладывает, и он признался, что это так.

— А оттуда до Сан-Франциско пароходом всего шесть дней,— обрадовалась Патти.

— Разреши мне закончить, детка. Он говорит, что не станет нас высаживать и не хочет давать никаких объяснений. Упрямо твердит, что нам никогда не видать островов.

— Неужели нам никогда не выбраться с этого ужасного судна? — запричитала Патти.

— Почему это нам в конце концов не видать островов? — убежденно вставил Сидли Браун.— Почему же Деккер не увидит их, если он туда идет? Не пойму я, что это за посудина такая. Что-то в ней есть странное. Но что, не знаю.

— Прошу прощения, сэр,— заговорил слуга,— но, мне кажется, я знаю. Это контрабандное судно, сэр.

— Глупости, Пейтон,— решительно вмешалась миссис Джиффорд.— Все-то вы придумываете. Век контрабандистов на морях давно прошел. Их не существует, если не считать нескольких пассажиров, прибывающих в Нью-Йорк из Европы.

— Это опиум, мадам, прошу прощения,— возразил слуга.

Темпл Гаррисон громко топнул ногой.

— Клянусь святым Георгием, уверен, он прав! Сейчас должен быть введен новый тариф, и опиум подскочил в цене. Помню, я читал об этом в Сан-Франциско.

Догадка слуги, если это была догадка, вероятно, была правильной.

— Ну, если он контрабандист и не хочет нас отпустить на берег,— произнесла миссис Джиффорд,— что же нам делать?

Они безнадежно смотрели друг на друга. Никто не знал выхода.

— Прекрасно,— твердо заявила миссис Джиффорд.— Тогда я сама поговорю с этим чудовищем. Я заплачу ему за освобождение.

На трапе показались ноги, и в каюту спустился капитан Деккер. Воцарилось неловкое молчание, которое храбро прервал Сидли Браун.

— Послушайте, сэр,— начал он,— мы обсуждали наше положение и...

— Какое положение?

— Нам все известно о корабле,— смело заявила капитану миссис Джиффорд.— Мы знаем, у вас контрабандный опиум для Гавайев, поэтому вы и не хотите отпустить нас на берег.

— Ну и что?

— Просто, узнав, кто вы такой, я готова показать, что вам сейчас выгодно высадить нас на берег,— сказала миссис Джиффорд.

— Сколько?

— Я готова заплатить пять тысяч долларов.

— Нет, даже за пятьдесят тысяч.

— Согласна на пятьдесят тысяч,—решительно поправилась миссис Джиффорд.— За то, что вы высадите нашу группу на берег где-либо на Гавайских островах, я заплачу вам пятьдесят тысяч долларов.

Капитан Деккер уставился на нее из-под внезапно нахмуренных бровей, словно оценивая серьезность этого предложения. То, что он увидел, судя по всему, убедило его в искренности миссис Джиффорд, но воздействие ее слов было противоположно тому, чего можно было бы ожидать. Алчный огонь, загоревшийся было в его глазах, сменили жесткие складки, сделавшие лицо еще более свирепым.

— Вам не удастся одержать легкую победу надо мной, ни вам, ни вашим деньгам,— хрипло бросил он.— Вы, наверное, думаете, судя по вашему тону, я бедняк. Так знайте, ваши пятьдесят тысяч для меня все равно, что клочок бумаги. Да, «Сюзан Дрю» — контрабандное судно, а я ни в грош не ставлю того, кто знает об этом. Но провалиться мне, если кто-либо из вас сойдет на островах на берег, чтобы рассказать об этом. Пятьдесят тысяч долларов! Ну и что? Да я с ребятами на одном этом рейсе заработаю столько, что хватит на всю жизнь! У меня тридцать тонн наркотика в трюмах. За него нам платят по восемь долларов за фунт, ну-ка, подсчитайте. Думаете, я стану рисковать полмиллионом ради ваших удобств? Ну и ну! Да я сам готов отдать пятьдесят тысяч долларов, чтобы избавиться от вас. Я проклинаю господа бога за то, что тогда связался с вами. И я вас еще терплю здесь, мадам, вот так.

Дни летели. Темпл Гаррисон и старший Сидли Браун тихо переговаривались у леера, вглядываясь в горизонт в тщетной надежде увидеть землю. Им было известно, что вершины самых высоких гор Гавайских островов можно заметить за сотню миль, но капитан Деккер все предвидел. Местом его встречи, по-видимому, была какая-то точка на карте с условленной широтой и долготой, затерянная в океане, в стороне от морских путей. Однажды после утреннего наблюдения он подобрал паруса и лег в дрейф. После этого в течение нескольких дней и ночей «Сюзан Дрю» плавно сносило легким ветром. Но ежедневно, проведя ориентирование, он ставил паруса, возвращался на старое место, и корабль снова лежал в дрейфе.

— Вот лиса,— заметил, обращаясь к Патти, Темпл Гаррисон.— Он слишком хитер, чтобы рисковать вблизи берегов. Это здесь у него место встречи, прямо здесь. Вот тут они и передадут свой опиум.

Капитан Деккер становился все более невыносим. Даже те ничтожные признаки вежливости, которые он обнаруживал ранее, исчезли, их сменила откровенная бесцеремонность со спасенными пассажирами. Каждый разговор с ними он вел грубым голосом, внешне подчеркивая свое физическое превосходство и непреложность своих мнений.

Во время еды он вел себя отвратительно. У него была привычка, ужасавшая всех, кто сидел с ним за столом. Три раза в день он ел свое любимое блюдо — тушеный чернослив. Когда он приступал к нему, к своей тарелке с верхом, разговоры обычно, как по команде, прекращались. Все до единого с интересом взирали, как черносливины одна за другой исчезали в его пасти вместе с косточками. К концу трапезы щеки его раздувались, а глаза становились круглыми. Когда исчезала последняя слива и он делал глоток, он наклонялся над пустой тарелкой и победоносно изрыгал туда накопленные косточки.

Чтобы вывести из себя миссис Джиффорд, у него имелся особый прием. Он принимался молча и с любопытством разглядывать, буквально изучать ее. По временам он внезапно прерывал свои громкие разглагольствования, уставившись на нее удивленными глазами.

— Нет, вы не в моем вкусе,— бесцеремонно заявлял он после такого молчаливого обследования.— Во всяком случае, меня никогда не привлекали полные брюнетки.

Поскольку ее дочь и Темпл Гаррисон поневоле все более и более находили утешение друг в друге, миссис Джиффорд, преследуемая капитаном Деккером, была вынуждена постоянно находиться в компании с учтивым Сидли Брауном.

— Не беспокойся,— говорила она Патти,— у меня нет ни малейшего намерения выходить замуж, тем более за Сидли. Уж очень он напоминает мне, даже слишком, твоего отца.

— Но об отце...— удивилась Патти,— вы всегда говорили...

— О да, разумеется,— поспешила заверить ее мать,— твой отец был прекрасный человек. Но в этом и была сложность: он был слишком хорош, слишком мягок и внимателен. Я так никогда и не смогла понять, как это такой интеллигентный, напористый человек, каким он был, мог столь успешно управлять состоянием Джиффордов. Люди говорили, что это старый Сайлас все сделал — заложил основы и создал структуру фирмы,— но твой отец осуществил то, о чем только мечтал его отец. Если б ему побольше упорства, он бы еще им показал. «Каледония и Северное взморье» — целиком его идея, я случайно узнала это. Финансисты нарекли ее глупостью Джиффорда, а посмотрите на нее теперь.

— Я не возражаю против Сидли Брауна в качестве отчима,— обронила Патти.

— А я возражаю против такого мужа,— ответила миссис Джиффорд.— О, я знаю, каждый сказал бы: это идеально при наших общих финансовых интересах в «Азиатской почтовой компании», «Объединении Грэмайер» и других фирмах. Но я бы не смогла. Сидли нравится мне как милый, добрый друг, но как муж — нет. Если бы мне пришлось снова выйти замуж, позволь сказать тебе, Патти, то моим супругом оказался бы крупный и сильный мужчина.

— Но насколько я помню отца, он был крупным,— сказала Патти.— И, наверное, сильным, мама. Сидли говорил мне, он в колледже играл в футбол.

— На самом деле он не отличался силой, и я скажу тебе почему. Ты помнишь, какая у него была огромная борода? Вспомни, Патти. Ты же видела ее на фотографиях. И знаешь в чем дело, почему у него такая окладистая борода? О чем она должна была говорить? Он являлся единственным сыном Сайласа Джиффорда, его наследником. Он знал, что когда-нибудь ему самому придется столкнуться с этим миром. А его лицо выдает слабость, заботу о других, моральную неспособность растоптать конкурентов и врага. Поэтому он и прятал свое лицо от людских взглядов. Я часто думаю — в этом, очевидно, все дело. Он носил бороду с молодых лет. Я сама никогда не видела его другим. Если у него и были ранние фотографии, то он, вероятно, их уничтожил.

— Вероятно,— прошептала Патти.— Я едва его помню. Мне было всего четыре или пять...

Окончание. См. «Огонек» № 1.

— Нет, детка,— решительно заключила миссис Джиффорд,— если мне придется снова выйти замуж, то это не будет образец совершенства, а мужчина с настоящей кровью в жилах, способный изредка выйти из себя, выругаться и даже валять дурака, но делать это во всю силу. Да что толку говорить! Я никогда не выйду замуж, и мы обе прекрасно знаем почему.

— О мама! Но его шляпу нашли посредине сан-францисского залива. А моторная лодка потонула. Какие тут могут быть сомнения? Страховые компании все выплатили.

— Знаю,—согласилась миссис Джиффорд.— Я не сомневаюсь, что он мертв не только юридически, но и фактически. Но тело-то не нашли, а его поведение было таким странным... Я никогда вам, детям, не говорила всего.

Из открытого люка каюты внизу раздался испуганный визг Мерседес и Марии, уничижительный возглас Пейтона и раскатистый бас пролуженной алкоголем глотки капитана Деккера.

— Но я... я не понимаю, сэр, прошу вашего прощения, сэр,— молил лакей дрожащим голосом.

— А я говорю, вот тебе две женщины,— раздраженно вещал шкипер.— Осмотри и выбирай, какую хочешь.

Снова визг служанок. Снова протестующий возглас Пейтона о том, что он не понимает.

— Да провались ты в преисподнюю! — ругался капитан Деккер.— Разве это не так же ясно, как нос на твоей физиономии? Разве ты не мужчина? Разве эти две девки не женщины? Да ладно, давай я обкручу тебя с той или с этой, скажи с какой.

— Но вы не можете это сделать, сэр...

— Как это не могу, черт возьми?! Полагаю, ты не знаешь, что может капитан в дальних морях.

— Но я, прошу прощения, сэр, порядочный, женатый человек,— причитал Пейтон.— У меня есть жена, сэр, дома, в Англии.

Внизу воцарилось молчание, прерванное отвратительным голосом шкипера.

— Ну и что? Женатый, с каких пор? Я так и знал, чувствовал за этим твоим раболепством и подхалимством скрытое намерение дурачить честных мореходов.

— Да нет, сэр,— взмолился Пейтон.— Вот мистер Браун знает, что я женат. Можете, прощение, сэр, спросить его. Он знает, что я регулярно шлю денежные переводы домой. Он скажет вам...

— Баста, чтоб ты провалился! — взорвался капитан Деккер.— Когда мне захочется послушать твои разглагольствования, я тебе скажу.

Миссис Джиффорд и Патти услышали, как его тяжелые сапоги заскрипели по трапу, и с трепетом ожидали его появления на палубе. Но ничего страшного не произошло, он не стал срывать на них свою злобу, даже не обратил внимания. Капитан долго смотрел в морскую даль. На его злобном лице появились признаки печали. Его губы задвигались.

— О дорогая, дорогая! — шептал он.

— Если бы он был жив, ему было бы сорок восемь лет,— сказала миссис Джиффорд, обращаясь к Темплу Гаррисону.

Большая часть группы спасшихся устроилась на корме в тени, отбрасываемой большим главным парусом.

— Кто это «он»?— неожиданно, по обыкновению грубо, вставил капитан Деккер. Он стоял, освещенный ослепительно ярким солнцем, с секстантом в руке, определяя местонахождение судна.

Миссис Деккер не ответила.

— Я говорю, кто это «он»? — прорычал шкипер громче, опуская секстант.

— Миссис Джиффорд имела в виду своего бывшего мужа,— тихо сказал Темпл Гаррисон.

Капитан Деккер тотчас подхватил разговор.

— А сколько мне теперь, как вы думаете?

Никто не проявил ни малейшего интереса к этому важному факту.

— Мне всего лишь восемнадцать, мадам, вот сколько,— ответил шкипер на свой собственный вопрос, не ожидая приглашения.— Да, сэр, я... мне... этот человек, стоящий перед вами, живет всего восемнадцать лет и не годом больше.— Он умолк, наблюдая за реакцией.

— Тогда вы, наверное, родились взрослым,— сказал Сидли Браун, проявляя невольную заинтересованность.

— Вот именно, сэр. С бакенбардами и усами. И без всякой матери, абсолютно. Я родился в судовом кубрике взрослым мужчиной.

— Как же тогда вы получили имя? — задал вопрос Темпл Гаррисон.

— Из судовых бумаг. Оно было вписано черным по белому: Билл Деккер — я. И что же, вы думаете, было первым моим делом после рождения?

— Полагаю,— решительно сказал Гаррисон,— вы драили кубрики у команды.

— Как раз наоборот, сэр, они драили мой кубрик. Я просто был рожден для драки, но не умел. Поначалу они пытались сладить со мной поодиночке, потом вдвоем, потом втроем, но им никогда не удавалось меня сломить. До конца плавания я побил всех до одного, обоих боцманов и корабельного плотника, а потом начал по новой. Как раз накануне прибытия в Ливерпуль я выбросил из рубки второго помощника. А после того, как мы пришвартовались и получили положенное, я поймал первого помощника в переулке у пирса. Все, что осталось от него, мадам, они отвезли в госпиталь. С морскими плаваниями для него было покончено. Его потом пришлось поместить в богадельню.

Миссис Джиффорд, содрогнувшись, непроизвольно пожала плечами.

— А я горжусь этим, мадам! — прогромыхал он, обращаясь к ней.— Горжусь!

— Полагаю, вы были в дымину, когда они притащили вас на борт корабля? — отважился задать вопрос Темпл Гаррисон.

— Да не был я пьян,— настаивал шкипер.— Говорю вам, это факт. В первый раз открылись мои глаза на этот мир на палубе «Эрминтруд» восемнадцать лет назад. Я отстоял себя. Когда мне исполнился год, я был боцманом. Еще до того, как мне исполнилось два, я стал вторым помощником, а к тому времени, как мне стукнуло три, я уже был первым помощником и настоящим парнем...

Он внезапно умолк. Его привыкшие к морю глаза, механически обшаривавшие горизонт, что-то там обнаружили.

— Эй, парус! — крикнул он.— Где этот наблюдатель? Два румба от ветра! Не надо наблюдателя — я займусь этим. Эй, Плоский Нос, гляди на салинг и разберись, что там.

После обеда в этот томительный вечер спасенным с «Мингалии» не позволяли выйти на палубу. В течение долгих душных часов, что они провели запертыми в каюте, было слышно, как к паруснику причаливали лодки, на палубе звучали незнакомые голоса, раздавался треск и скрежет грузов, извлекаемых на палубу и перегружаемых с их судна на другое.

Ужин в этот вечер не подавали, и задыхающиеся в тесных каютах пленники остались голодными. К одиннадцати часам перегрузка опиума закончилась, и они услышали громкие команды Деккера — он ставил паруса на своем корабле. Потом капитан спустился вниз, налил в стакан виски и осушил до дна.

— Теперь порядок,— прорычал он.— Можете, если хотите, идти на палубу.

— А куда теперь вы нас собираетесь везти? — спросила миссис Джиффорд.

Капитан Деккер задумчиво устремил взгляд между нею и бутылкой виски, потом молча повторил свою дозу в полстакана.

— Не знаю, мадам. Я спешу на запад через Тихий океан и ссажу вас где-нибудь по дороге. Проблема в том, что вас слишком много, чтобы надеяться на обещание хранить тайну. Один-два — на них можно было бы рассчитывать, но восемь... Некоторые, конечно, разболтают. Поэтому вы останетесь со мной, пока я не разбазарю весь опиум. Вам не нравится моя компания, мне ваша — тоже.

Он долго и внимательно смотрел на миссис Джиффорд, к ее крайнему раздражению. Выражение его лица становилось все более отрешенным, казалось, он унесся далеко в мечты. В глазах его загорался какой-то необычный огонь, а на губах появилось подобие усмешки. Пребывая в состоянии отрешенности, Деккер поднял почерневшую от возни с грузом руку и, заигрывая, положил на ее плечо.

— Осалил!— воскликнул он шутливо.— Тебе водить.

Она резко отдернула плечо. Это движение мгновенно привело его в себя. Деккер отпрянул от нее.

— Жаль, черт возьми, что вы не блондинка.

Он отступил к стулу, опустился на него, сжал свою голову в руках и застонал.

— О дорогая! Дорогая!

— Отвратительное животное!—бросила миссис Джиффорд, отряхивая плечо.

— Зверь пьян,— шепнул Патти Темпл Гаррисон.

В последующие дни, пока «Сюзан Дрю» бежала, подгоняемая северо-восточными ветрами, капитан Деккер не изменил своего поведения. Он по-прежнему пристально глядел на миссис Джиффорд. И его демонстративная нелюбовь к брюнеткам не исчезла. Нередко он закрывал лицо руками и стонал: «О дорогая! Дорогая!» Но хуже всего было его непрекращающееся преследование миссис Джиффорд. Казалось, Деккера поминутно влекло к ней и тотчас отталкивало. Патти испытывала ужас. Темпл Гаррисон делал все, что в его силах, чтобы успокоить ее. Сидли Брауна душила бессильная ярость.

Они находились на 18° северной широты и 166° западной долготы, и капитан Деккер заговорил о намерении повернуть на юго-запад и высадить их в каком-нибудь отдаленном торговом порту Новой Британии, как произошло странное и непостижимое событие, заставившее всех серьезно задуматься.

Когда группа людей собрана в тесном помещении продолжительное время и отрезана от остального мира, в ней независимо от того, сколь неудачно она оказалась подобрана, возникает тяга к демократии. В случае великой опасности, такой, как кораблекрушение, или перед лицом смерти принц и лакей могут почувствовать себя равными друг другу. Подобное случилось и с группой спасшихся с «Мингалии». Питая всеми силами души отвращение к капитану Деккеру, они тем не менее вследствие отчаянной скуки, а также более близкого знакомства и большей терпимости к его натуре обнаружили, что все больше допускают его в свой круг на равных и даже обсуждают с ним многочисленные неразрешимые проблемы жизни и философии, которые привычны тем, кто находится вдали во время бесконечных монотонных дней плавания на корабле. Однажды за обедом, сразу после того, как капитан Деккер произвел свой вечерний осмотр, разговор коснулся оккультных наук. Существуют ли такие явления, как телепатия и ясновидение? Темпл Гаррисон высказался отрицательно.

— По мне, все это чепуха,— заявил он.— Ни один человек просто не способен знать о чем-то, что находится вне его собственного жизненного опыта, под которым я понимаю личный контакт с миром посредством пяти чувств и с помощью глаз, путем чтения, ушей, путем слушания того, что сообщают другие. Это и составляет всю сферу его знаний. А помимо этого...

Он умолк, поняв, что его не слушают. Капитан Деккер принялся поедать чернослив, и все стали внимательно наблюдать за ним. Порция у него была большая, и он героически опустошал тарелку. Было вместе с тем очевидно, что его беспокоит какая-то мысль, рвущаяся наружу. Глаза его округлились, но его уши, казалось, старались сориентироваться — так велико было его желание высказаться. Вожделенный момент наконец настал. Он склонил свою голову над тарелкой, изрыгнул целую пригоршню сливовых косточек, а потом уставился на Темпла Гаррисона.

— Все это сплошные разговоры,— были его первые слова.— Вы только спорите, а я знаю. Все, что вы знаете,— это из книг. А что я знаю — это здесь.— Он постучал почерневшим пальцем по своему лбу.— Вот тут битком фактов, которые я никогда не видал и ничего про них не слыхал.

— Я не имею в виду миражи,— презрительно бросил Темпл Гаррисон.

— И я не имею,— пробурчал шкипер.— Я говорю о реальных вещах, о фактах тут, внутри, а откуда они, я точно не знаю.

— Ну, приведите нам хоть один,— предложил ему Гаррисон,— и я попытаюсь объяснить вам, откуда он у вас.

Шкипер повернулся к миссис Джиффорд:

— Мадам, вы хотите, чтобы я продемонстрировал ему? — произнес он медленно и многозначительно.

Миссис Джиффорд высокомерно подняла голову.

— Уверена, что бы вы ни сказали, это меня не может беспокоить,— заявила она холодно.

— Хорошо.— В глазах капитана Деккера вспыхнул огонь.— Ниже вашей левой лопатки, посередине между нею и бедром у вас есть большое родимое пятно, а?!

В его голосе был триумф. А тревожное восклицание Патти и краска, появившаяся на ее щеках, подтвердили, что он угадал.

— Откуда же я об этом знаю? — торжествовал шкипер.

— Вы что, подглядывали за этими леди? — сердито воскликнул Гаррисон.

— Его заявление о родимом пятне не доказывает его существования,— спокойно заметил Сидли Браун.— Мадам, у вас есть родимое пятно?

— Я не собираюсь отчитываться, сэр,— ответила миссис Джиффорд.

— Хорошо, я сообщу вам кое-что еще.

Шкипер перехватил беспомощно-очаровательный взгляд миссис Джиффорд.

— У вас привита оспа, но она не оставила никакого шрама на вашей руке. Хотите еще?

— Нет, нет! Не надо!

Миссис Джиффорд была вся красная, ее щеки пылали. Сидли Браун смотрел на нее с недоумением. Ему приходилось слышать, но он никогда не верил россказням о тонко воспитанных женщинах, в соответствующих условиях склонных к пороку.

— Думаю, тогда это доказывает,— хвастливо заявил капитан Деккер.— Полагаю, есть в моей голове вещи, которые со мной никогда не происходили.

— Мама, пожалуйста! Не обращай на него внимания,— умоляла Патти. Полные ненависти глаза ее были устремлены на капитана Деккера.— Вы не знаете... вы просто не можете...

— А что до вас, мисс, то я знаю такие вещи, которые заставят вас тоже покраснеть, и побольше, чем вашу мать.

— Нет, нет и нет! — закричала в панике Патти.

Капитан Деккер откинулся на своем стуле. Переводя взгляд с одной женщины на другую, он мрачно пробормотал:

— Мне, полагаю, известно много всякого о том, чего я никогда не видал. Так что ваши разговоры ни к чему.

После этого инцидента потерпевшие выбрали удобный момент на палубе, чтобы все обсудить в своем кругу.

— Не думаю, чтобы следовало беспокоиться,— утешал Патти Темпл Гаррисон.— Он просто хитрый. Наверное, он когда-то подслушал, как ваша мать упоминала о пятне.

— А оспа? — возразила Патти.

— Я позавчера думала о пятне,— призналась миссис Джиффорд,— хотя уверена, что не упоминала о нем. В тот самый день, когда неожиданно ворвался юнга. Нет, теперь я ни за что не стану думать ни о чем личном возле этого страшного человека. Уверена, что он телепат.

— Все очень странно,— заметил Сидли Браун.— Хотя не сомневаюсь, что существует какое-то разумное объяснение. Хотелось бы, однако, все выяснить.

Его желание исполнилось скорее, чем он предполагал. После полудня капитан Деккер застал Вилли курящим сигарету возле собранных парусов и такелажа, и это было концом. Инцидент привел шкипера в ярость. В наказание, чтобы неповадно было, он послал Вилли на верхотуру, в боцманское кресло, смолить такелаж грот-мачты.

Всем потерпевшим с «Мингалии» пришлось выслушивать его злобную ругань и проклятия. Укрыться от его оглушительного голоса не удалось никому. Сидли Браун спокойно стоял возле миссис Джиффорд, прикрывая ее,— она сидела на складном брезентовом стуле. Патти и Темпл Гаррисон прижались друг к другу, и он держал ее за руку. Капитан Деккер рвал и метал.

Темплу Гаррисону единственному довелось видеть все, что произошло. Переведя взгляд вверх, на Вилли, карабкающегося на головокружительной высоте в свое боцманское кресло, он был поражен выражением яростной ненависти, исказившей нежное лицо юноши. С боцманского кресла свисал тяжелый горшок со смолой. Вилли обхватил ногами ванты и, освободив руки, стал отвязывать смоляной горшок. Гаррисон вначале не понял его намерения. Между тем, держа черный горшок в руках, Вилли выжидал. Капитан Деккер метался под ним туда-сюда. Темпл Гаррисон видел, как юноша покачивал горшком со смолой вслед за шагами капитана и потом отпустил его. Не переворачиваясь, дном вниз, горшок ударил прямо в голову капитана Деккера. Он тяжело рухнул на палубу, вытянулся и затих. Миссис Джиффорд, задыхаясь, сдавленно вскрикнув, поднялась со стула. Патти пронзительно закричала и была подхвачена за талию Темплом Гаррисоном.

Никто не говорил и не двигался. Все смотрели на неподвижное тело на палубе. Плосконосый направился к нему. Патти, едва не теряя сознание, пошла прочь. Темпл Гаррисон продолжал ее поддерживать. Сверху Вилли напряженно наблюдал всю эту картину, бледный, в ужасе от содеянного. Нерадивый, сбитый с толку помощник, покачиваясь, глупо уставился на тело капитана. Все напряженно на него смотрели, даже рулевой, на невыразительном лице которого особенно выделялись полные страха глаза.

Сидли Браун успокаивающе обнял миссис Джиффорд.

— Ни в коем случае не говорите его детям,— шепотом умоляла она,— особенно Вилли.

— Его детям? — переспросила Сидли Браун.— Его?

— Да. Разве вы не видите? Разве вы не узнали их... его глаза? В это ужасное мгновение? Они были нормальными и... благородными...

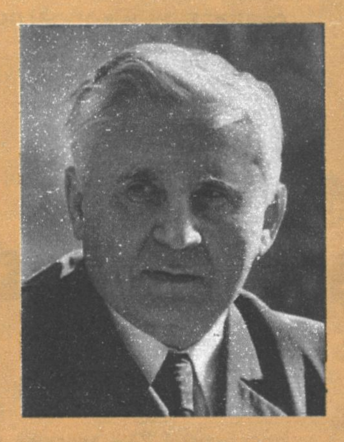
— Так, значит, он не утонул?

— О, я так думала. Но его рассудок помутился.

Она повернулась и, как слепая, побрела к перилам, обхватив их своими пухлыми руками, она стала напряженно искать невидимую линию горизонта.

Перевел с английского В. БЫКОВ.

Своей любовью пришвартован

Анатолий КАЛИНИН

●

А ты, цыган, запой
Наперекор судьбе,
Что б ни было с тобой,
Нельзя не петь тебе.
Пускай ты одинок
Под заревом грозы,
Пускай ты изнемог,—
Ни вздоха, ни слезы.
Под кровлей земляной
Давно молчат друзья,
Но ты, цыган, запой.
Не петь тебе нельзя.
Над тихою рекой
Проснулись соловьи,
И ты, цыган, запой
О дружбе и любви.
Под теплою золой
Огонь еще живет,
А месяц молодой
Опять копытом бьет.
И ты, цыган, запой
Наперекор судьбе,
Что б ни было с тобой,
Нельзя не петь тебе.

●

За все я маму, как святую,
Люблю и помню без конца,
Но если б знали, как тоскую
Я всю дорогу без отца.
Не мне в причинах разбираться,
Не нам родителей судить,
Мне б только раз к нему прижаться,
Мне б только около побыть.
Он от меня не отказался,
Недаром видел я во сне,
Когда в слезах я просыпался,
Что он остался на войне.
Я с детства помню и уверен,
Другим завидовать нельзя,
Но и таиться не намерен,
Что я завидовал друзьям:
Ни за нечестность не накажет,
Ни за пропущенный урок
И в час решающий не скажет:
— А ты подумай-ка, сынок.
Уже и детство отступило,
Уже и юности черед,
Уже и мама отлюбила,
А мне его недостает.

●

И вновь завистливая злоба
У твоего — теперь уж — гроба
Хотела встать мне поперек,
Но я ее предостерег.
Пока в салоне самолета
Она по памятке, с зевотой
Твердила скорбный ритуал,
Я твой порог переступал,
Чтоб не в порядке учрежденном
Поклон положенный отдать,
А горьким счастьем награжденным,
Наедине поцеловать.

●

Даже и хмель превращается в уксус
В старом вине...
Долго ли виться казачьему усу
В лютом огне?
Даже тобою, походная бурка,
Кормится моль...
Вот и на сердце стирается шкурка —
Рана сквозь боль.
В вешнем дыму с чебрецового склона,
В россеве слез
Вижу я дна обмелевшего Дона
Кость.

●

И еще на обрыве Вешенском,
Где отныне не гаснет пожар,
Из цветов полевых накошенный
Я увидел бесценный дар.
Был в стакане он с гранями синими,
Прислоненном под самый портрет,
И в росе, как в слезах Аксиньиных,
Этот ландышей первоцвет.
И тотчас же привиделось взору,
Как из леса их бережно нес
На рассвете в станицу Григорий
В неумелой руке через мост,
А потом у могилы высокой
С недодуманной думой своей
Он стоял, навсегда одинокий,
Чтоб уйти до прихода людей.

●

Казачьи струги в старину
Недаром в песнях величали:
С тех пор, должно быть, и с причалов
Воруют лодки на Дону
И гонят через всю страну.
И я, уснув однажды в лодке,
Железной горстью с самоходки
Матроса с разинским плечом
Едва был вдаль не увлечен,
Как вдруг прервался этот сон.
Но, им надолго очарован,
Лежал я, навзничь распростерт,
Под небом Родины суровой,
Своей любовью пришвартован,
С кормы сползающей за борт.

●

Не за   то ли ты, амброзия,
Обрекла меня страдать,
Что своей любимой прозе я
Стал все чаще изменять?
Иль за то твоей, амброзия,
Так отравлен я пыльцой,
Что не внял твоей угрозе я
Поберечь свое лицо?
То ли это ты, амброзия,
То ли ветер, то ли зной...
Почему ж и на морозе я
Обжигаюсь вдруг слезой?

●

С душою чуткой и открытой
Для новых веяний и мод,
Вчера он был космополитом,
А нынче — снова патриот.
Опять воспел за самоваром
Чету белеющих берез,
Чтоб завтра с электрогитарой
Рок-н-ролл наяривать до слез.

●

Перед угрозой новой шоры
Скорее сбросим с глаз, друзья.
Междоусобные раздоры
Никак позволить нам нельзя.
Какие счеты и расплаты,
Когда о том сегодня речь —
Как все, что дорого и свято,
От мрачной силы уберечь:
От беспросветности безликой,
От безнадежной наготы,
От безответной, безъязыкой
И вопиющей пустоты.

●

О, я за вороном слежу,
Я безответным не останусь,
Своим стволом его достану
И в грозный миг не пощажу.
Нащупав злобное вранье,
Не подведет рука казачья,
И не по мне тогда заплачет
Над Диким полем воронье.

●

Н. В. Закруткиной

Когда в кочетовской прославленной чаше
Уже не останется больше вина,
С моим односумом, как прежде, Наташа
Останется в доме притихшем одна.
На званом пиру отхлебнув с преизбытком,
Умчатся на «Волгах» крылатых друзья...
И — снова к перу он на радость и пытку,
А ей от него отлучаться нельзя.
У славы, ремнем подпоясанный туго,
В защитной одежде, в окопной земле,
И той, что звенит и сверкает у друга,
Которой его награждали в Кремле,
Соперница вечная есть и подруга
По праву любви, что под дверью хирурга
Металась, когда он хрипел на столе;
По праву любви, утешающей вздохи,
По праву любви, утоляющей стон...
Она только знает, какой он нелегкий,
А был бы он легкий, так был бы не он.
Еще не блистая при полном параде,
Он ею пожизненно был награжден.
Я б с другом поспорил об этой награде,
Когда бы до этого не был влюблен.

●

Повесы атомного века,
Былых наследники повес!
Вам не поможет дискотека,
Не там вы ищете невест.
Разуйте очи, и в натуре
Вы в этом лучшем из миров
Найдете их на верхотуре —
В комбинезонах штукатуров
И с трафаретом маляров.

●

Не в бреду и не в экстазе я,
А уверен и сейчас,
Что сама взглянула Азия
На меня из ваших глаз.
Неспроста тропою конною,
Уходящей сквозь пески,
На Восток всегда за женами
Устремлялись казаки.
Где ты, конь мой неподкованный?
Юность, где? И, как чудак,
Безнадежно очарованный,
Я твержу:— Светлана Пак...

●

В пылу горячих наслаждений,
Под бурный плеск сердцебиений,
Тебя несущих прямо в рай,
Смотри себя не потеряй.

В коврах служебного вигвама
И в аромате фимиама
Друзей, влюбленных через край,
Смотри себя не потеряй.

При озарении трибунном
И при падении безлунном
С судьбою в прятки не играй...
Смотри себя не потеряй.

Лев ШЕРСТЕННИКОВ,
специальный корреспондент «Огонька»
Фото автора

Среди лесов немеренных

... Праздник вот-вот должен был начаться. По фойе колхозного Дома культуры пробегали возбужденные артисты, шуршали расшитые юбки, кто-то тут же, в сторонке, докручивал лихой перебор на баяне. В этой предпраздничной суматохе, как положено, под ногами крутились малыши. А в намытом до домашней чистоты зрительном зале уже собирался народ...

Колхозный хор отмечал полувековой юбилей. Собранные, торжественные, на сцене в роскошных костюмах сидели именинники — те, кто нынче славит свои края песней. Поздравляющие поднимались из зала. Слова говорили добрые, разные, и выходило, что все рассказывают о чем-то своем и привычном, словно судьба каждого сплетена с этим хором. А потом стали показывать костюмы, которые когда-то нашивал хор. Вот в этих выступали в Москве, вся страна по телевидению могла тогда видеть вятских певцов. Вот в этих нарядах ездили по стране, по ближним и дальним городам. А это самые первые одежки хора. Скромненькие, дешевенькие платьица. Нынешним, конечно, не чета. Но они-то особенно и дороги! Ведь это же история. И не хора даже, а становления и мужания колхоза. Только книгу истории мы словно начали листать в обратном порядке — от нынешних дней к ее истокам...

Отправляясь в вятские края посмотреть, какие там кружева плетет зима, я не имел заранее адреса хозяйства. И попал с корабля на бал, то есть на праздник хора, почти случайно. Пока добирались до «Красного Октября» — а это около сотни километров от Кирова,— по сторонам дороги бежали разграфленные черным и белым поля, зеленели озимые, слегка отороченные снегом, чернели боры, да проплывали редкие белые полотнища замерзших прудов. Не побаловало начало нынешней зимы вятскую землю снегом. Да и вообще здешнюю зиму я как-то иначе себе представлял. Хранившаяся долго в доме папаха и тулуп отца, врачевавшего в этих краях как раз шесть десятков лет назад, говорили скорее о вьюжных и морозных ночах, переметенных сугробами дорогах, леденящем душу вое волков... Вот воспоминания отца, уездного санитарного врача, приступавшего к своим обязанностям в начале двадцатых: «Впечатление о состоянии детских домов сложилось весьма тягостное. Все они находились в антисанитарном состоянии... Фактически все дети были больны и нередко являлись носителями не одной, а нескольких болезней. Многие были поражены туберкулезом, трахомой, оспой...» Двадцатые годы... Те, с которых ведет свою биографию колхоз. Разруха, нищета, голод...

Тогда-то и зародился в деревне агрокружок. Душой и организатором его стал Петр Алексеевич Прозоров. Вятский парень успел уже хлебнуть горя на городских работах, и повоевать в рядах Красной Армии, и поработать председателем комитета бедноты. В 1924 году кружку для общественной обработки был выделен участок земли. А к празднику Октября в том же году на торжественном собрании в деревне Чекоты преобразовали кружок в производственное товарищество и дали ему название «Красный Октябрь»... Об этом в свое время писал и «Огонек». Очень давними кажутся те дни. Нет в живых первого председателя. На центральной колхозной площади стоит его бронзовый бюст, украшенный двумя звездами Героя Социалистического Труда. Колхоз уже давно стал не только видным на Кировщине, но известен и по всей стране. Никто уж, верно, не помнит, что Вожгалы — центральная усадьба колхоза — означает мокрый луг, а пожалуй, и болотину. Нынче это село, даже и не село, пожалуй, а поселок городского типа — в квартирах вода, канализация, газ. Об электричестве говорить не приходится. Словом, день нынешний и день минувший разделены широкой рекой времени. С одного ее берега едва видится другой. Но так ли это, так ли?.. Взгляните на верхний снимок нашей цветной вкладки. Не каждый день, понятно, собираются за одним столом соседи, а если соберутся, найдется, о чем вспомнить ветеранам, есть что послушать тем, кто идет им вослед. Вот сидит за столом с правого края Дмитрий Алексеевич Прозоров. Это родной брат знаменитого председателя. В 1927 году коммунар Дмитрий Прозоров привел в свою деревню первый трактор.

— Крестьяне смотрели на мой «фордзон» как на чудо. Еду, смотрю, толпа стоит, поп молебен служит. Люди увидели трактор, гурьбой к нему бросились. Испортил я попу, как говорится, всю обедню. Мужики толпятся, интересуются, вопросы задают. А священник говорит: бесовская эта машина всю землю керосином провоняет, и ничего на полях расти не будет. Крестьяне ждут, что я им на это отвечу. Словам, правда, не очень-то они верят. Но тут дед один выручил. «Вспаши-ка мою «душовку»,— говорит (так называли земельные наделы единоличников).— Один живу, лошади нет, все равно кого-то нанимать придется». Вспахал я старикову полоску. Мужики сунули руки в землю — глубину вспашки меряют, мнут землю в руках, нюхают ее — ничего, не пахнет керосином, и разделка что надо. Вот тогда признали — хорошая машина...

По другую сторону стола сидит Петр Федорович Мутных. Человек на слова экономный. А ведь тоже мог бы вспомнить, как два десятилетия спустя принимал у Прозорова эстафету. Начинал плугарем, была прежде такая должность. Потом трактор изучил, отменным трактористом стал, а затем и бригадиром, сам принялся готовить молодежь. За три пятилетки около семидесяти мастеров «отпочковались» от него. А когда возник в колхозе вопрос о выборе председателя совета наставников, кандидатура бригадира тракторной бригады Петра Мутных оказалась бесспорной...

Ордена Ленина «Красный Октябрь» нынче выращивает зерно, разводит скот. Ему присвоен высший титул племенного хозяйства — завод по разведению крупного рогатого скота холмогорской породы. Впрочем, перечислением разнообразной продукции никого теперь не удивишь. Как не удивишь и стабильным ростом урожайности. И все же стоит сказать, что в благоприятном 1982 году зерна здесь собрали почти по сорок центнеров с гектара. Конечно, год на год не приходится, но меньше и меньше становится амплитуда колебаний между годом лучшим и худшим. Все круче, увереннее эта ломаная кривая урожайности тянется вверх. А ведь все пришло не само собой, не задаром.

«Почвы тут дерново-подзолистые и средне-оподзоленные, суглинистые, имеющие на глубине десяти—двадцати сантиметров светло-серую, пылевидную, как зола, прослойку, сильно кислую, бедную питательными веществами, почти лишенную перегноя, с плохими физическими свойствами»,— писал в рапорте начальству чиновник Вятской уездной управы, посетивший Вожгальскую волость в 1909 году... Сколько же эту далеко не щедрую землю нужно было осушать, удобрять, лелеять, чтоб она наконец стала сторицей вознаграждать труд хлебороба и животновода, крестьянский труд...

С нынешним председателем колхоза Леонидом Ивановичем Корякиным, коренным красноoктябрьцем, совершаем беглую экскурсию по хозяйству.

Сытным молочным духом пахнет на ферме. Пожевывают свою жвачку коровы, отдыхая на соломенных подстилках. Вот из помещения выпустили буренок на прогулку. Молодняк — нетели, резвятся, как школьники на перемене: на всех четырех копытах катаются по хрупкому ледку, играя, слегка поддевают друг друга рогами. А чего? Сыты, здоровы, настроение отменное. Кстати, о настроении. Доярки заметили: если подходишь к корове не в себе, та это чувствует и не все молоко отдает. Значит, и настроение работниц — фактор экономический...

Поэтому в «Красном Октябре» большое внимание уделено быту, отдыху, свободному от работы времени колхозников. Красноoктябрьцы всегда умели мечтать. Когда-то, еще в давние годы становления колхоза, на партсобрании коммунисты колхоза предложили построить на речке Быстрице земляной вал и соорудить пруд для разведения рыбы и водоплавающей птицы. За полтора дня четыреста человек перелопатили около семи тысяч кубометров земли... Мы проезжаем по мосту, а внизу рыбаки замерли у лунок. Сегодня выходной, есть где любителям рыбалки время провести, и ездить далеко не надо. А по другую сторону моста вострят лыжи мальчишки. Это воспитанники колхозной спортшколы. Спорт вообще здесь в почете. Стучат в волейбол в спортивном зале не только молодые, но и те, кому, как говорится, уже за тридцать... Мамаши, прогуливающие своих крохотуль на детской площадке, украшенной деревянными теремами, дожидаются с тренировки мужей. Вот она, колхозная зима. Много новых черточек внесло в нее время. Да и деревня мало чем напоминает классическую картину: снег до окон да хвосты дымов из труб. Такое тоже увидишь. Но больше дома современные.

— А как с молодежью? Не бросают колхоз? — спрашиваю председателя.

— С парнями вопросов нет. И после армии возвращаются сюда. С девчатами посложнее. Им мало у нас работы. Но думаем и для них производство организовать. Без невест же нельзя.

Да, из хороших хозяйств народ не уходит...

с. Вожгалы, Кировская область.

Есть что вспомнить ветеранам колхоза, есть что рассказать тем, кто принимает эстафету от первых коммунаров... * Заря-заряница * Сорок пять лет состоит в колхозном хоре Лидия Емельяновна Панкратова. Пристрастилась к пению и дочь Наталья, да и внучки Лариса и Юлия. Целый квартет получился * Расписные терема — для самых маленьких... * ...А для взрослых — золотая рыбка в колхозном пруду.

НА РАЗВОРОТЕ ВКЛАДКИ: Любят красноoктябрьцы свой хор, которому исполнилось полвека. Ирина Черемнина, нынешний хормейстер, проводит спевку.

Фам.
Сергѣй Сергѣичъ, нѣтъ, ужъ коли зло пресѣчь,
Забрать всѣ книги бы да сжечь.
Загор.
Нѣтъ-съ, книги книгамъ рознь; а если бъ между нами
Былъ цензоромъ назначенъ я,
На басни бы налегъ, охъ басни! смерть моя!
Насмѣшки вѣчныя надъ львами, надъ орлами!
Что кто ни говори,
Хотя животныя, а всё-таки цари.
Хлестова
Отцы мои! ужъ кто въ умѣ разстроенъ,
Такъ всё равно отъ книгъ ли, отъ питья ль;
А Чацкаго мнѣ жаль.
По христіански такъ, онъ жалости достоинъ;
Былъ острый человѣкъ, имѣлъ душъ сотни три.
Фам.
Четыре.
Хлест.
Три, сударь!
Фам.
Четыреста.
Хлестова
Нѣтъ триста.
Фам.
Въ моемъ календарѣ
Хлест.
Всѣ врутъ календари.
Фам.
Какъ разъ четыреста, охъ! спорить голосиста!
Хлест.
Нѣтъ триста! Ужъ чужихъ имѣній мнѣ не знать!
Фам.
Четыреста, прошу понять!
Хлест.
Нѣтъ триста, триста, триста!
Явленіе послѣднее
Тѣ же и Чацкій.

Н. Дм.
Вотъ онъ.
Граф. вн.
Шш!
Все.
Шш! (пятятся отъ него въ противную сторону)
Хлестов.
Ну какъ съ безумныхъ глазъ
Затѣетъ драться онъ, потребуетъ къ раздѣлкѣ!
Фам.
О Господи! помилуй грѣшныхъ насъ! (опасливо)
Любезнѣйшій! ты не въ своей тарелкѣ,
Съ дороги нуженъ сонъ, дай пульсъ, ты нездоровъ.
Чац.
Да, мочи нѣтъ, мильонъ терзаній
Грудямъ отъ дружескихъ тисковъ,
Ногамъ отъ шарканья, ушамъ отъ восклицаній,
А пуще головѣ отъ всякихъ пустяковъ.
(подходитъ къ Софьѣ)
Душа здѣсь у меня какимъ-то горемъ сжата,
И въ многолюдствѣ я потерянъ, самъ не свой.
Нѣтъ, недоволенъ я Москвой.
Хлест.
Москва, вишь, виновата!
Фам. (дѣлаетъ знаки Софьѣ)
Подальше отъ него....
Гмъ... Софья!.. не глядитъ.
Софья (Чацкому)
Скажите, что васъ такъ гнѣвитъ?
Чац.
Въ той комнатѣ незначущая встрѣча:
Французикъ изъ Бордо, натуживая грудь,
Собралъ вокругъ себя родъ вѣча
И сказывалъ, какъ снаряжался въ путь
Въ Россію, къ варварамъ, со страхомъ и слезами

АЛЕКСАНДР ГРИБОЕДОВ. БЕССМЕРТИЕ

ФАКТЫ, ДОКУМЕНТЫ, ВОСПОМИНАНИЯ

Белинский писал, что Грибоедов «принадлежит к самым могучим проявлениям русского духа». Автор бессмертной комедии, блестящий дипломат, человек выдающегося ума и личного бесстрашия, он отразился в «Горе от ума» всеми чертами своего характера, всей силой своего темперамента. Пушкин точно заметил декабристу Бестужеву, прочитав «Горе от ума»: «В комедии «Горе от ума» кто умное действующее лицо? ответ: Грибоедов. А знаешь ли, что такое Чацкий? Пылкий, благородный и добрый малый, проведший несколько времени с очень умным человеком (именно с Грибоедовым) и напитавшийся его мыслями, остротами и сатирическими замечаниями».

Представление о личности Грибоедова мы попытаемся передать голосами самого писателя и его современников.

«Грибоедов родился в Москве, 1795 года; мать его, имевши только сына и дочь, ничего не пощадила для их воспитания, и Грибоедов своей понятливостью и любознанием в полной мере удовлетворял ее. Тогда еще не были назначены лета для вступления в университет, и он вступил студентом тринадцати лет, знавши уже совершенно французский, немецкий и английский языки и понимавши свободно в оригинале всех латинских поэтов; в дополнение к этому имел необыкновенную способность к музыке, играл отлично на фортепиано, и если б посвятил себя только этому искусству, то, конечно, сделался бы первоклассным артистом. Но на пятнадцатом году его жизни обозначилось уже, что решительное его призвание — поэзия».

С. Бегичев

* * *

«Настал наконец 1818 год, с которого жизнь Грибоедова совершенно изменилась и взяла переворот, благотворный для его дарований.

К нам ездил часто сослуживец мой по полку, молодой, очень любезный шалун и ветреник, поручик Шереметев. В одно утро вбегает он к Грибоедову совершенно расстроенный, жалуется, что танцовщица, в которую он был влюблен, изменила ему для графа Завадовского, говорил, что он застрелит его, послал уже к нему вызов и просил Грибоедова быть у него секундантом. Со всем своим красноречием Грибоедов не мог уговорить его, и на другой день Шереметев был смертельно ранен. Я был в отсутствии, и Грибоедов писал ко мне в Москву, что на него нашла ужасная тоска, он видит беспрестанно перед глазами умирающего Шереметева, и пребывание в Петербурге сделалось для него невыносимо. А в продолжение этого времени познакомился с ним очень замечательный по уму своему Мазарович; он был назначен поверенным по делам в Персию и предложил Грибоедову ехать с ним секретарем посольства. Я возвратился из Москвы за несколько дней до их отправления, и горестно было расставание наше!

Трехлетнее (если не ошибаюсь) пребывание его в Персии и уединенная жизнь в Тебризе сделали Грибоедову большую пользу. Сильная воля его укрепилась, всегдашнее любознание его не имело уже преграды и рассеяния. Он много читал по всем предметам наук и много учился. Способность его к изучению языков была необыкновенная: он узнал совершенно персидский язык, прочел всех персидских поэтов и сам мог писать стихи на этом языке. Начал также учиться санскритскому языку, но учение это не кончил. Потом был он чиновником при известном генерале и тогдашнем начальнике Грузии и Кавказа, Алексее Петровиче Ермолове, пользовался его благорасположением, бывал с ним в военных экспедициях и до конца жизни отлично уважал его. Из Грузии писал он мне: «Наш кавказский проконсул гигантского ума!» и после лично несколько раз повторял мне то же. После пятилетней разлуки с душевной радостью увиделись мы опять, с ним в Москве. Он приехал в отпуск в марте 1823 года.

Из комедии его «Горе от ума» написаны были только два действия. Он прочел мне их, на первый акт я сделал ему некоторые замечания, он спорил и даже показалось мне, что принял это нехорошо. На другой день приехал я к нему рано и застал его только что вставшим с постели: он неодетый сидел против растопленной печи и бросал в нее свой первый акт лист по листу. Я закричал:

— Послушай, что ты делаешь?!!!

— Я обдумал,— отвечал он,— ты вчера говорил мне правду, но не беспокойся: все уже готово в голове моей.

И через неделю первый акт уже был вновь написан.

В апреле я женился; событие это интересно только для меня одного, и я бы, конечно, об нем умолчал без маленького происшествия, которое характеризует поэтическую натуру Грибоедова. Он был у меня шафером и в церкви стоял возле меня. Перед началом службы священнику вздумалось сказать нам речь; Грибоедов, с обыкновенной своей тогдашней веселостью, перетолковывал мне на ухо эту проповедь, и я насилу мог удерживаться от смеха. Потом он замолчал, но, когда держал венец надо мной, я заметил, что руки его трясутся и, оглянувшись, увидел его бледным и со слезами на глазах. По окончании службы, на вопрос мой: «Что с тобой сделалось?» — «Глупость»,— отвечал,— «мне вообразилось, что тебя отпевают и хоронят».

С. Бегичев

* * *

«Вскоре после ужасного наводнения в Петербурге, Ф. В. Булгарин, у которого сидел я, дал мне прочесть несколько отрывков из грибоедовской комедии «Горе от ума». Я уже не раз слышал о ней; но изувеченные изустными преданиями стихи не подали мне о ней никакого ясного понятия.

Я поглотил эти отрывки; я трижды перечитал их. Вольность русского разговорного языка, пронзительное остроумие, оригинальность характеров и это благородное негодование ко всему низкому, эта гордая смелость в лице Чацкого проникла в меня до глубины души. «Нет», сказал я сам себе, «тот, кто написал эти строки, не может и не мог быть иначе, как благородное существо».

А. Бестужев

* * *

«Обладая всеми светскими выгодами, Грибоедов не любил света, не любил пустых визитов или чинных обедов, ни блестящих праздников так называемого лучшего общества. Узы ничтожных приличий были ему несносны потому даже, что они узы. Он не мог и не хотел скрывать насмешки над позлащенною и самодовольною глупостью, ни презрения к низкой искательности, ни негодования при виде счастливого порока. Кровь сердца всегда играла у него в лице. Никто не похвалится его лестью; никто не дерзнет сказать, будто слышал от него неправду. Он мог сам обманываться, но обманывать — никогда. Твердость, с которою он обличал порочные привычки, несмотря на знатность особы, показалась бы иным катоновскою суровостью, даже дерзостью; но так как видно было при этом, что он хотел только извинить, а не уколоть, то нравоучение его, если не производило исправления, по крайней мере не возбуждало и гнева».

А. Бестужев

* * *

«В 1824 г. появилась в рукописи бессмертная комедия Грибоедова. В печати были тогда только две или три сцены из нее, помещенные в альманахе под названием «Русская Талия», изданном Булгариным; но вся комедия была в то время запрещенным плодом. Мы с Григорьевым предложили Александру Сергеевичу разыграть «Горе от ума» на нашем школьном театре, и он был в восхищении от нашего предложения. Большого труда нам стоило упросить доброго инспектора Бока дозволить и воспитанницам принять участие в этом спектакле... Наконец, он согласился, и мы живо принялись за дело; в несколько дней расписали роли, в неделю их выучили, и дело пошло на лад. Сам Грибоедов приезжал к нам на репетиции и очень усердно учил нас. Надо было видеть, с каким простодушным удовольствием он потирал себе руки, видя свое «Горе от ума» на нашем ребяческом театре. Хотя, конечно, мы откалывали его бессмертную комедию с горем пополам, но он был очень доволен нами, а мы были в восторге, что могли угодить ему. На одну из репетиций он привел с собою А. Бестужева и Вильгельма Кюхельбекера, и те также нас похваливали... Наконец, комедия была уже совсем приготовлена, на следующий день назначен был спектакль... но, увы, все наши хлопоты и надежды лопнули, как мыльный пузырь. Накануне самого представления, во время последней репетиции, является к нам инспектор Бок и объявляет нам грозный фирман графа Милорадовича (который имел тогда главное начальство над императорскими театрами и которому кто-то донес о наших затеях), чтобы мы не смели так либеральничать и что пьесу, неодобренную цензурой, нельзя позволять играть в театральном училище. Все мы повесили носы от этого неожиданного известия, и пришлось нам горемычным повторить два стиха из запрещенной комедии.

Ни беспокойства, ни сомненья,
А горе ждет из-за угла!

Да, действительно, мы все были в страшном горе, а наш простодушный Бок перетрусился не на шутку: он, кажется, боялся, чтоб за свою слабость к нам не попасть ему в крепость. Но дело ограничилось одним только выговором.

Мы с Григорьевым отправились тотчас же к Грибоедову с этим роковым известием, что, конечно, его сильно огорчило.

Итак, поэту не суждено было видеть на сцене (даже и в таком горемычном исполнении, как наше) своей бессмертной комедии».

П. Каратыгин

* * *

«Случайно довелось мне однажды... прочитать письмо матери Грибоедова к сыну. Он тогда, чином титулярный советник, вошел снова в службу и сбирался в Персию... мать, радуясь его определению, советовала ему отнюдь не подражать своему приятелю, мне, потому-де, что этак, прямотой и честностью, не выслужишься, а лучше делай, как твой родственник такой-то, который подлец, как ты знаешь, и все вперед идет; а как же иначе? ведь сам бог, кому мы докучаем молитвами,

Н. А. Грибоедова за год до смерти. Худ. Е. Франкен. 1856 год. Государственный литературный музей * А. С. Грибоедов. Акварель академика В. И. Мошкова. 1827 год. Государственный литературный музей * Фрагмент списка «Горя от ума», первая треть XIX века. Частное собрание.

Восстановленный дом Грибоедова в Москве. Здесь должен быть музей писателя.

любит, чтоб перед ним мы беспрестанно кувырк да кувырк».

П. Катенин

* * *

«По возвращении моем из Персии, в Петербурге, в 1825 году, я познакомился посредством литературы с Бестужевым, Рылеевым и Оболенским. Жил вместе с Одоевским и по Грузии был связан с Кюхельбекером. От всех сих лиц ничего не слыхал, могущего мне дать малейшую мысль о тайном обществе. В разговорах их видел часто смелые суждения насчет правительства, в коих сам я брал участие: осуждал, что казалось вредным, и желал лучшего. Более никаких действий моих не было могущих навлечь на меня подозрение».

А. Грибоедов

* * *

«Кстати, прошу тебя моего манускрипта никому не читать и предать его огню, коли решишься: он так несовершенен, так нечист; представь себе, что я слишком восемьдесят стихов, или, лучше сказать, рифм переменил, теперь гладко, как стекло. Кроме того, на дороге мне пришло в голову приделать новую развязку; я ее вставил между сценою Чацкого, когда он увидел свою негодяйку со свечою над лестницей, и перед тем, как ему обличить ее; живая, быстрая вещь, стихи искрами посыпались, в самый день моего приезда».

А. Грибоедов — С. Бегичеву

* * *

«...Слушал Чацкого, но только один раз (от Пущина) и не с тем вниманием, коего он достоин. Вот что мельком успел я заметить. Драматического писателя должно судить по законам, им самим над собою признанным.— Следственно, не осуждаю ни плана, ни завязки, ни приличий комедии Грибоедова. Цель его — характеры и резкая картина нравов...

О стихах я не говорю — половина должна войти в пословицу. Покажите это Грибоедову. Может быть, я в ином ошибся.— Слушая его комедию, я не критиковал, а наслаждался...»

Пушкин — А. Бестужеву из Михайловского

* * *

«Чацкий прежде всего — честная и деятельная натура, притом еще натура борца, т. е. натура в высшей степени страстная... Чацкий, кроме общего своего героического значения, имеет еще значение историческое. Он — порождение первой четверти русского XIX столетия, прямой сын и наследник Новиковых и Радищевых, товарищ людей «вечной памяти двенадцатого года», могущественная, еще глубоко верящая в себя и потому упрямая сила...»

А. Григорьев

* * *

«Если в литературе сколько-нибудь отразился, слабо, но с родственными чертами, тип декабриста — это в Чацком. В его озлобленной, желчевой мысли, в его молодом негодовании слышится здоровый порыв к делу, он чувствует, чем недоволен, он головой бьет в каменную стену общественных предрассудков и пробует, крепки ли казенные решетки. Чацкий шел прямой дорогой на каторжную работу, и если он уцелел 14 декабря, то наверное не сделался ни страдательно тоскующим, ни гордо презирающим лицом... Чацкий, если бы пережил первое поколение, шедшее за 14 декабря в страхе и трепете... через них протянул бы горячую руку нам. С нами Чацкий возвращался бы на свою почву».

А. Герцен

* * *

«Поэзия!! Люблю ее без памяти, страстно, но... кто нас уважает, певцов истинно вдохновенных, в том краю, где достоинство ценится в прямом содержании к числу орденов и крепостных рабов?.. Мученье быть пламенным мечтателем в краю вечных снегов».

А. Грибоедов

* * *

«Все, что мне удалось читать печатного об аресте Грибоедова, все совершенно не так. Видно, что это пересказанные речи. Я буду говорить, как очевидный свидетель, и ручаюсь за сказанное...

Под квартиру нам отведена была одна большая комната, но без всякой мебели; нам постлано было на полу, и, чтобы удержать подушки, наши переметные чемоданы были приставлены к головам. Так было и у постели Грибоедова.

Мы с Жихаревым разделись и легли. Сергей Ермолов раздевался, но по обыкновению спорил с Грибоедовым и защищал Москву, которую Грибоедов, как и всегда, клеймил своими сарказмами. Грибоедов не раздевался. Вдруг отворяются двери, и является дежурный по отряду полковник Мищенко, но уже в сюртуке и шарфе, точно так и дежурный штаб-офицер Талызин; а за ними фельдъегерь Уклонский. Мищенко подошел к Грибоедову и сказал ему:

— Александр Сергеевич, воля государя императора, чтобы вас арестовать. Где ваши вещи и бумаги?

Грибоедов весьма покойно показал ему на переметные чемоданы, стоявшие в голове нашей постели. Потащили чемоданы на средину комнаты. Начали перебирать белье и платье, и, наконец, в одном чемодане на дне нашли довольно толстую тетрадь. Это было «Горе от ума». Мищенко спросил, нет ли еще каких бумаг. Грибоедов отвечал, что больше у него бумаг нет и что все его имущество заключается в этих чемоданах. Переметные чемоданы перевязали веревками и наложили печати Мищенко, Талызин и Уклонский, у которого оказалась при часах сердоликовая печать. Потом полковник Мищенко сказал Грибоедову, чтобы он пожаловал за ним. Его перевели в другой офицерский домик, где уже были поставлены часовые у каждого окна и двери.

Как мы ни устали, но провели эту ночь почти что без сна.

На утро мы проводили Грибоедова до кургана. Прощаясь, он повторял нам:

— Пожалуйста, не сокрушайтесь, я скоро с вами увижусь.

Так и было: он приехал назад в Тифлис из Петербурга в начале сентября этого же года.

Тут нужно возвратиться к арбе с нашими вещами. Урядник Рассветаев ловко исполнил возложенное на него поручение. Он отыскал арбу, вывел ее из колонны и заставил быков скакать, так что очень скоро прибыли наши люди к назначенному нам флигелю. Тут встретило наших людей приказание елико возможно скорее сжечь все бумаги Грибоедова, оставив лишь толстую тетрадь — «Горе от ума». Камердинер его Алексаша хорошо знал бумаги своего господина; он этим и руководствовал и не более как в полчаса времени все сожгли на кухне Козловского, а чемоданы поставили на прежнее место в арбу.

Так совершилось это важное для Грибоедова событие, и потому-то он нам на прощанье с такой уверенностью говорил: «Я к вам возвращусь». Сего конечно не случилось бы, если бы бумаги его уцелели».

Н. Шимановский

* * *

«Я был знаком с Грибоедовым в продолжение, правда, только очень короткого времени, но зато это время было самое критическое для него, самое важное и самое опасное; время, в которое он подвергался наиболее и искушениям, и испытаниям. Это было именно в исходе 1824 и в начале 1825 года; и затем я сидел вместе с ним в здании Главного штаба. Таким образом я был и свидетелем его сношений с членами тайного общества (мне не раз случалось и обедать и проводить вечер с ним и с главными членами у Одоевского) и, конечно, единственным лицом, с которым Грибоедов мог в здании Главного штаба говорить вполне откровенно и о последних событиях, и о своих отношениях к лицам, принимавшим в них участие, зная, что эти отношения мне и без того коротко известны».

Д. Завалишин

* * *

«Скажи мне что-нибудь в отраду, я с некоторых пор мрачен до крайности.— Пора умереть! Не знаю, отчего это так долго тянется. Тоска неизвестная! воля твоя, если это долго меня промучит, я никак не намерен вооружиться терпением; пускай оно остается добродетелью тяглого скота. Представь себе, что со мною повторилась та ипохондрия, которая выгнала меня из Грузии, но теперь в такой усиленной степени, как еще никогда не бывало. Одоевскому я не пишу об этом: он меня страстно любит, и пуще моего будет несчастлив, коли узнает. Ты, мой бесценный Степан, любишь меня тоже, как только брат может любить брата, но ты меня старее, опытнее и умнее; сделай одолжение, подай совет, чем мне избавить себя от сумасшествия или пистолета, а я чувствую, что то или другое у меня впереди».

А. Грибоедов — С. Бегичеву

* * *

«Узнавши, что я приехал в Тифлис, он с видом братского участия старался сблизиться со мною. Слезы негодования и сожаления дрожали в глазах благородного; сердце его обливалось кровию при воспоминании о поражении и муках близких ему по душе, и, как патриот и отец, сострадал о положении нашем. Не взирая на опасность знакомства с гонимым, он явно и тайно старался быть полезным. Благородство и возвышенность характера обнаружилось вполне, когда он дерзнул говорить государю в пользу людей, при едином имени коих бледнел оскорбленный властелин!.. Единственный человек сей кажется выше всякой критики, и жало клеветы притупляется на нем. Ум от природы обильный, обогащенный глубокими познаниями, жажда к коим и теперь не оставляет его, душа, чувствительная ко всему высокому, благородному, геройскому. Правила чести, коими б гордились оба Катона; характер живой, уклончивый, кроткий, неподражаемая манера приятного, заманчивого обращения, без примеси надменности; дар слова в высокой степени; приятный талант к музыке; наконец, познание людей делает его кумиром и украшением лучших обществ. Одним словом, Грибоедов один из тех людей, на кого бестрепетно указал бы я, ежели бы из урны жребия народов какое-нибудь благодетельное существо выдернуло билет, неувенченный короною, для начертания необходимых преобразований... Разбирая его политически строгий стоицизм и найдет, может быть, многое, достойное укоризны; многое, на что решился он с пожертвованием чести; но да знают строгие моралисты, современные и будущие, что в нынешнем шатком веке в сей бесконечной трагедии первую ролю играют обстоятельства и что умные люди, чувствуя себя не в силах пренебречь или сломить оные, по необходимости несут их иго.— От сей-то, думаю, причины происходит в нем болезнь, на сплин похожая...»

П. Бестужев

* * *

«Грибоедов вовсе не предугадывал о сем блестящем назначении (полномочным министром в Персию) и намеревался выйти в отставку, посвятить себя совершенно наукам и словесности и поселиться со мною, по крайней мере на некоторое время, возле ученого Дерпта, в моем тихом убежище (поместье Карлово). Мы утешались этой мыслью, делали планы, как будем провождать время, как будем ездить в гости в Москву, в Петербург, в деревню к С. Н. Бегичеву и проч.».

Ф. Булгарин

* * *

«Старался я отделаться от этого посольства. Министр сначала предложил мне ехать поверенным в делах, я отвечал ему, что там нужно России иметь полномочного посла, чтобы не уступать шагу английскому послу. Министр улыбнулся и замолчал, полагая, что я по честолюбию желаю иметь титул посла. А я подумал, что туча прошла мимо и назначат кого-нибудь чиновнее меня, но через несколько дней министр присылает за мной и объявляет, что я, по Высочайшей воле, назначен полномочным послом. Делать было нечего! отказаться от этого под каким-нибудь предлогом, после всех милостей царских, было бы с моей стороны самая черная неблагодарность. Да и самое назначение меня полномочным послом в моем чине я должен считать за милость, но предчувствую, что живой из Персии не возвращусь».

А. Грибоедов — С. Бегичеву

* * *

«Это было 16-го. В этот день я обедал у старой моей приятельницы (Ахвердовой), за столом сидел против Нины Чавчавадзе, все на нее глядел, задумался, сердце забилось, не знаю, беспокойства ли другого рода, по службе, теперь необыкновенно важной, или что другое придало мне решительность необычайную, выходя из-за стола, я взял ее за руку и сказал ей: «Venez avec moi, jai quelque chose a vous dire». Она меня послушалась, как и всегда; верно думала, что я ее усажу за фортепиано; вышло не то; дом ея матери возле, мы туда уклонились, взошли в комнату, щеки у меня разгорелись, дыхание занялось, я не помню, что я начал ей бормотать, и все живее и живее, она заплакала, засмеялась, я поцеловал ее, потом к матушке ея, к бабушке, к ея второй матери Прас. Ник. Ахвердовой, нас благословили, я повис у нее на губах во всю ночь и весь день, отправил курьера к ее отцу в Эривань с письмами от нас обоих и от родных. Между тем, вьюки мои и чемоданы изготовились, все вновь уложено на военную ногу. Во вторую ночь я без памяти от всего, что со мною случилось, пустился опять в отряд, не оглядываясь назад... В Гумрах же нагнал меня ответ от кн. Чавчавадзева — отца, из Эривани; он благословляет меня и Нину и радуется нашей любви. Хорошо ли я сделал? Спроси милую мою Варвару Семеновну и Андрея. Но не говори Родофиникину, он вообразит себе, что любовь заглушит во мне чувство других моих обязанностей. Вздор, я буду вдвое старательнее за себя и за нее. Потружусь за царя, чтобы было чем детей кормить».

А. Грибоедов — Ф. Булгарину

* * *

«Бесценный друг мой, жаль мне тебя, грустно без тебя как нельзя больше. Теперь я истинно чувствую, что значит любить. Прежде расставался со многими, к которым тоже крепко был привязан, но день, два, неделя, и тоска исчезала, теперь чем далее от тебя, тем хуже. Потерпим еще несколько, ангел мой, и будем молиться Богу, чтобы нам после того никогда более не разлучаться.

Пленные здесь меня с ума свели. Одних не выдают, другие сами не хотят возвратиться. Для них я здесь даром прожил, и совершенно даром...

Помнишь, друг мой неоцененный, как я за тебя сватался, без посредников, тут не было третьего. Помнишь, как я тебя в первый раз поцеловал, скоро и искренно мы с тобою сошлись, и навеки...

Когда я к тебе ворочусь! Знаешь, как мне за тебя страшно, все мне кажется, что опять с тобой то же случится, как за две недели перед моим отъездом. Только и надежды, что на Дереджану, она чутко спит по ночам, и от тебя не будет отходить. Поцелуй ее, душка, и Филиппу и Захарию скажи, что я их по твоему письму благодарю. Коли ты будешь ими довольна, то я буду уметь и их сделать довольными».

А. Грибоедов — жене

* * *

«Грибоедов при жизни трудился для славы и вполне достиг ее. Но что в моих глазах ставит Грибоедова даже выше всех его литературных заслуг, как бы велики они ни были, это та настойчивость и неустрашимость, с которою он умел поддерживать достоинство русского имени на Востоке. Эти качества повсюду уместны в государственном человеке, но на Западе они могут проявляться без особого опасения; совсем иное на Востоке. Там проявление их часто сопряжено с опасностью жизни и требует особенного мужества и нравственной силы. Таково было положение нашего посланника в Персии. Имея перед собою для руководства статьи Туркманчайского трактата, в силу которых персидское правительство обязывалось выдавать нам беспрекословно, по востребованию нашему, всех русских подданных, взятых в плен не только в продолжение последней войны, но и прежде, когда персияне делали набеги в наши пределы и уводили в рабство наших кавказских жителей,— Александр Сергеевич не давал потачки ни сановникам персидского двора, ни мусульманским духовным лицам, ни самому шаху, когда одни или другие старались укрывать и разными уловками не выдавать требуемых нашей миссией русских невольников. Таким образом он восстановил против себя почти всех влиятельных лиц... и только нужна была одна искра, чтобы воспламенить все те горючие вещества, которые окружали нашего посланника.

Из приведенного нами рассказа видно, что выстрел казака, защищавшего доступ в жилище посланника, был той искрой, которую так жадно ожидали убийцы Грибоедова.

Отказать в убежище бедным русским подданным на чужбине, искавшим нашей защиты, было бы крайне неполитично, не говоря уже о беззаконности и бесчеловечности такого поступка; следовательно, это было и невозможно для русского представителя в Персии; выдать же их обратно персиянам, когда они поступили уже под наше покровительство, значило обречь их на верную смерть и, в то же время, покрыть себя вечным позором. Грибоедову не оставалось иного исхода, как отразить силу силою и лечь на месте, защищая святое дело права и человечества. Разбирая роковое событие с этой точки зрения,— а нельзя смотреть на него иначе,— мы приходим к заключению, что заслуги Грибоедова перед лицом всей России истинно велики и достойны всякого уважения; жаль только, что они не были достаточно признаны его современниками. Пусть же беспристрастное, но вместе с тем признательное потомство оценит их, как следует».

К. Боде. Смерть Грибоедова

* * *

«...Я приехал в армянскую деревню. Несколько женщин в пестрых лохмотьях сидели на плоской кровле подземной сакли. Я изъяснился кое-как. Одна из них сошла в саклю и вынесла мне сыру и молока. Отдохнув несколько минут, я пустился далее и на высоком берегу реки увидел против себя крепость Гергеры. Три потока с шумом и пеной низвергались с высокого берега. Я переехал через реку. Два вола, впряженные в арбу, подымались по крутой дороге. Несколько грузин сопровождали арбу. «Откуда вы?» — спросил я их.— Из Тегерана.— «Что вы везете?» — **Грибоеда.**— Это было тело убитого Грибоедова, которое перепровождали в Тифлис.

Не думал я встретить уже когда-нибудь нашего Грибоедова! Я расстался с ним в прошлом году в Петербурге перед отъездом его в Персию. Он был печален и имел странные предчувствия. Я было хотел его успокоить; он мне сказал: Vous ne connaissez pas ces gens-là: vous verrez qu'il faudra jouer des couteaux *. Он полагал, что причиною кровопролития будет смерть шаха и междоусобица его семидесяти сыновей. Но престарелый шах еще жив, а пророческие слова Грибоедова сбылись. Он погиб под кинжалами персиян, жертвой невежества и вероломства. Обезображенный труп его, бывший три дня игралищем тегеранской черни, узнан был только по руке, некогда простреленной пистолетною пулей.

Я познакомился с Грибоедовым в 1817 году. Его меланхолический характер, его озлобленный ум, его добродушие, самые слабости и пороки, неизбежные спутники человечества,— все в нем было необыкновенно привлекательно. Рожденный с честолюбием, равным его дарованиям, долго был он опутан сетями мелочных нужд и неизвестности. Способности человека государственного оставались без употребления; талант поэта был не признан; даже его холодная и блестящая храбрость оставалась некоторое время в подозрении. Несколько друзей знали ему цену и видели улыбку недоверчивости, эту глупую, несносную улыбку, когда случалось им говорить о нем как о человеке необыкновенном. Люди верят только славе и не понимают, что между ими может находиться какой-нибудь Наполеон, не предводительствовавший ни одною егерскою ротою, или другой Декарт, не напечатавший ни одной строчки в «Московском Телеграфе». Впрочем, уважение наше к славе происходит, может быть, от самолюбия: в состав славы входит ведь и наш голос.

Жизнь Грибоедова была затемнена некоторыми облаками: следствие пылких страстей и могучих обстоятельств. Он почувствовал необходимость расчесться единожды навсегда со своею молодостию и круто поворотить свою жизнь. Он простился с Петербургом и с праздной рассеянностью: уехал в Грузию, где пробыл восемь лет в уединенных, неусыпных занятиях. Возвращение его в Москву в 1824 году было переворотом в его судьбе и началом беспрерывных успехов. Его рукописная комедия Горе от ума произвела неописанное действие и вдруг поставила его наряду с первыми нашими поэтами. Через несколько времени потом совершенное знание того края, где начиналась война, открыло ему новое поприще; он назначен был посланником. Приехав в Грузию, женился он на той, которую любил... Не знаю ничего завиднее последних годов бурной его жизни. Самая смерть, постигшая его посреди смелого, неровного боя, не имела для Грибоедова ничего ужасного, ничего томительного. Она была мгновенна и прекрасна.

Как жаль, что Грибоедов не оставил своих записок! Написать его биографию было бы делом его друзей; но замечательные люди исчезают у нас, не оставляя по себе следов. Мы ленивы и нелюбопытны».

А. Пушкин. Из Путешествия в Арзрум

* * *

«Грибоедов, прежде всего, был человек Русский, в полном смысле сего слова: от того дарование его понятно и близко нашему сердцу. Иначе нельзя объяснить и даже нельзя понять беспримерной его славы... В других писателях можно разделять сии два значения; в Грибоедове они нераздельны. Русский — и потом поэт: вот две точки, с которых мы видим и узнаем весь его гений и всю силу его как писателя и действователя».

Кс. Полевой

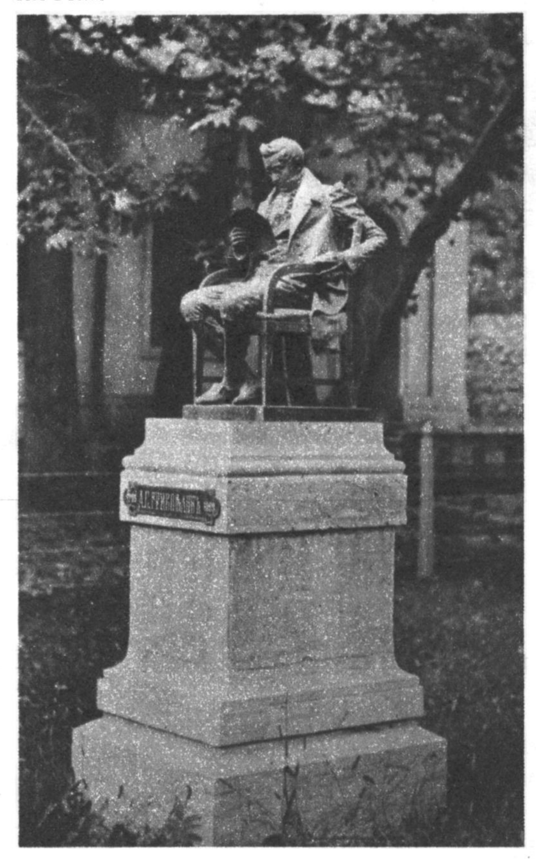
* * *

«Ум и дела твои бессмертны в памяти русских, но для чего пережила тебя любовь моя».

Надпись на памятнике Грибоедову.

Публикацию подготовил А. БАСМАНОВ.

Памятник Грибоедову работы академика В. А. Беклемишева перед зданием русского посольства в Тегеране. С фотографии начала XX века.

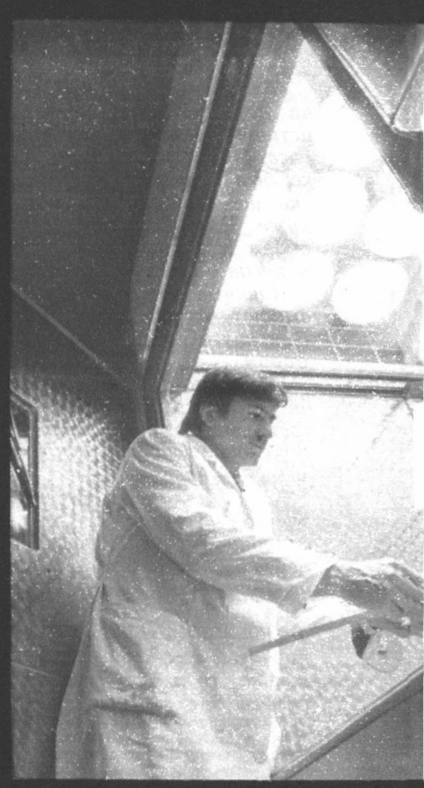

* Вы этих людей не знаете: вы увидите, дело дойдет до ножей (фр.).

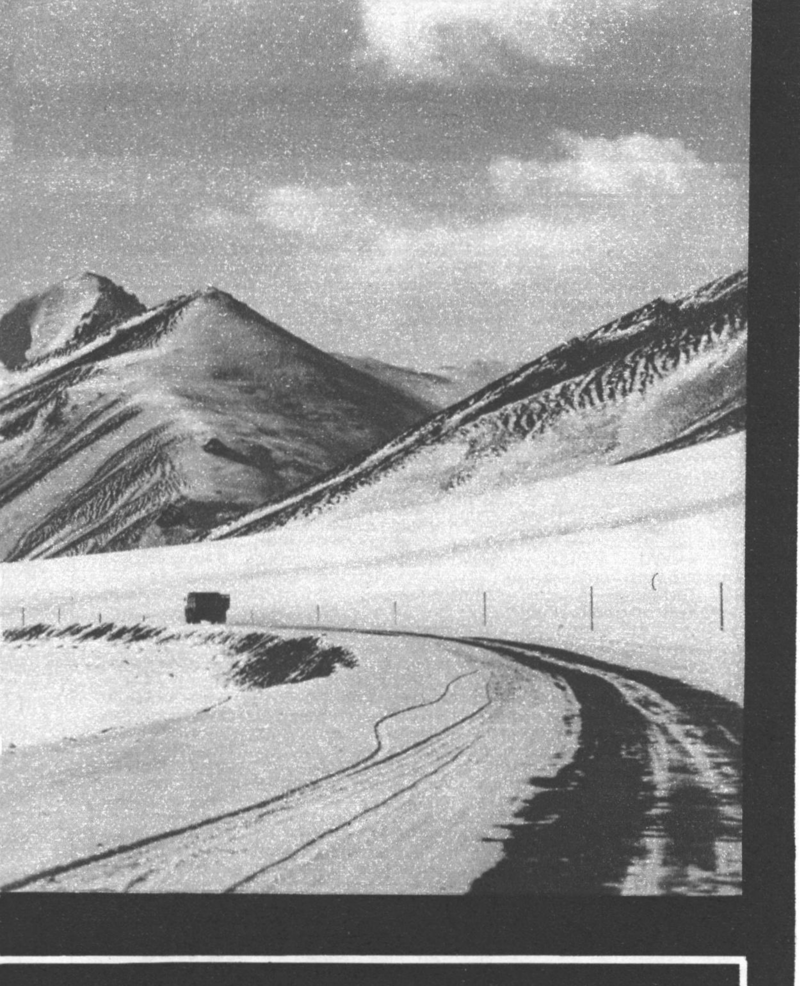
Урок в самой высокогорной школе страны (поселок Мургаб) ведет Савзбахор Одинаева.

Памирский тракт.

СО
П

Памирский биологический институт. Эксперимент в светоклиматокамере проводит научный сотрудник Бойназад Содаткадамов.

ЛНЦЕ АМИРА

Вадим ЛЕЙБОВСКИЙ, фото Игоря ГАВРИЛОВА, специальные корреспонденты «Огонька»

Нынешняя зима пришла на Памир как-то робко, раздумчиво. Ступила было на порог, но тут же едва не повернула вспять. И тогда, как в добрый весенний день, засияло солнце, а у нас, двух пришельцев из средней полосы России, отчаянно заслезились глаза. Правда, теперь я уже и не знаю отчего: то ли в самом деле от этой пронзительной белизны, а может, от окрестной красоты, от неправдоподобно синего неба, какое открывается лишь в высоких горах.

Много сотен километров проехали мы по Памиру. На перевалах, почти «пятитысячниках», настигали и самую лютую зиму. По пути в Хорог встретился обелиск: «Изыскателю и строителю перевала Талдык Ю. Ф. Грушко»... Дорога далась людям тяжким трудом и кровью. Дорога — жизнь Горного Бадахшана.

При въезде в Мургаб развалился подшипник вентилятора нашего «уазика». Получилось, что машина сама указала нам место привала. Но подшипник мог бы и не ломаться. Не остановиться в Мургабе мы никак не могли.

Мургабский — самый высокогорный район в нашей стране. Климатические условия здесь — на юге Средней Азии! — не легче, чем во многих районах Крайнего Севера. До шестидесяти градусов сваливается столбик термометра в иную зиму, а летом если порой и приподнимется до двадцати, то рубашку все равно не снимешь, потому как сильнейшая солнечная радиация. Десять месяцев длится здесь отопительный сезон. Нет ни огородов, ни плодовых деревьев.

Мы были в кишлаках, расположенных на высотах 4200—4300 метров над уровнем моря. По альпинистским меркам не так уж много, ну, а «простому» человеку?.. Чуть участил шаг — и голова набатом, а сердце вразнос. Целый день мы провели вместе с заведующим оргтоделом Мургабского райкома партии Бекжолом Таиповым. Четыре года проработал он дорожным мастером, обслуживая участок перевала Ак-Байтал — 4665 метров. Мне кажется, Бекжол, да простит он мне, выглядит много старше своих тридцати шести...

Кишлак Аличур — центральная усадьба единственного в нашей стране племенного яководческого совхоза. Но нам еще дальше и выше — к ущелью Шигимбет, на пастбище Бахтдавлята Муратбекова. Водитель, не раздумывая, сворачивает с дороги и по целине, по нетронутой ледяной корке направляет машину вверх по склону. Едем, опасливо косясь на предзакатное солнце, думая о том, что в горах любому шоферу сбиться с пути — дело нехитрое.

Всю жизнь пасет Бахтдавлят Муратбеков яков. И родители его их пасли, а теперь вон уже и сын Шойдон — опытный яковод. До 105 ячат от ста маток получают Муратбековы — результат для здешних условий непревзойденный. Уже не первый год носит Муратбеков-старший золотую звезду Героя Социалистического Труда. И нынешнюю пятилетку он выполнил на год с четвертью раньше срока.

— В чем же секрет таких успехов, Бахтдавлят?

Он разводит руками.

— Много работать нужно.

Однако, поняв, что такой ответ почти ничего не разъясняет, наливает новую пиалу чая, а заодно подвигает гостям пиалы с широм и маробом — ячьим молоком и сметаной.

Чай — напиток для неспешного разговора. О далеком ущелье Кара-Дара, куда Бахтдавлят уходит со стадом на все лето. Об искусстве выбора пастбищ с хорошим травостоем. О том, что молоденький ячок — тот же младенец, глаз да глаз за ним нужен. А еще о волках, их тут тьма. Правда, яки — умные и отважные бойцы. Встанут кругом, рога вперед, а малыши все в центре, попробуй тронь. Однако сами животные не всегда могут справиться. Человек нужен.

Пиала за пиалой течет наша беседа под завывание ветра. То и дело умолкает старый Бахтдавлят. Прислушивается: только ли ветер воет?..

Яки довольствуются настолько малым, что в пору усомниться, так ли уж незыблемы законы природы. Мало что может она им дать в здешних местах. Если б не человек... И гордо несет свое знамя самый высокогорный в нашей стране совхоз имени 60-летия СССР, один из самых передовых в Таджикистане.

А коли дело делается, то и свадьба — без оглядки. Токтосун Турсумбаев женил сына Курбанбека. Тот не так давно окончил ветеринарный техникум и вот вернулся в свой кишлак Баш-Кумбез, теперь уже фельдшером.

Жених стоял, растерянный и озадаченный,— от важности момента да еще оттого, что сейчас ему предстояло угадать, какая из двух с головой укрытых покрывалами девушек его нареченная. Весь кишлак смотрел на него: «Не опозорься, Курбанбек!» Вот он решительно двинулся к одной из девушек и осторожно снял покрывало. Это была она, его Бусайра! И радостно закричали люди, и взвился в воздух фейерверк из конфет, фруктов, монет. В кишлаке гуляла свадьба. Самая высокая во всей стране.

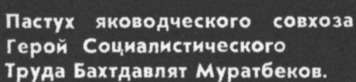
...А вот Назримамад Гарибмамадов пока даже старшую дочь замуж не выдавал — время не пришло. Девять сыновей и дочерей у Назримамада, но его и пожилым-то трудно назвать. И трудно поверить, что этот балагур, острослов и весельчак — самый занятой, деловой и озабоченный человек во всем кишлаке Нишусп. А ведь это так. Ну, хотя бы потому, что Гарибмамадов — председатель кишлачного Совета и, стало быть, «мэр». А еще потому, что он не так давно завершил «главное дело всей жизни» — провел односельчанам водопровод. Конечно, провел не один, все они, жители кишлака, взялись за эту тяжкую работу и одолели ее.

Что ни говори, трудно поверить, что Назримамад — самый озабоченный человек во всем кишлаке Нишусп. Ну, разве можно не сиять, держа на коленях самую младшую, самую любимую, которой отец сейчас шепчет что-то едва различимое?

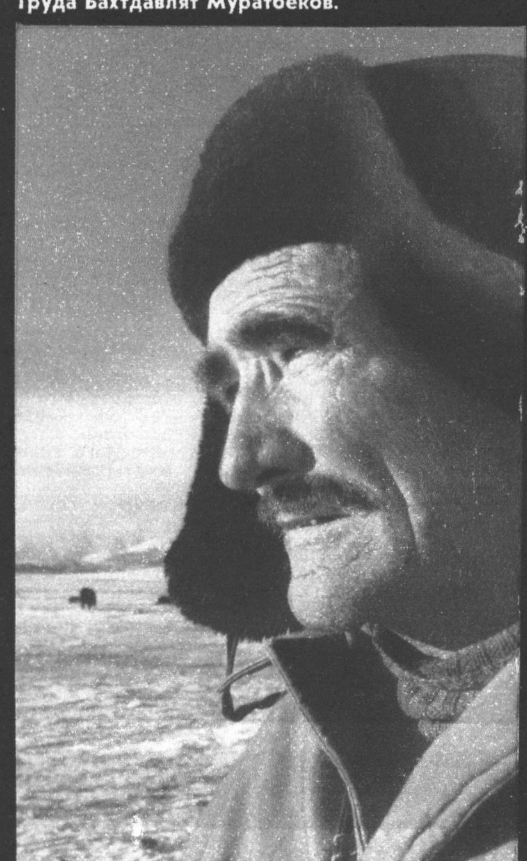
И вдруг мне слышится: «Светлана... Светлана...» В этот момент, поймав мой взгляд и упреждая недоуменный вопрос о происхождении столь странного для памирцев имени, Назримамад улыбается еще шире и говорит:

— Са-виц-ка-я!

Понятно: ведь памирцы к небу ближе всех.

Пастух яководческого совхоза Герой Социалистического Труда Бахтдавлят Муратбеков.

На снимке: геологи — разведчики янтаря Александр Башаркевич (справа) и Всеволод Бордон.

Фото автора

ПОЛЕССКИЙ ЯНТАРЬ

Если прислушаться к легендам, янтарь не что иное, как застывшие людские слезы. Против этого поэтического определения ничего не имеют и строгие ученые. Действительно, слезы. Только не людские. Потому что их в пору, когда зарождался янтарь — 35—60 миллионов лет назад,— попросту еще не было. Плакали деревья. Исполинские древние сосны, подобно нынешним, залечивали раны, изломы коры особенным смолистым соком — живицей. Ручьями и реками кусочки этой смолы уносились в море и там миллионами лет каменели, становясь янтарем.

Еще недавно считалось, что по непонятным причинам весь этот процесс происходил лишь на крохотном отрезке Балтийского побережья близ сегодняшнего Калининграда. Здесь, в карьере и на морском пляже у поселка Янтарный, девяносто четыре процента всех разведанных мировых запасов янтаря.

Ну, а есть ли янтарь в Белоруссии? Впервые этот вопрос поставили ученые С. Маныкин и Э. Левков в 1960-е годы, когда присмотрелись к смолистым камешкам, что время от времени находили в Брестской области, на Гомельщине. Заинтересовались этими камешками и геологи. Упоминания о подобных находках они нашли в литературе, а экспонаты из янтаря — в местных краеведческих музеях на Полесье.

Прибалтийские коллеги советовали соседям не тратить времени зря: эти куски янтаря, мол, принес к вам ледник с нашего побережья... Однако прошло какое-то время, и украинские геологи открыли рядом с Белорусским Полесьем Клессовское месторождение янтаря, имеющее промышленное значение. Эта сенсация подтолкнула начать в 1979 году серьезные поиски белорусского янтаря. Руководят этой работой начальник геологической экспедиции Вадим Пасюкевич, главный геолог экспедиции Георгий Илькевич и научный консультант академик Академии наук Белорусской ССР Александр Махнач. Ну, а начальник геохимической партии Александр Башаркевич и главный геолог партии Леонид Матрунчик стали непосредственными исполнителями задания.

Поиск увенчался успехом: на территории республики, оказывается, можно добывать янтарь. Наиболее богаты западный район Белоруссии, как бы своеобразное продолжение Прибалтийского месторождения, и широкая полоса Полесья: Пинск — Мишакевичи — Житковичи... Однако горизонты залегания янтаря в Белоруссии более глубокие, чем в Прибалтике. О строении янтароносных отложений можно наглядно судить по разрезам в районе деревни Оброво Брестской области. «Молодой» янтарь таится в 6—15 метрах от поверхности, а до самого древнего, «коренного», труднее добраться — он на глубине до 30—70 метров.

Размеры камней — от нескольких миллиметров до 20(!) сантиметров. Цвета просто сказочные. Если прибалтийский янтарь в основном золотисто-желтый, то здесь целая гамма: белесый, медовый, оранжевый, красный, темно-вишневый...

Кандидат геолого-минералогических наук Леонид Матрунчик усомнился в верности старого утверждения, согласно которому сосны обильно выделяли живицу только для того, чтобы залечить повреждения на стволах от ураганных ветров и гроз. Матрунчик предложил свою гипотезу: в европейской части был у сосны другой враг — химический элемент бор, от которого дерево и пыталось защититься живицей.

Решили проверить действие бора. Стали поливать сосну раствором борной кислоты. И что же? Выделение живицы увеличилось в несколько раз...

Каковы же запасы янтаря в Белоруссии? Пока геологи продолжают исследования и не спешат с окончательными заключениями. Но уже сегодня они называют солидные числа. Впрочем, любые запасы этого полезного ископаемого имеют ценность. Прежде всего, конечно, для производства украшений. А белорусский янтарь не только богат по расцветке, но еще и не хрупкий, поэтому удобен для обработки.

Виктор ЖУК

Минск.

ХОТИТЕ ПОМОЛОДЕТЬ?

Женщине 72 года, и всего две недели назад ее лицо в общем-то соответствовало этому почтенному возрасту. Но вот она легла в больницу — тбилисскую железнодорожную,— будучи совершенно здоровой, но с одним лишь скромным желанием: немножко помолодеть. И это свершилось. И, кажется, более чем успешно.

Вручая на прощание своей «больной» послеоперационную фотографию, хирург-косметолог В. Г. Хуцидзе сказал:

— Советую вам заблаговременно послать ее домой, а то близкие не узнают вас в аэропорту...

А аэропорт нью-йоркский. И женщина, Эдит Марксон,— американка. В течение многих лет она была советником по культуре госдепартамента США и всемерно способствовала расширению контактов между нашими странами. В Тбилиси она гостила у театральных друзей, прослышала об искусстве Хуцидзе и... чем черт не шутит? Тем более что, как она сама заявила представителям местной прессы, у нее на родине на это дело пришлось бы отвалить несколько тысяч долларов...

— Я простая американка,— заявила Эдит Марксон,— и не определяю официальной политики. Но моя дружба с людьми из многих стран мира — самая большая человеческая политика. Теперь среди них и грузинский врач Вахтанг Хуцидзе.

Вахтанг Галактионович, организатор и заведующий отделением пластической и восстановительной хирургии уха, горла и носа, 25 лет тому назад одним из первых в стране применил при операции носа «щадящий» метод. За это время он сделал около двадцати тысяч операций в области лица, имея в виду прежде всего нос. Ведь дело не только в изменении формы носа, что само по себе снимает у человека определенные комплексы. Дело в том, что различные дефекты лица часто бывают причиной неправильного ритма дыхания или заболевания слизистой оболочки. Словом, работа эта тончайшая, требующая искусной руки хирурга в сочетании с видением художника.

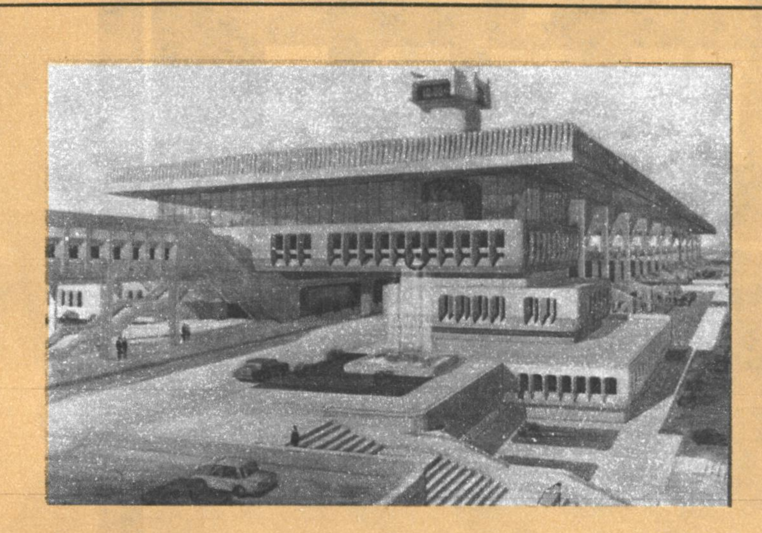
И. МЕСХИ,
собкор «Огонька»

Врач Вахтанг Хуцидзе показывает Эдит Марксон после операции ее лицо.

Фото А. Рухадзе

ВОКЗАЛ ДЛЯ 8 МИЛЛИОНОВ

На Тбилисском проспекте, самой оживленной магистрали Баку, строится Центральный автовокзал междугородных сообщений. Проектировщики из института «Азгоспромпроект» гармонично вписали комплекс в архитектурный ансамбль новостроек.

Высокая пропускная способность автовокзала позволит ему стать крупнейшим в стране. Он сможет ежегодно встречать и провожать свыше восьми миллионов пассажиров, обслуживать 200 тысяч междугородных рейсов автобусов. Их маршруты соединят Баку с городами и районами Азербайджана, Армении, Грузии, юга Российской Федерации.

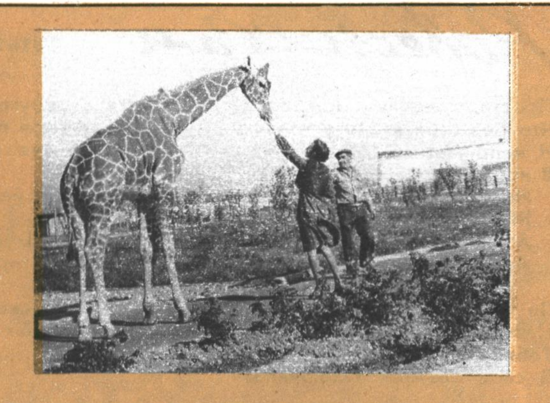
Светлый и просторный автовокзал сэкономит для пассажиров много ценного времени. К их услугам гостиница и ресторан, кассы предварительной продажи билетов на все виды междугородного транспорта, просторный зал отдыха на тысячу гостей, комнаты матери и ребенка, службы связи, торговли, общественного питания.

Не покидая зал, отъезжающие по эскалаторам и лестничным переходам спустятся на стоянки автобусов, защищенные навесами от южного солнца и дождя. Учтены также интересы обслуживающего персонала и водителей. Главный вход вокзала намечается соединить лентой движущегося тротуара с сооружаемой вблизи новой станцией метро.

Автовокзал, выполненный в традициях национальной архитектуры, оденется в добротные строительные материалы. Стекло и алюминий, мрамор и травертин придадут сооружению воздушность, нарядность и привлекательность.

Г. ПОГОСОВ
Фото автора

ПРО ЖИРАФА ПЕТЮ

С высоты своих пяти метров он посмотрел большими печальными глазами на тигров и понял, что снова ошибся. Минуту назад ему показалось издали в мелькании их желтополосатых шкур что-то родственное. Теперь, когда хищники лежали, не шелохнувшись, и пристально, не мигая, смотрели на него, ему отчего-то стало тревожно. Нет, это не жирафы, окончательно убедился он, услыхав глухое ворчание тигров, и принял на всякий случай оборонительную позу, приготовясь отразить нападение страшным ударом задних ног. Однако мир не нарушился, поскольку огромные кошки находились в прочной клетке, а пятилетний жираф Петя на свободе. Несмотря на юность, он весил около тонны, отличался завидным аппетитом и успел повидать мир. Он проехал пол-Европы и пол-Азии — из Ленинградского зоопарка в Чимкентский. В Ленинграде, где Петя родился, у него было несколько друзей-жирафов, здесь же он вдруг оказался в одиночестве. Впрочем, верить в это ему не хотелось. И вот, улучив момент, когда кто-то оставил открытой створку ворот загона, Петя вышел на свободу и принялся путешествовать по дорожкам и тропинкам зоопарка. Это случилось в первый же день его переселения в Чимкент...

Характер у новосела оказался на редкость любознательным, в чем людям предстояло убедиться в ближайшие трое суток. Он неторопливо обходил клетку за клеткой, рассматривая их обитателей, но нигде не находил своих сородичей. Однако надежды Петя не терял и терпеливо шагал дальше. Директор зоопарка Насреддин Сайдулаев организовал спасательную экспедицию. Люди, соблазняя жирафа сочными пучками травы и свежим хлебом, подманивали его все ближе к загону, но Петя каким-то образом распознал их хитрость. Он с удовольствием поедал лакомства, но когда до загона оставалось всего-то пять шагов, жираф неизменно останавливался и решительно поворачивал назад. Так повторялось несколько раз. Петя явно ценил свободу выше сладкой жизни. Попробовали потеснить его силой, с помощью деревянных щитов. Но даже всему мужскому составу зоопарка сдвинуть с места эту четырехногую башню оказалось невозможным. Когда же назойливость странных двуногих слишком надоедала Пете, он просто шел на людей, слегка нагнув вперед шею и угрожая коротенькими рожками. Так поступают все жирафы на воле, вызывая на поединок соперника. И люди знали, что сила жирафа не в рожках, а в самой голове, которой он размахивал, словно кувалдой на длинной ручке (между собой жирафы дерутся именно ударами головой), и в страшных ударах ногами (мощь их представить невозможно, известно только, что от них погибали даже львы). Поэтому принять Петин вызов никто не отваживался. Люди отступали, а жираф, поняв, что победил, мигом забывал раздоры, вновь обретал миролюбие и как ни в чем не бывало продолжал путешествие.

...К исходу третьих суток он вошел в загон, ставший теперь его домом. Тут высоко, на уровне его головы, висели вкусные зеленые веники, и жираф вдруг понял, как это неудобно — наклоняться за кормом к рукам людей.

— Кушай, Петя, кушай, Петушок,— ласково приговаривала жирафу заведующая секцией африканских животных Нелля Гимазетдинова,— видишь, какой славный у тебя дом...

— Теперь я понимаю, почему о тугодумах говорят: «До него доходит, как до жирафа, на третьи сутки»,— догадался рабочий дядя Петя,— но ты, тезка, все равно мне нравишься...

Ю. ЛУШИН. Фото автора

У РОЗ СВОЯ ТАЙНА

«Ах, кабы на цветы да не морозы, и зимой бы цветы расцветали...»

...Увы, не цветут. Разве что на оконном стекле зимние месяцы-братцы нарисуют причудливый снежный узор. Или вдруг обрадует утром, вспыхнув алым пятном, на том же подоконнике кактус.

А что касается самых древних красавиц роз или багрянопряных гвоздик, то они вопреки старинной народной песне цветут и в мороз. Стоит лишь зайти в оранжереи Мытищинского совхоза декоративного садоводства, и здесь в стеклянном домике под стеклянной крышей без всякого волшебства можно сорвать огненно-красную, с почти черной сердцевинкой царицу. Если к тому же куст у самого края стеклянной стенки, то... чуть-чуть воображения и... роза сорвана почти что на снегу.

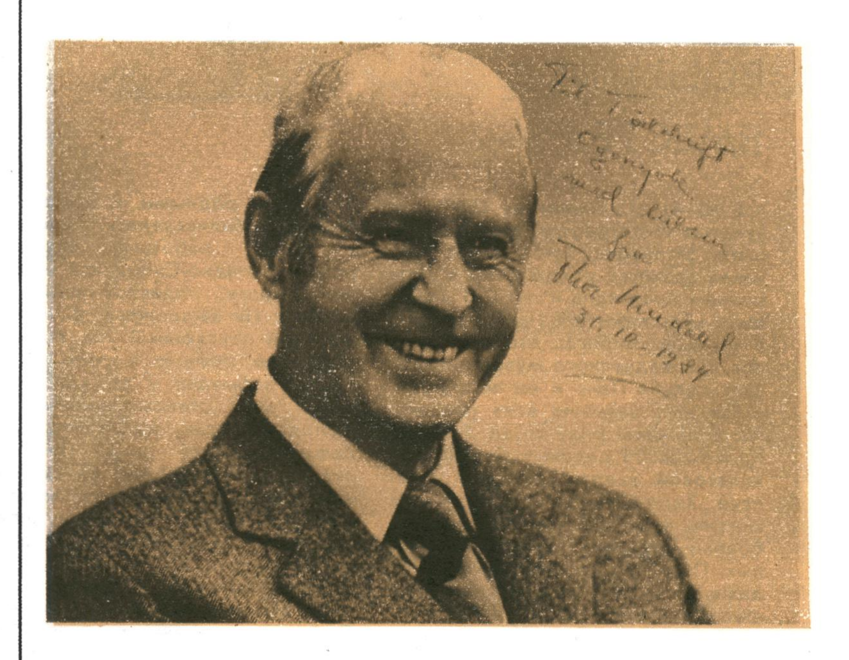
В зимнем цветочном лабиринте светло и просторно. И до того зелено, что кажется, шагнул в лето. А какие здесь запахи! Целый мир ароматов и красок. И особых звуков. Одна из хозяек «лета», Лариса Грибкова, утверждает, что тот, кто очень-очень любит цветы, слышит, как они растут. В ее бригаде такие любители есть. Ну, а сама Лариса настолько привязана к цветам, что они для нее все равно что дети. Все ей кажется, что цветы у нее что-то требуют, просят. Розы не любят чрезмерную сырость, они не хотят иметь «мокрые ноги», гвоздикам подавай как можно больше света, а каллы спокойны, когда лампы горят над ними неярко.

Восемь миллионов цветов на радость жителям и гостям столицы отправились отсюда в путь в ушедшем году. Только роз срезано почти три с половиной миллиона — в Мытищах самая крупная розовая плантация в стране под стеклянной крышей. Кто хочет сохранить застольную тайну, поставьте на стол розы. У королевы цветов замечательный символ. До наших дней дошли старинные кубки с надписью: «Что бы здесь ни говорили, должно остаться под розой».

...Падает снег, и под ногами белым-бело. На улице морозно. Зима. А здесь распускаются бутоны...

З. ДМИТРИЕВА

ХЕЙЕРДАЛ О ДРУЗЬЯХ И ДРУЗЬЯ О ТУРЕ

«Читателям «Огонька» мои наилучшие пожелания».

Тур Хейердал.

Фото Д. Дебабова

— ...Самые счастливые в моей жизни мгновения, когда мой плот прибывал туда, куда я направлялся, и я видел лица друзей. Как ученый и как путешественник знаю, что люди едины, и всем нам должно во имя будущего планеты протянуть друг другу руку дружбы...

Начинаю словами Тура Хейердала рассказ о нем самом — известном норвежском ученом-этнологе, мореплавателе и писателе — потому, что они как нельзя лучше характеризуют эту одаренную личность.

Мечталось увидеть Хейердала. И вот он самолично в студенческой аудитории МГУ. Вижу, как удивляется Хейердал при виде переполненной аудитории. Вижу, как протискивается он сквозь приветствующую его молодежь в президиум, как дружески здоровается со студентами и улыбается. И тотчас установилось то взаимопонимание, которое ничем другим не объяснишь, кроме таланта общения.

Уже восьмой десяток Хейердалу, но он прям, подтянут, поюношески строен. Серый, строгий костюм подчеркивает фигуру. Серебристая седина. Приветливая улыбка. И совсем молодые синие, как океан, глаза, умеющие смотреть и остро, и мягко, и дерзко, и мечтательно, глаза романтика и ученого. На вопросы он отвечает энергично и темпераментно.

Слушаешь его затаив дыхание. Рассказывал он о недавних археологических раскопках на Мальдивских островах, что рассыпались цепочкой к юго-западу от Шри-Ланки в Индийском океане. Рассказывал увлеченно, сам при этом зажигаясь и заражая энтузиазмом других. Мальдивы притягивали, как волшебная сказка, заставляли трепетать юные сердца. Шутка ли, оказывается, до мусульман (а они на островах с двенадцатого века) там побывали буддисты, еще раньше — индуисты, сменившие, в свою очередь, солнцепоклонников...

Показаны последние слайды. Но студенты не спешат расходиться, каждому хочется соприкоснуться с человеком, который столько повидал, которого знают и любят во всем мире. Тур охотно подписывал книги, открытки, фотографии, а у кого не нашлось ни того, ни другого, в ход пошли лекции и... даже зачетки.

— Всякий раз, когда я прибываю в Советский Союз, меня встречают добрые друзья. Уезжая от вас, я говорю «до свидания» все большему кругу друзей. И я бесконечно рад этому,— говорит Хейердал.— Среди них особое место занимает Лев Жданов. Если мои книги пользуются в СССР успехом, то только потому, что он их хорошо переводит.

С доброй улыбкой рассказывает о Хейердале известный переводчик Лев Львович Жданов. Встреча с ученым определила его путь.

— По сей день плыву на «Кон-Тики»,— говорит он.— Этот перевод был для меня лучшей рекомендацией. Познакомившись с Хейердалом, заметил, что у всех, кто с ним соприкасается, все задуманное легко получается, поверилось в особую силу этого человека — встреча с ним как счастливый талисман. Тур приохотил меня к документальной прозе. Вот

ЧИТАТЕЛЬ ПРОДОЛЖАЕТ ПОИСК

МЫ ВОЕВАЛИ ВМЕСТЕ

В № 41 «Огонька» за 1984 г. я увидела фотографию девушек нашего батальона, точно такую же, какая хранится у меня дома. С волнением прочитала и письмо Ф. Губина «Расскажите о Пане, о себе!», в котором он писал, что сотрудников краеведческого музея интересует судьба Пани и ее подруг.

Так вот, называю всех поименно: в нижнем ряду слева Зинаида Кривощекова рядом с Паней Верхолетовой, вверху слева — я и Таисия Хорошавина. О Пане могу сказать, что она верная подруга, боевой товарищ, смелая из смелых. Паня так любила жизнь, что даже в самые трудные минуты на фронте умела вселить в нас уверенность, спокойствие, оптимизм и, не постесняюсь сказать, даже веселье: ведь мы все были молоды. Погибла Паня 22 февраля 1944 года в селе Медведь Ленинградской области.

Я после ранения была направлена в госпиталь, долго переписывалась с ее родными. В июне 1945 года демобилизовалась. Приехала в Омск, работала бухгалтером на Западно-Сибирской железной дороге, недавно пошла на пенсию. Не выдержала, в первый же свой пенсионный год поехала туда, где прошла боевая молодость, побывала и в селе Медведь. Мне хотелось поклониться молодым и прекрасным людям, не дожившим до сегодняшнего счастливого дня, вспомнить тех, кто шел рядом в самое трудное время моей жизни. Память и через сорок лет не ослабла, чувства не очерствели.

Сегодня, когда открыла «Огонек», все всколыхнулось и ожило. Послала две военные фотографии музею в Йошкар-Оле, который так бережно хранит память о своей землячке. Теперь буду ждать, когда откликнутся остальные мои подруги.

Н. ЩЕТКИНА

Омск.

Ровесникам

Татьяна ЗУЕВА

Прости, ровесник мой, солдат,
Что без тебя весну встречаю
И неприметный свой наряд
В который раз зря надеваю.
Но что поделать — соловьи
Живое сердце вновь задели.
А ты, забыв давно бои,
Лежишь в земле в своей шинели.
За что проклятая война
Навек, солдат, нас разлучила?
Тебя, безусого, она
В свои объятья заключила.

Хотя в округе тишина,
А я от горя поседела...
Ведь до сих пор в сердцах у нас
Война еще не отгремела.

Понять ли могут соловьи,
Что пережить пришлось когда-то.
Поклон вам, сверстники мои,
За все спасибо вам, ребята!

Москва

ЕЩЕ РАЗ О БУЛКАХ ДЛЯ БУРЕНКИ

Прочитал в № 31 за 1984 г. «Огонька» письмо М. Красильникова «Булки для буренки», в котором он пишет, как это плохо, что в его селе домашний скот кормят хлебом. А как обстоят дела в нашем совхозе?

Мы достойно выполняем Продовольственную программу. Почти каждый селянин держит дома скот, сдает государству молоко, бывает, что больше тысячи литров. Осенью и весной сдаем мясо. Сельсовет выделяет нам талоны на корма: поезжай в район и бери. Да вот беда, район от нас в 50 километрах, а транспорт совхоз не предоставляет, так как не хватает шоферов. Груз в 200—300 кг, как говорится, на горбу не дотащишь и в автобус с ним не войдешь. Вот и покупает мужик в магазине мешок хлеба на корм скоту. А склады завалены кормами. В общем, на что другое грех нам жаловаться: привозят дрова, баллоны с газом, приезжает служба быта. А корма никто не привозит.

И еще хочу сказать вот о чем. Достать машину для сдачи скота можно только с огромным трудом. А сколько мы тратим времени, чтобы получить документы от ветврача, который живет за 25 километров от нашего села. Справку от сельсовета о том, что в хозяйстве имеется личный скот, дают только на день сдачи, скот же принимают один раз в неделю, так и крутимся.

Нельзя ли доставлять нам корма организованно? Корма «затарены» в мешки по 50 кг. У каждого из нас есть документы, выданные заготконторой. Предъяви документ, заплати, а совхоз доставит корм. Вот и сыты твои буренки, и нас обвинять не будут, что скотину кормим хлебом. Об этом я разговаривал с председателем сельсовета, но все осталось по-старому. Получается, что главную задачу выполнили, корма имеются, а более легкую — организовать доставку — не сумели.

Н. ГРОЗНОВ

Ленинградская область, Кингисеппский район, п/о Стремление.

уже тридцать лет перевожу Хейердала, Даррелла, Кусто...

— Я счастлив, что и в этой аудитории могу говорить о коллегах и друзьях,— так начал свою речь гость на вечере встречи в Центральном Доме литератора.— Раньше моими друзьями были преимущественно ученые. Но так уж случилось в моей судьбе, что я стал писателем. Для меня это очень важно, писательский труд помогает мне финансировать мои экспедиции, помогает устанавливать контакты с людьми многих стран, обретать все больше друзей...

Все культурное человечество знает Хейердала, знает о его стремлении помочь людям жить в дружбе.

«Один из самых полезных уроков, которые мне преподала жизнь, заключается в том, что человек остается человеком, будь он норвежец, полинезиец, американец, итальянец или русский, когда и где бы он ни жил — в каменном или атомном веке, под пальмами или у кромки ледника. Добро и зло, отвага и страх, ум и глупость не признают географических границ, они есть в каждом человеке... Все мы люди, об этом надо помнить и стремиться к дружбе, взаимопониманию и сотрудничеству, чтобы человечество могло выжить на нашей маленькой планете»,— написал Хейердал в предисловии к своей книге «В поисках рая», вышедшей в 1970 году.

И сегодня, более десяти лет спустя, Тур подчеркнул ту же мысль, встретившись со своими друзьями — учеными Института географии АН СССР.

— Когда я говорю о будущем, естественно вспомнить космонавтику,— сказал он.— На днях я познакомился с доктором Атьковым, участником самого длительного в истории освоения космоса полета. Когда мы говорили, я еще раз убедился, как мала наша планета. Океанский простор, что я одолел со своими друзьями за пять месяцев на камышовой лодке «Тигрис», космонавты пролетают менее чем за полчаса. Земля из космоса — словно корабль, огромная лодка, в которой живет человечество.

Я бываю в разных странах и лично убеждаюсь — народы мира опасаются новой войны, если сейчас развяжем ее, она будет последней: мы или выживем вместе в нашей лодке, или все вместе погибнем. Все люди одинаково наделены разумом независимо от этнических типов, и нам надо всем стремиться к дружбе и взаимопониманию, чтобы ядерная полночь никогда не наступила.

Плот Хейердала — это корабль дружбы. Тур пускается в опасное, научно важное плавание не только ради познания. Перед наукой, считает он, стоит задача — наводить мосты там, где это не удается политике. Во всех трех плаваниях с ним были люди разных национальностей, цвета кожи, различных воззрений и политических убеждений. И никогда между ними не возникали разногласия. В какой-то степени успехи экспедиций обязаны доброму сердцу Тура, его общительности, умению ладить с людьми.

— Он умел сохранять хорошее настроение в любых, самых тяжелых обстоятельствах, для каждого мог найти доброе, ободряющее слово,— рассказывает о Хейердале Юрий Сенкевич, один из участников его экспедиций.— Любовь к себе подобным в нем удивительна. Тур — человек редкой чуткости и обаяния. Я говорил прежде, скажу вновь: если бы Земля была населена Хейердалами, она была бы прекрасна.

Известный ученый и путешественник в Советском Союзе не впервые. В этот раз он был гостем АН СССР, ученые пригласили его в связи с семидесятилетием. На мой вопрос, какая из встреч ему больше всего запомнилась, Тур, не задумываясь, ответил: «Ленинградская» — и, улыбаясь, рассказал, как прекрасно поздравили его ветераны войны — профессор пединститута имени Герцена Павел Григорьевич Сутягин и полковник в отставке Михаил Яковлевич Янкелевич с днем рождения. Почтили очень сердечно.

— Это был один из самых замечательных праздников, которые мне довелось пережить. Для меня встреча была вдвойне радостной. Сорок лет назад моя родина Норвегия была освобождена от фашизма. В свою страну я въехал тогда на русском бронетранспортере младшим лейтенантом норвежских парашютно-десантных войск.

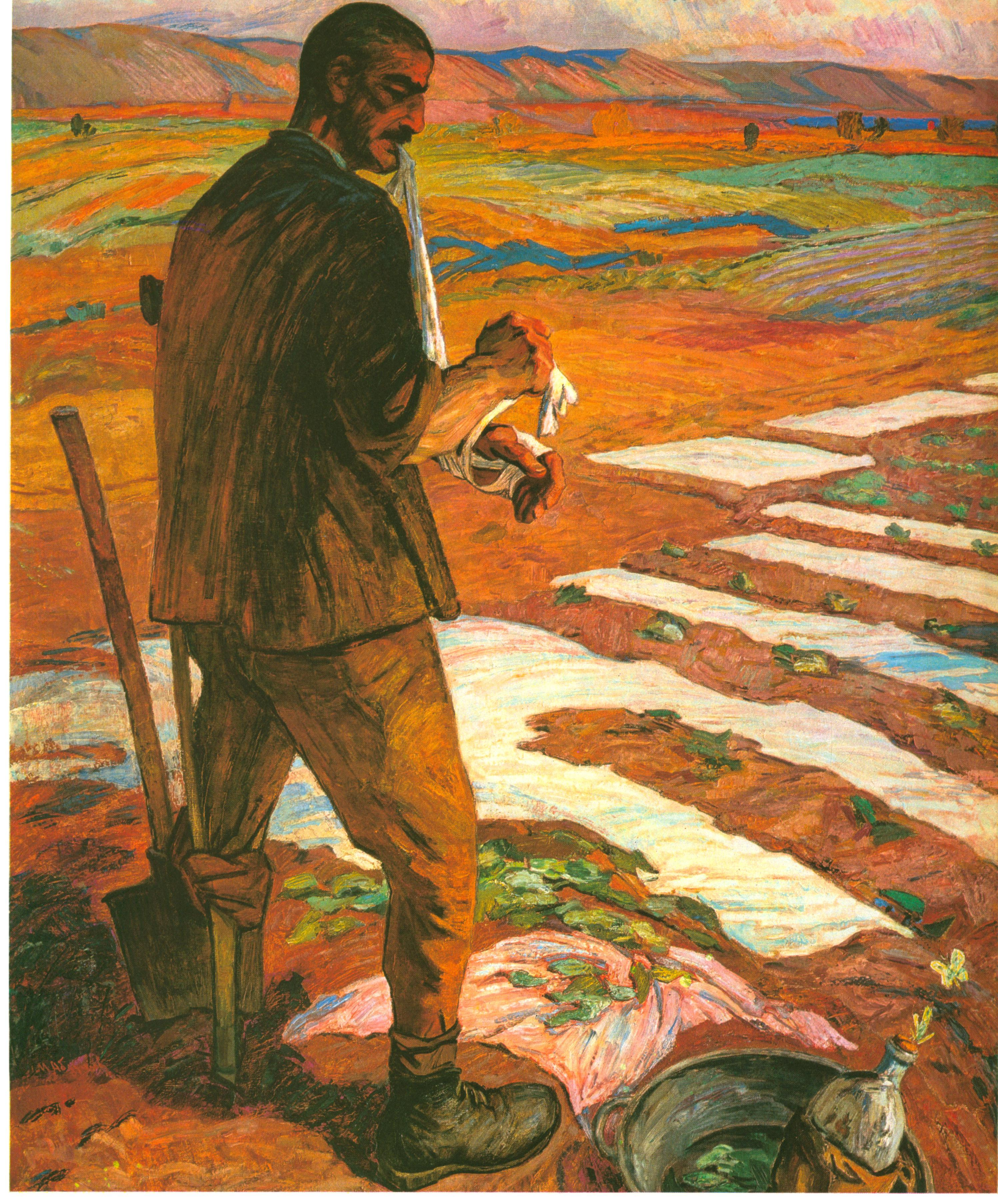
Был со мной в Ленинграде и самый близкий друг из научной среды — Генрих Анохин, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института этнографии АН СССР, который первым в Советском Союзе поддержал мои научные идеи о расселении народов морским путем. Я рад, что мы в одно время с ним и со Львом Ждановым сражались на фронтах второй мировой и на фронтах науки...

...Не счесть новых друзей, что появились у Тура в Советском Союзе. Хейердал увозил добрую память, приглашения вновь посетить нашу страну, заказы на новые книги, увозил сувениры — фотоальбомы о самом зеленом океане — русском лесе, о море-озере Байкал, в котором он еще не плавал, но, как заметил Тур, если уж русские переплыли Байкал на омулевой бочке, то на плоту там делать нечего.

Книги советских друзей Тур держит на особой полке. И шутит, вот придут к нему гости и вновь начнут удивляться, как щедро издаются в СССР книги и... какие большие тиражи. Гостей всегда изумляют тиражи изданных в Союзе книг Хейердала.

В этом году Тур обещал друзьям подарить свою новую книгу, «Мальдивская загадка», и все, кто его знает, уверены: так оно и будет.

З. КРЯКВИНА

М. Абдуллаев. Род. 1921. СОЛДАТ.

Б. Федоров. Род. 1922. ЗЕМЛЯ РОДНАЯ.

О «РУССКОЙ МОЗАИКЕ» И МУЗЫКАЛЬНОМ ИМПОРТЕ

В Московском государственном театре эстрады показал свою программу Театр эстрадного танца хореографической мастерской Москонцерта. Представление открылось премьерой «Русская мозаика» в постановке Юрия Папко. Задачу он поставил перед собой непростую и, бесспорно, заслуживающую одобрения — создать многоцветное хореографическое, композиционно завершенное панно, в котором гармонично сливались бы элементы эстрадного и народного танца. Это тем более примечательно, что при сравнительно высоком уровне техники эстрадного танца, при том, что у нас есть немало способных исполнителей, пожалуй, большинство номеров этого жанра лишено отечественной, народной основы, самобытности, характерности. Как правило, и по рисунку, и по музыкальной основе они варьируют с большей или меньшей степенью дарования и воображения некие космополитические образцы, предложенные западной и латиноамериканской эстрадой.

Каковы же общие впечатления от «Русской мозаики»? Радостно было познакомиться с некоторыми интересными исполнителями, тонко чувствующими природу народного танца, приносящими в него собственную индивидуальность. И тут в числе первых хотелось бы назвать Аллу Зернову и Бориса Новикова. Их «Коробейники» и «Дуняша» выглядят свежо, впечатляют эстетически и эмоционально благодаря высокой технике, смелому темпу, настоящему артистизму. Есть в актерском словаре слово «кураж» как обозначение непринужденности исполнителя, той стадии вдохновения, когда актер не играет, а, кажется, живет в роли.

Алла Зернова и Борис Новиков отдают танцу душу, проживают его на сцене жизнерадостно, ярко.

Приятное впечатление производят «Ливенские страдания» в исполнении Ольги Вдовиной и Вячеслава Бардина, «Скоморохи» Владимира Барановского и Валерия Носана. У этих танцев есть свое лицо, свой характер, свой сюжет.

Запоминаются «Ложкари» в исполнении танцевального ансамбля «Вихрь». Это массовый танец, яркая самобытная хореографическая композиция в вихревом темпе.

Интересны по замыслу и «Вологодские завитухи». Но, одев партнеров наравне с партнершами в нечто среднее между камзолами и кафтанами из вологодских кружев, художник и постановщик явно изменили не только чувству вкуса, но и, пожалуй, реальному представлению о традициях русского костюма. Увы! Это не единственный недостаток премьеры.

Бледен и вторичен по рисунку «Пролог», который заученно, с механическими улыбками исполнили Н. Мисаилова и М. Касаткина. «Пробуждение» в исполнении В. Поблоцкой и А. Гуревича ни тематически, ни стилистически никак не связано с традициями народного танца — это скорее какой-то усредненный сценический вариант парного танца на льду. Не вписываются в «мозаику» ни «Солнышко» — нечто эклектическое, чему трудно дать определение, ни «Я в садочке была» — попытка постановщиков и исполнительницы Н. Сомоновой соединить классический балет с пением Жанны Бичевской под гитару. Такое соединение кажется столь же неестественным, как, скажем, адажио из «Лебединого озера» под саратовскую гармошку.

«Вечерний звон» Н. и В. Ковалевых — это скорее спорт, чем танец, столько здесь чисто силовых и акробатических элементов. Впечатление сумбура, расплывчатости оставляет и финал. Таким образом, премьеру «Русской мозаики» вряд ли можно считать по строгому счету состоявшейся. Ее стилистическая невыверенность, торопливость, эклектичность, художественная неравноценность номеров, композиционная рыхлость представляются очевидными.

Более зрелищным оказалось второе отделение — «Парад танца». Наверное, это можно объяснить и тем, что теперь на сцену вышли исполнители не с той программой, куда их «подключили», а с тем номером, который выбирали сами по склонности и который шлифовали подчас не один год.

Тут были представлены уже известные звезды эстрадного танца, чей талант по достоинству оценен зрителями концертных залов и телевидения. Среди них лауреаты Всесоюзного конкурса артистов эстрады Марина и Владимир Скиженок и Юрий Замятнин («Дождик», «Мы преодолеем»), Анна Евтушенко и Альвиан Гайдаров («Хореографический этюд»), дипломанты этого же конкурса Татьяна Лейбель и Владимир Никольский («Карнавал в Тропикано»). Особо хочется сказать о великолепной работе заслуженной артистки Якутии Натальи Кирюшкиной и Дмитрия Кузина — хореографической сцене «Старая кинолента», посвященной Чарли Чаплину. Внешний облик Чаплина, его походка удивительно точно схвачены Натальей Кирюшкиной. Волнует знакомая и любимая всеми музыка из его фильмов, а главное, сцену наполняет неподдельная атмосфера чаплинской улыбки, пронзительной, щемящей грусти, неповторимости и незащищенности маленького человека, которому холодно и одиноко в этом жестоком мире, и лишь надежда согревает его. Наталья Кирюшкина и Дмитрий Кузин еще раз убедительно доказали, что эстрадному искусству доступны высоты драматизма, подвластны не только смех, но и слезы, и философские глубины. В «Параде танца» снова достойно показали себя в характерном танце Алла Зернова и Борис Новиков («Рандеву»), Владимир Барановский и Валерий Носан («Каскадеры»). Одно хотелось бы заметить: подавляющее большинство номеров сопровождает музыка зарубежной эстрады. Но если в случае с чаплинской темой или песней Пита Сигера («Мы преодолеем») это вполне объяснимо, то как все-таки понять, что ни одного из солистов «Парада» не вдохновила ни песня, ни музыка нашей эстрады? Нет хороших, современно, ярко аранжированных мелодий? С этим трудно согласиться. Скорее другое — хореографическая мастерская Москонцерта слабо прививает своим питомцам интерес к отечественной музыкальной культуре, мирится с засильем в программах музыкального импорта и подчас не лучших его образцов.

Ирина ПИРОГОВА

На снимке: танцуют Алла Зернова и Борис Новиков.

ТРУЖЕНИК, ВОИН, ПОЭТ

«Когда человек умирает, изменяются его портреты...» Эта догадка Анны Ахматовой подтвердилась совсем недавно, перед самым концом 1984 года, когда пришла скорбная весть о кончине Анатолия Алексеевича Кудрейко. Я потянулся к полке за его книгами. С портрета на меня посмотрел человек, которого я знал около полувека. Сейчас он глянул на меня из поры своей молодости. Здесь нет никакой мистики. Фотография не полна без стихов. А стихи перенесли меня в 20-е годы, в Екатеринослав, ныне Днепропетровск, где Анатолий Кудрейко жил и творил в кругу друзей своих: Дмитрия Кедрина, Марка Шехтера, Михаила Светлова, Александра Ясного, Михаила Голодного. Позднее — Москва, где в 1927 году выходит книга стихов двадцатилетнего поэта «Лесной шум». После рабфака — увлечение металлургией, вуз, диплом на тему о высокочастотных печах. Инженером не стал, но увлечение литейным делом сохранил на всю жизнь.

Красота природы и труд человека находят в Анатолии Кудрейко пристального художника. Он воссоздает их не раздельно, не отторгает друг от друга, а показывает их естественное и несокрушимое единство.

Поэта признает читатель, его охотно вбирают в свой круг мастера литературы. Большие замыслы оттесняются войной. Младший лейтенант Анатолий Кудрейко получает взвод автоматчиков. После тяжелого ранения Анатолий Кудрейко списан со строевой службы и работает в редакции газеты «Красный воин». Затем следует длившаяся несколько десятилетий работа редактора отдела поэзии в журнале «Огонек». Четкость и обязательность, как проявление внимания к людям, понимание задач журнала и одновременно тщательное знание текущей литературы — все это создало авторитет поэту, который часто был вынужден откладывать свои собственные литературные начинания или вовсе отказываться от них ради порученного ему дела. Мы это видели, мы это помним, и это добавляет существенные черты к облику Анатолия Кудрейко.

Жизнь его, опыт солдата и журналиста, прошедшего по многим дорогам страны, откowались в его стихах, которые вошли в книги, выпускавшиеся в разные годы: «Предгорья», «Свершения», «Пересечение путей», «Кинолента», «Светомир», «Близость», «Устремленность» и другие.

Он писал о Волге, где был ранен, о желании поехать туда снова. «Не я бросал здесь в землю зерна, а вот стоят, как сыновья, хлеба, в чьи крохотные корни вошла весною кровь моя».

Он был скромен, трудолюбив, любознателен, добр. Мы это знали, мы это чувствовали при жизни Анатолия Алексеевича Кудрейко. И мы это запомним надолго, навсегда.

Лев ОЗЕРОВ

Жить — значит мыслить, творить добро, действовать...

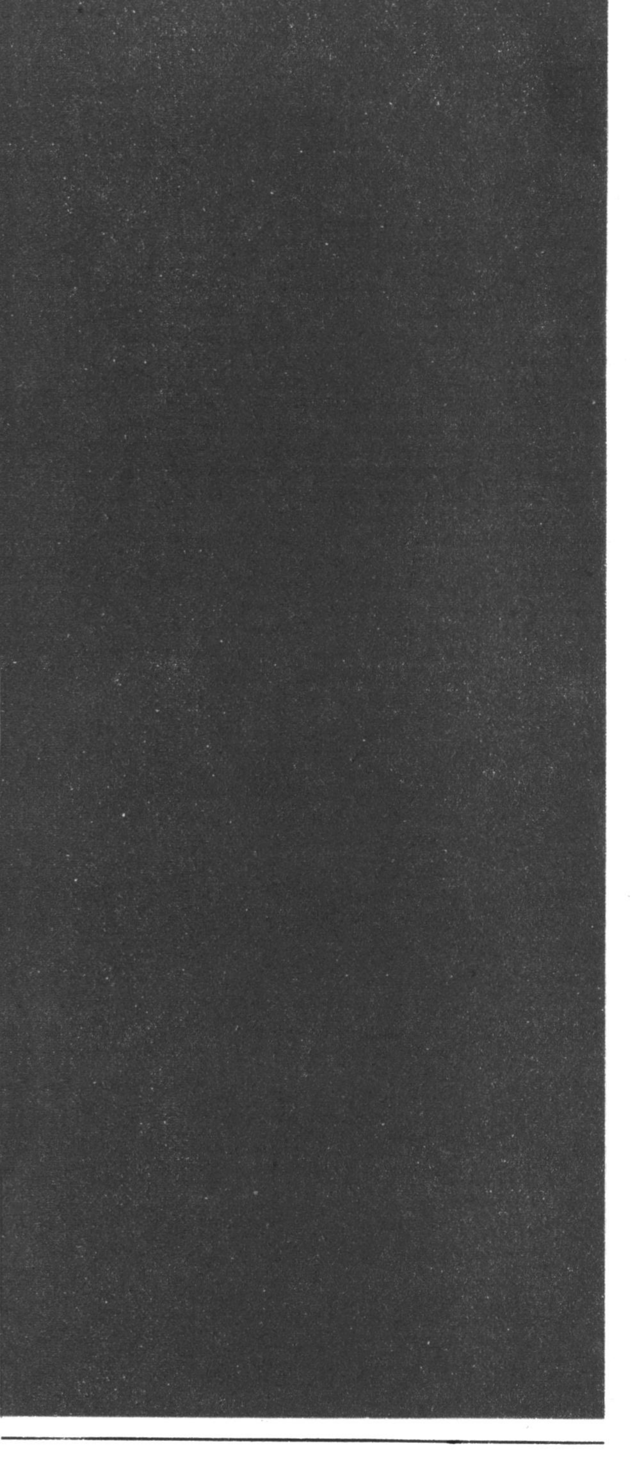
БЫТЬ КАСКАДЕ

На экране и побеждать, и проигрывать надо убедительно.

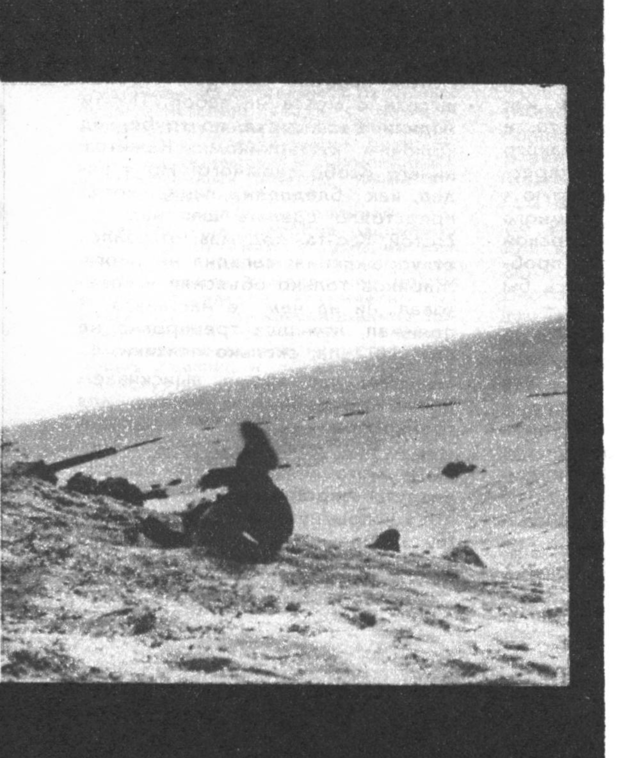

Кажется, от этого удара человек в живых не останется.

Воспитание Юры и Светы Жариковых — тоже важное отцовское дело.

Много раз «сбивает» Жарикова мчащийся автомобиль.

Борис СМИРНОВ.
Фото И. ГАВРИЛОВА

Неудобно об этом говорить, но мне в какой-то мере повезло на чужом несчастье. Сложись все иначе, и не удалось бы нам так спокойно и обстоятельно познакомиться. Одно дело — интервью, когда собеседник отвечает на твои вопросы в силу необходимости, но далеко не всегда служебный разговор перерастает в чисто личную привязанность...

А началось все так. На встрече в редакции я обратил внимание на выступавшего перед залом гостя: среднего роста, крепкого телосложения мужчина очень толково развивал свои воззрения о роли личности при подборе экипажа космического корабля, а через несколько минут тот же человек рассказывал, как ему удается, падая вниз головой с пятиметровой высоты, благополучно приземляться на обычную картонную коробку. «Кто он такой?» — шепотом спросил я у ближайшего соседа. «Каскадер из Одессы Владимир Жариков. Снимался в трюках в десятках фильмов, а так, между прочим, кандидат философских наук, доцент какого-то института!»

Я должен был уходить, не дождавшись конца той встречи, а вопросы так и роились в голове. Мало того, что профессия каскадера для нас более чем экзотична, а тут такое необычное ее сочетание с наукой, да еще с какой — философией! Нет, этого человека надо найти. И вот, оказавшись в Одессе, я принялся за розыски. Звоню на киностудию. Да, говорят, знаем, но он что-то к нам давно не заходил. Как, удивляюсь я, разве он не у вас работает? Оказалось, на студии вообще нет штатных каскадеров, они привлекаются к съемкам от случая к случаю! Устыдившись своей некомпетентности, я перешел от загадочного мира кино на более реальную научную почву и вскоре уже знал, что Владимир Юрьевич Жариков преподает в инженерно-строительном институте, живет в новом районе на улице Фрунзе, а домашнего телефона у него нет. Было уже около десяти вечера, и я всю дорогу готовил слова, с которыми предстояло попасть в дом незваным гостем: каскадеры-то — народ решительный! Впрочем, меня вдохновляла ученая степень хозяина дома...

Все обошлось как нельзя лучше. Прервав мои извинения, хозяин повел меня в кабинет, прикрыв на ходу дверь в комнату, где спали дети. И уже через несколько минут мы, словно давние знакомые, толковали о самых разных вещах, не имевших, кажется, никакого отношения ни к киносъемкам, ни к философии. Собеседник удивительно легко умел как-то так поворачивать малозначимые с виду детали, что они вдруг выстраивались в логический ряд и сами собой вели к обобщениям. Просто неловко было в таком разговоре вытаскивать записную книжку, хотя многое из того, что я слышал, очень в нее просилось.

И вдруг я почувствовал: он тоже думает о работе! Весь этот бессистемный с виду разговор он умело и тонко направляет в русло непонятного пока для меня течения его мысли. Философия в каскадерской работе! Нет, это не парадокс, не умничанье над красным словцом, а совсем неожиданный шаг в необычное. А что, если взглянуть на эту профессию так, как на нее еще никто никогда не смотрел?..

— Ведь человек во все времена хотел видеть себя лучше, значительнее, совершеннее, чем он был на самом деле,— во всех проявлениях и духовности, и своих физических данных. Вспомним эпос, легенды, мифологию, сказки, наконец! Всюду сильные, ловкие герои, так ведь? И когда киногерой с помощью каскадера воздействует на воображение зрителя, он тем самым возвеличивает образ, обогащает его новыми красками.

— Значит, кинотрюк должен нести большую смысловую нагрузку...

— Совершенно верно! Не обмен тумаками, не суперменство, а в каждом случае закономерная победа человека над безысходностью обстоятельств!.. Трюк — это кульминация в действии на экране...

Мы уже были на «ты». В записной книжке еще не появилось ни строчки, а время перевалило за полночь. Конечно же, и на лестнице мы продолжали условливаться, как и когда встретимся. Ему — найти «окно» в семинарах, лекциях, кинолекциях и киносъемках. А еще постоянные тренировки, еще институтская общественная работа и работа над докторской диссертацией. И еще найти мне возможность «вклиниться» в это «окно»... Приехав в Москву и перезваниваясь с Жариковым (причем звонить мог только он!), я сам чувствовал себя каскадером, который должен спрыгнуть с поезда (или с самолета!) и точно двумя ногами приземлиться в намеченный заранее маленький кружок времени... Наконец этот «кружок» был определен. «Постарайся приехать шестого. Тогда седьмого побываешь на нашей тренировке, а восьмого я должен выехать на съемки в Болгарию!» — кричал Владимир по телефону. Я постарался. И «прыгнул». И тут возникло то самое «везение» из чужого несчастья...

За открывшейся дверью я увидел прежде всего толстую суковатую палку, потом — нуль бинтов на ноге, и все это как-то не сразу соединилось с обликом Владимира, беспечно улыбавшегося мне навстречу. Под локтем у него, как я потом выяснил, был томик документов Тегеранской конференции.

— Заходи! Вот хорошо, что приехал...

— Перелом?— выдохнул я в полнейшем смятении, не успев ни удивиться, ни огорчиться, ни обрадоваться (раз улыбается — значит, не страшно!). И, каюсь, тут же подумал о своем, журналистском: теперь-то он от меня не убежит!..

— Нет, только разрыв связок: на тренировке трос оборвался, просто повезло, что подо мной, а не под кем-то из моих ребят... Сейчас поедем, сам увидишь, где и что. Вот, почитай пока — любопытное письмо из Севастополя!

Волоча тяжелую ногу в гипсе, Владимир двинулся переодеваться, а я взял толстый конверт. На фотографиях — молодые ладные ребята в мотоциклетных шлемах. Несколько исписанных листков бумаги. «Уважаемый Владимир Юрьевич, узнали о вашей школе каскадеров, хотели бы у вас заниматься. У нас самодеятельная группа, все спортсмены, служили в армии. Вот наши данные... Если можно, приедем к вам на мотоциклах для личного знакомства».

— Таких писем я получаю довольно много,— рассказывал Владимир.— Уже ответил севастопольцам: пусть приезжают — познакомимся. Видишь ли, существует всеобщее заблуждение, что для каскадерской работы достаточно быть хорошим спортсменом. А у меня в школе были и заслуженные мастера спорта, и чемпионы мира, а работать не смогли. Физическая подготовка необходима, но главное — психическая настройка. Умение не просто выполнить трюк, а сыграть в нем. Может, ты обращал внимание, когда смотрел фильмы: вот моряки прыгают с горящего судна в воду. Суматоха, люди спасают жизнь, а зритель видит, как герой, умело прогнувшись, делает в воздухе четкое сальто и точно входит в воду. Зритель восхищен техникой прыжка, а задуманный трагизм сцены начисто пропадает!..

С трудом забравшись в чистенькие «Жигули», Владимир осторожно вывел машину со двора. Я предложил было сменить его за рулем — нога-то в гипсе!— но скоро понял, что это излишне: он вел машину безукоризненно, вел уверенно и легко, ничем не выделяясь в потоке транспорта. Но я видел, что лоб его чуть покрылся испариной.

— Да, это тоже тренировка,— согласился он.— Я должен абсолютно точно рассчитать свои силы и возможности. И контролировать ситуацию. Я, например, знаю, что в любую секунду готов затормозить, свернуть, сманеврировать — так резко или так плавно, как это необходимо по ситуации. В любой момент я должен быть предельно собран, готов к опасности. Просто сейчас из-за ноги мне это, конечно, сложнее! Но если бы я хоть чуть-чуть усомнился в своих возможностях, ни за что не сел бы за руль...

— Но ты все же не смог предвидеть, что трос оборвется!

— Ну, поймал!— рассмеялся Владимир.— Конечно, это невнимательность. Ошибка, которую я обязан был предвидеть. Лишний раз — нет, не лишний!— проверить трос... Суровый урок — и для меня, и для ребят. Они тоже убедились, как важна любая мелочь.

...Забегая чуть вперед, опишу этот случай.

Очень крутой, метров двести длиной, спуск к морю, сплошь заросший деревьями и кустами. Над ним что-то вроде эстакады с вертикальным, метров на пятьдесят, лифтом. Каскадеры привязали трос к эстакаде и маятником раскачивались наподобие Тарзана на лиане, взлетая над обрывом на жуткую высоту. Тренировка нервов, что и говорить... Упражнение повторялось всеми многократно, но когда в очередной раз взлетел Жариков, в верхней точке его полета трос лопнул. Казалось, шансов никаких... Владимир, однако, сумел собраться, развернуться в падении, стабилизировать тело и, по-десантному напружинясь, под нужным углом ногами ударился о землю. Но... под одной ступней оказалась неудобная кочка — тут уж ничего не поделаешь. Можно сказать наверняка: другой человек погиб бы на месте, ничего бы от него не осталось. А тут всего разрыв связки.

Каскадеры рассказывали, что были на грани шока, когда, не разбирая дороги, бросились под обрыв, к месту падения Жарикова...

— Тебя, наверное, часто спрашивают: зачем рискуешь?

— Конечно, спрашивают,— согласился Владимир.— Особенно коллеги. Часто даже с насмешкой, с пренебрежением: мол, солидная должность, ученая степень, хорошие перспективы, а ты прыгаешь, в грязи кувыркаешься, драки изображаешь... Я в таких случаях даже не стараюсь переубеждать, «разглагольствовать» о гармонии, о проверке на себе своих теорий, о понятии человеческой личности... В конце концов как объяснить, что я люблю и то, и другое! Для меня нет никакого раздвоения, а есть одна интересная, насыщенная жизнь, которую я не намерен бросать еще много лет. Тем более в каскадерской профессии у нас множество проблем, которые и мне хотелось бы решать...

Да, проблем хватает! Я даже не думал, что это дело стоит у нас на такой низкой ступени. Та же жариковская школа каскадеров; я говорю это отнюдь не в упрек ему, но ведь школа-то — чистое любительство, сплошной энтузиазм без малейшей поддержки со стороны всемогущей киноиндустрии. Хоромы, разумеется, и не предполагались, но такое...

Мы остановились у ворот какого-то санатория. Тут же подъехала милицейская машина, из нее вышли двое в форме.

— Познакомься,— сказал Владимир,— это Александр Мосин и Сергей Бондарь, наши ученики. Саша — мотогонщик, мастер спорта... Так, кто у нас пришел сегодня? Вот Сережа Стецура — он в одесской мореходке учится, вот Николай Кондратьев — профессиональный водолаз, специалист по аквалангам; Михаил Антонов — водитель, инструктор по горному туризму; Валерий Завадский — электрослесарь по ремонту трамваев, а у нас автомотогонщик, мастер — золотые руки: на нем держится техническое обеспечение всех наших трюков. И еще он председатель одесского клуба антикварных машин, так что со съемкой кадров, где нужны старые автомобили, у нас, как понимаешь, нет проблем!

— Владимир Юрьевич, к нам новенький,— подвел Александр Мосин симпатичного загорелого парня с великолепной мускулатурой.— Он военнослужащий. Тяжелоатлет, гимнаст...

— Вам, наверное, трудно будет находить время для нас?— здороваясь и как бы ощупывая новичка глазами, говорил Жариков.— Что же, приходите, попробуем. Если вы нам понравитесь, а мы вам, будем заниматься... Ну, ребята, переодевайтесь — и на берег! Саша, проведи разминку, пока я туда доковыляю!

«Формальности упрощены до мыслимого предела»,— отметил я про себя. Ребята здесь же залезли в машину и переоблачились в потертые самбистские куртки, трикотажные костюмы — кто во что горазд.

— И это ваша «база»?

— Я договорился со сторожем стадиона — иногда разрешает нам переодеться и помыться в раздевалке. Изредка, но так же по-партизански пользуемся спортзалом. А чаще у моря, как придется. Упросил санаторную администрацию, чтобы разрешали нам проходить через территорию... Я же говорил, все на энтузиазме, три раза в неделю! Вот так и живем — восемь лет...

(Когда я уже возвратился в Москву, Жариков сообщил мне, что каскадерской школой заинтересовался Одесский обком партии, обещали даже выделить две списанные легковые машины для тренировок автотрюков; армейский спортклуб трижды в неделю дает каскадерам время в своем спортзале, и они могут теперь взлетать на батуте, отрабатывать прыжки и падения в поролоновую яму...)

После разминки ребята ходили и прыгали над обрывом по узеньким фермам эстакады, той самой, с которой «улетел» Жариков. Потом скатывались на спинах вниз головой с травянистого откоса. Потом прыгали на трехметровой высоте с моста на забор. Потом ходили, балансируя, по трубе над колючим кустарником... Кажется, ничего особо сложного? Но я видел, как бледнели лица, когда предстояло сделать шаг над пустотой. Кто-то, подумав, отказался от упражнения: сегодня не смогу. Жариков только объяснял и советовал, ни на чем не настаивая. Я понимал, что шла тренировка не столько тела, сколько психики.

— Мы все время выискиваем новые подсобные средства для тренировок,— объяснял Владимир.— Все должны водить машины и мотоциклы, плавать, нырять, владеть акробатикой. Можем на ходу вспрыгнуть на капот или крышу машины, оттуда скатиться на дорогу. Ходим на ипподром для

конной подготовки, плаваем с аквалангом...

— Иначе говоря, всего понемногу?

— Да, только в эту формулу все не уложить! Спортсмен стремится к лучшим очкам и секундам, каскадер — к абсолютному владению телом. Для циркового артиста важна безупречная чистота заученных движений. А для нас — бесконечная импровизация. Я совсем не хочу никого обидеть, просто у нас цели разные. Например, автогонщик стремится во что бы то ни стало удержать машину на колесах, а мы, наоборот, перевернуть ее. Всадник должен усидеть в седле, мы — выпасть из него... Помню, я уже снялся во многих фильмах, когда узнал, что на «Мосфильме» есть картотека каскадеров. Я подумал, что и мне надо записаться. Захожу. «Какие у вас спортивные звания?» — спрашивают меня. Я мастер спорта, имею несколько первых разрядов. Но сама постановка вопроса меня удивила: «Я же не в спортсекцию записываться пришел, вам важнее знать, какими трюками я владею...» Слышу в ответ: «Нет, мы имеем дело только со спортсменами!..»

Оказывается, еще с 1947 года действует правило привлекать к трюковым съемкам только спортсменов не ниже первого разряда. А сможет ли, например, прекрасный прыгун в высоту спрыгнуть с идущего поезда?.. Я, чтобы научиться этому, не один день провел со сцепщиками вагонов, исследовал все их приемы... В конном деле стараюсь копировать не всадников-мастеров, а профессиональных объездчиков на конезаводах... Жаль, что на киностудиях при работе с каскадерами далеко не всегда учитывают подобные тонкости. Мы для «киношников» парни с улицы, случайный народ, и к трюковым съемкам часто привлекаются совершенно неквалифицированные люди. Отсюда «серые» сценки в фильмах. Отсюда же недоверие к нашей каскадерской профессии. А поучиться есть у кого: конные трюки еще в послевоенные годы великолепно выполнял Петр Тимофеев, не знал равных себе за рулем Александр Микулин. сейчас выделяются Анатолий Хадюшин, Усен Кудайбергенов, Александр Филатов...

— А сколько у нас сейчас всего каскадеров?..

— На мой взгляд, профессионально работают человек пятнадцать.

Кажется, я задел больную для Жарикова тему: он, быть может, первым поднимет проблему дилетантства в каскадерском деле.

Кстати говоря, у нас пока официально и не существует эта профессия — каскадер. Даже в словарях этого слова нет! А фильмов с участием «несуществующих» каскадеров сколько угодно...

Жариков прав, пора серьезно подумать о тех случайных, кто заполняет «вакуум»... Я среди его обширной почты видел послание, состоящее из наклеенных печатных букв: «Жариков, уходи из кино, а то скоро будешь на кладбище». В устах людей, владеющих разнообразными приемами и подкованных «детективным» опытом, такие угрозы совсем не шутка!

Что скрывать, нездоровая конкуренция уже породила несколько скверных историй. И уже не раз предлагал Жариков: пусть будет единый центр комплексной подготовки каскадеров. технически оснащенный, с профессионально поставленным обучением. Центр объединит всех специалистов трюковых съемок, и тогда любая из киностудий страны сможет строить работу в расчете на квалифицированную помощь.

— Хорошо, Володя, пусть будет так, ну а тебя-то кто учил всем этим трюкам?

— Старший брат! Я был пацаном, а он, моряк, приехал в отпуск — мы тогда в Гурьеве жили. Вообще-то я смоленский, это отец по работе перевелся и увез семью в Гурьев. Так вот, брат спрашивает: хочешь научиться плавать? Хочу! Выехали на лодке на середину реки, он говорит: веришь, что я тебя спасу? Верю! Тогда плыви! И бросил меня в воду. Я поплыл... А вообще меня всегда привлекали в людях решительность, сила духа, способность к действию. Мальчишкой — все заборы и крыши были моими. Прыгал оттуда не просто так, старался сальто сделать. Служил в армии... Был геологом, мастером на стройке, преподавал физкультуру и труд. Диплом — о творчестве писателя Гаршина — защищал на кафедре истории русской литературы Одесского университета. А в аспирантуру поступил на кафедру философии. Есть известный доктор философии, профессор Авенир Иванович Уемов, он увлек меня этой наукой... А каскадерство началось, конечно, с любви к кино. Экран меня буквально заворожил. Как-то подсчитал, что за год посмотрел 165 фильмов! Ну, и подрабатывал как статист на киностудии — денег-то в годы учебы не хватало; мы с женой и двумя детьми четыре года жили на стадионе университета в сарае без окон, без отопления... И еще я очень много тренировался на берегу моря, примерно вот так, как сегодня. Однажды там же, на берегу, где мы сегодня были, подошел ко мне мужчина и говорит: «Молодой человек, не могли бы вы зайти ко мне на киностудию?» Оказалось, что это режиссер Юрий Черный. Прямо как в сказке... Предложил мне поставить сцену драки в ресторане. Я пригласил ребят-борцов из «Динамо», придумал трюки. Несколько дней мы репетировали, и в фильме «Порт» несколько секунд на экране длилась наша «драка». Много энтузиазма, но без всякого профессионализма...

— А потом?

— Потом был на экране и бандитом, и пиратом, стрелял, умирал, дрался, взрывался — это «для вида»; делал на крыше стойку на руках, падал с палубы, прыгал с мотоцикла на автомобиль — это уже по-настоящему...

О большинстве фильмов, которые называл Жариков, я и понятия не имел. Зато те, что запомнились, запомнились именно каскадерской работой. «Пираты XX века», «Сыщик», «Д'Артаньян и три мушкетера»... Здесь не рецензия, но трюковые сцены там — вспомните! — на пятерку! Особенно в фильме «Место встречи изменить нельзя». Там, кстати, даже в титрах фамилии каскадеров Жарикова и Федулова.

— Эпизод, где тяжелый грузовик пробивает парапет и падает в реку, считаю вершиной своей работы в кино, — говорит Владимир, и я чувствую, что он начинает снова волноваться за пережитое. — Режиссер Станислав Говорухин заранее просил меня обдумать: возможно ли это сделать? Мы с Олегом Федуловым решили: можно! Но все же Говорухин пригласил для консультации двух известных автогонщиков. Те приехали, посмотрели наш план: «Нет, ребята, вам это не сделать. Башку разобьете». А мы уже «загорелись» этим трюком, вымучили разрешение у режиссера, даже подписку дали: «За наши жизни и здоровье киногруппа ответственности не несет».

Репетировали сцену две недели; изучали трассу, подходы, рассчитывали скорость.

Фильм снимался в Москве. Мы для себя выбрали место на Яузе, у Электрозаводского моста. Подготовили «студебеккер», вынули из кабины все стекла. Наконец день съемки... Сентябрь кончается. Холодно. Наступает вечер, действие должно проходить в темноте. Ждем «режима», то есть нужного освещения. Подъезды перекрыты ГАИ, но на мосту толпа зрителей. Мы уже сидим в машине, а команды все нет, что-то там с камерами заело. Олег за рулем, я — рядом, держу в руках провода от аккумулятора: мы задумали, чтобы фары машины продолжали гореть под водой... Наконец, видим, машут рукой; мы трогаемся, но к нам бросаются навстречу: оказалось, помахали «просто так»... Пятимся обратно. Ждем. Опять сигналят. Теперь уже по-настоящему. Разгоняемся до шестидесяти километров в час. Машина ударяется колесами о тротуар, подпрыгивает, и я чувствую, что мы летим. Никаких привязных ремней применить нельзя, мы упираемся во что можем руками, ногами, спинами... Что-то черное несется нам навстречу...

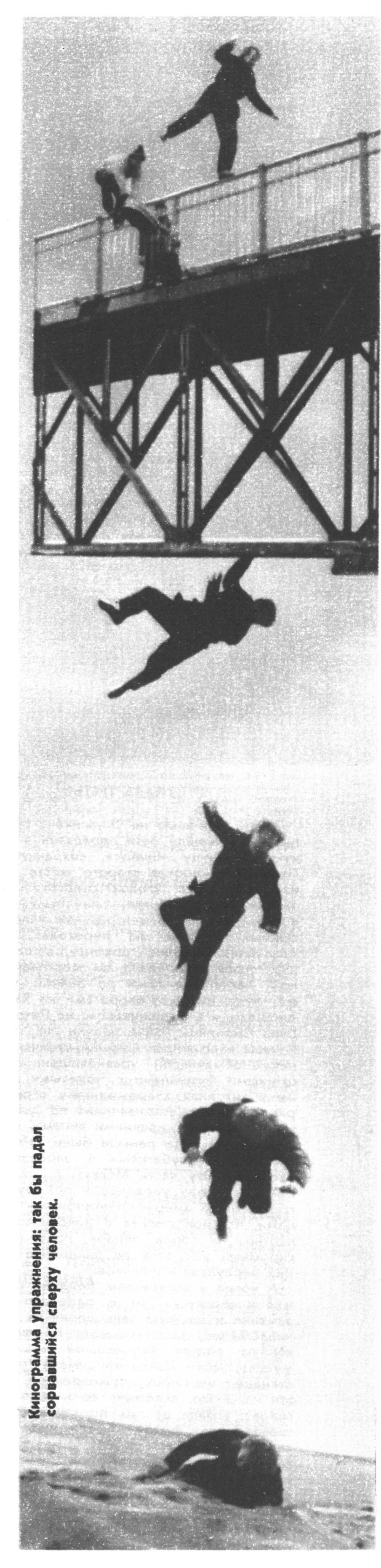
Удара о воду я, например, почти не почувствовал — так напряжены были мышцы. Весь удар приняла на себя машина. Только ощутил воду — плотную, жирную. Задержал дыхание, попытался сориентироваться. Да, крыша лежит на дне. Машина почему-то чуть покачивается... Нащупал проем окна, протянул правую руку, она попала в вязкий ил. Значит, уходить надо через левое окно. Олега нет, уже ушел, теперь моя очередь. Осторожно, чтобы не зацепиться за острые выступы, выдавился из окна, оттолкнулся ногами и — наверх. Все!.. Разве все?.. Вынырнул, осмотрелся, увидел катер со спасателями. Медленно поплыл, неудобно в ватнике! Спасатель протянул руку, помог взобраться на катер. «Дай стакан чистой воды!» — прошу спасателя, прикрывая лицо рукой: глаза очень щиплет от речной грязи. Вижу, спасатель выскакивает на палубу со стаканом и залпом выпивает воду. «Ты что?» — говорю. Он спохватывается: «Ой, извини! Очень долго тебя не было, думал, уже не вынырнешь...»

Потом нам рассказали: когда машина перевернулась, на мосту была полная тишина. Вдруг кто-то крикнул: «Конец ребятам!» А у нас с режиссером было условлено, что Олег под водой отплывет от машины подальше, ведь, по сценарию, вынырнуть должен только один человек. Олег вынырнул аж под мостом, там его и подобрал катер. А зрители наверху этих нюансов не знали, с кем-то случилась истерика...

Я шел по мосту, с одежды текла вода. Толпа молча расступалась, на меня смотрели с каким-то ужасом, как на выходца с того света... Я не выдержал и побежал. Потом, переодевшись, поймали такси и поехали в гостиницу; шофер сообщил нам, что только что на Электрозаводском мосту автобус с людьми пробил ограждения и упал в воду. Мы расхохотались. Шофер остановил машину, обернулся и очень строго сказал: «Ребята, так нельзя! Такими вещами не шутят, там люди погибли»... Но самое смешное, знаешь, в чем? — заулыбался Жариков. — Самая главная кинокамера, одна из трех, та, что должна была снимать нас в кабине крупным планом, в момент падения не сработала!.. Правда, когда мы об этом узнали, нам почему-то было не до смеха.

...Вот такой он человек, Владимир Жариков, поклонник беспокойного образа жизни. Каскадер, кандидат наук. В скором времени доктор.

Может быть, его титулы я неправильно расположил местами. Но если на это и обратит кто-нибудь внимание, то это будет не сам Жариков.

Кинограмма упражнения: так бы падал сорвавшийся сверху человек.

Юрий БОНДАРЕВ

РОМАН

Рисунки Е. БОНДАРЕВОЙ, А. УСТИНОВИЧА

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Зимой она жила на Ордынке у родственницы, но в начале лета переехала в простенькую гостиницу «Балчуг», сохранившуюся на Пятницкой, против старого моста через Канаву. Это был уголок относительно тихий, замоскворецкий, где, мнилось, понемногу кончалось буйство центральных улиц с их бегущими толпами на переходах, неуемным сверканием машин, грохотом, вонью выхлопных газов, очередями за мороженым и соком, переполненными до банной духоты кафе, людскими круговоротами на Театральной площади, в Столешниковом, на Петровке. Уже близ гостиницы узкие улочки по ту сторону Канавы напоминали бывший купеческий город некой обманчивой уравновешенностью, крошечными булочными с тюлевыми занавесками в витринах, старомодными зеркалами парикмахерских (опахивающих из дверей облаками «Шипра»), древними липами, еще оставшимися там, где раньше были заборы, арками ворот, голубятнями в заросших травой дворишках. Эту часть Москвы с открытым небом, не всюду уродливо и прямоугольно загороженным американоподобными чужестранцами, Крымов снимал в довоенных эпизодах картины о сорок первом годе и полюбил скромный уют этих не полностью разрушенных переулков и тупичков.

А когда в воскресный полдень он подъезжал к «Балчугу», то с радостью узнавания замечал и жидкую тень деревьев на сонной набережной, и сонную воду Канавы, и брызжущую радугу поливальной машины, недоумевая, зачем Ирина придумала встречу в гостинице, вероятно, прожаренной солнцем в эти часы. Но, вспомнив ее весело закинутую голову, уголки ее губ, поднятые улыбкой, ее театральную фразу, брошенную с наивной скоропалительностью: «Назначаю вам деловое свидание в «Балчуге»,— он понял, что это игра, в которой ей интересно и приятно было его участие. И он согласился не без любопытства, и в вестибюле гостиницы молодой портье не остановил его, не спросил, к кому он идет, только кивнул приветливо, видимо, предупрежденный ею, а когда на втором этаже дошел по малиновой дорожке до ее номера в конце коридора, сразу вообразил за дверью маленький номер, зеленый от лип за окнами.

— Пожалуйста, входите. Я жду. Но, к сожалению, без бального платья. Меня можно простить?

Он увидел в раскрытую дверь ее взгляд, устремленный ему в глаза с выражением веселой доверчивости, что рождало и сложность и простоту в общении с ней.

— А не так ли встречались в добром девятнадцатом веке? — сказала она и сделала реверанс.— Здравствуйте, Вячеслав Андреевич.

— Ну что ж, пусть так,— согласился Крымов небрежно и не сдержался, легонько обнял ее, чувствуя, как она вздрогнула в растерянности, вся отдалась его рукам, опасливо прижимаясь к нему и, казалось, даже озябнув от этого объятия.— Где бал имеет быть? — спросил он намеренно заинтересованно.— И куда ехать прикажете?

— Я сейчас все продумаю и посоветуюсь кое с кем,— сказала она строго и отошла, коснулась носом зеркала и вздохнула.— Нет, нет, не хочу на бал. Оставим его до вечера. Карета подождет. А не поехать ли нам в Австралию? Во-первых, на каждом шагу чудесные кенгуру с кенгурятами...

— И, как это ни странно, люди ходят вверх ногами,— сказал он простодушно.— Но, может быть, нам стоит заменить Австралию на что-нибудь отечественное? Сокольники, например. Побродим там, пообедаем, а потом поедем на студию. В три часа нас ждут. Сделаем кинопробы. Кинематограф интереснее Австралии, Ирина, вы это увидите.

— Согласна на отечественное. Без общества кенгуру.

Он долго не был уверен, что она даст согласие сниматься. В тот год была снежная зима, лютые морозы, метельные вечера в однокомнатной квартирке ее родственницы, уехавшей в Архангельск, и медленное узнавание, поражавшее его.

В один ненастный вечер он отпустил такси на углу, пошел пешком по Ордынке, закутанный с ног до головы метелью, еле видя впереди на тротуаре светлые пятна от окон, где вьюжную пыль закручивало спиралями, а вверху мимо скрипящих фонарей снег то плыл наискось, то проносился белыми волнами, и везде было ярое хлещущее неистовство. А он шел, наваливаясь на ветер, и в нем подымалось ощущение физической полноты жизни, здоровья, непонятного умиления. Он позвонил, она открыла дверь, он снял в передней заснеженную, продутую стужей дубленку, возбужденно сказал:

— Зима.

Она вскинула глаза, в них промелькнуло выражение счастливого соучастия.

— Метель на улице, да?

— Метель.

— Снег кружит?

— Снег.

— Холодно, и, наверно, фонари... скрипят и качаются. Хорошо сейчас ехать куда-нибудь в поезде и слушать вьюгу, правда? А я вас очень долго не видела. Вы как будто вылезли из саней, и от вас пахнет степью.

И она прислонила ладонь к его холодной щеке.

— Но уверена, вы ни по кому не скучали. Пожалуй, забыли обо всем на свете на своей студии среди суеты.

— Суета была,— сказал он и опять не сдержался, обнял ее, целуя в изгиб шелковисто-мягкой брови.

— Я хочу, чтобы вы не уходили сегодня,— прошептала она, отодвинулась с затаенным страхом, села на диван и по-детски погрозила пальцем ему, затем самой себе, смешно говоря: — Спятили оба. Конец света.

Он тоже сел рядом, а она тихонько легла, вытянула руки, спросила загадочным шепотом:

— Скажите, в чем смысл жизни?

— То есть? В каком смысле?

— В торжественном.

— Вы думаете, Ирина, что кто-нибудь может ответить точно?

— Но ведь все-таки должен быть какой-то главный смысл в том, что происходит между вами и мной. Вы ведь меня не любите. Разве не так?

Она прикусила губу, и ее зеленые глаза незащищенно засветились лукавым непониманием.

— Нет, я спрашиваю не то. Скажите, неужели вам что-то интересно во мне?

— Ну вот...

— Вы не хотите ответить?

— Я сейчас шел и думал о вас, Ирина. Я думал, как вы иногда таинственно улыбаетесь. В улыбку Джоконды был влюблен Леонардо да Винчи...

— А вы?

— Обо мне и говорить нечего.

Она ответила ему откровенно радостной улыбкой.

— Нет.

— Что?

— Ничего не знаете.

— Что не знаю?

— У меня просто талант обаяния, и все.— Она боязливо обожгла глазами самые его зрачки.— Значит, такие вам нравятся, как я? И, наверное, вы хотите, чтобы я хотя бы немного была вашей женой? Или нет?

— Хочу. И не хочу. Вы девочка из другого мира. Из другой галактики. С летающей тарелки.

— А вы руководите меня,— сказала она шутливо и с опаской отодвинулась от него на диване.— Руководите, вы ведь все знаете. Я подчинюсь немножко.

Они не были близки, и он наклонился, осторожно целуя ее сомкнутые щекотно-колкие ресницы, а пальцы его гладили, скользили по мягким волосам, по тонкой выгнутой шее, и тут он вдруг почувствовал ее слабые, детские позвонки и, охваченный пронзившей его жалостью, отдернул руку с желанием встать, ощущая робкие, стыдливые движения ее тела. А она, закрыв глаза, запрокинула назад голову, влажно белели сцепленные зубы, открытые ее полупечальной, полурадостной улыбкой; она прошептала:

— Это бывает так, когда умираешь. Очень страшно...

Он видел ее непостижимое в своей влеку-

Продолжение. См. «Огонек» № 1.

щей изменчивости лицо, улавливал знобящий ветерок ее шепота, и на какой-то миг хотелось вообразить, что ему, вполне серьезному, опытному человеку, не пятьдесят с лишним лет, а она не моложе его в два раза, что он влюблен без памяти, как был влюблен в послевоенные годы в Ольгу, подчиненный наваждению, дурману, от которого невозможно было спастись. Но, обнимая Ирину, он почему-то испытывал охлаждающее состояние терпкого предела, виновато царапающую жалость.

— Ирина,— сказал он,— нам следует, пожалуй, не забывать о том, чтобы не быть смешными. Я говорю о себе, конечно.

Он помнил: в тот зимний вечер на Ордынке она, стараясь улыбаться, смотрела ему в грудь моргающими глазами, и в них пеленой накапливались слезы. Она молчала и молчанием как будто умоляла его о какой-то помощи, а он, чтобы заглушить ноющую муку неопределенности, говорил успокаивающе:

— Ну что вы? А то я тоже заплачу. Так и будем реветь оба.

— Меня любят собаки и дети,— сказала она тихо, вытирая слезы кулачком.— Стоит на улице любой псине сказать: «Пошли, дурачина»,— и она будет бежать следом. Я замечала на бульварах: дети подходят ко мне, как только посмотрю... А вы не любите меня, а жалеете. Любить вам нужно совсем другое. Но я не марсианская женщина. Скажите, за что сильный мучает слабого?

И она взглянула в его зрачки своей лесной зеленью беззащитных глаз. Он, оглушенный ее горькой убежденностью, сказал в полушутку:

— Вы принимаете меня, Ирина, не за того, кто я есть, а за того, кем я не хочу быть.

— Все равно вы сильнее меня. Мужчина — царь природы, добытчик, защитник, а я слабая особа женского пола, которая должна печь хлебы и рожать детей.

— Поэтому сильнее вы.

— Я-а-а? — протяжно спросила она.— Это серьезно, или вы, как всегда, шутите?

— Да нет, конечно. Я сильнее. Во-первых, у меня стальная воля, и я не могу видеть чужих слез, особенно когда плачет женщина. Во-вторых, когда бьют ребенка, я готов ненавидеть все человечество за его жестокость. Но чаще меня охватывает жалость ко всем и ко всему, и тогда готов простить людям самые страшные прегрешения. И себе, конечно. Царь природы, лишенный власти и не желающий власти. Пока продолжается род человеческий, царица природы — женщина.

Она остановила его слабым движением бровей.

— Нет, я вижу вашу доброту и любопытство ко мне, к некой бедненькой и славненькой девочке из балета Большого театра, которая так хорошо начинала. И с которой случилось несчастье. Ах, как я не люблю, когда меня жалеют и сочувствуют: «Как же тебе не повезло, Иринушка!»

— Жалеют и сочувствуют? А так ли уж это плохо?

— Плохо... Я понимаю, какое несоответствие между нами. Между вами и мною. Вы уже много сделали. А я как будто взломала замок и вошла в чужую богатую квартиру. Но я любила танец с детства. И мне не нужно было ничего. Ни денег, ни славы, ни ценностей, ничего. Знаете...— Она опять посмотрела на него несмелым взглядом, и уголки ее губ изогнулись в виноватой улыбке.— Знаете, я иногда очень сержусь за это на себя, очень... когда бывает не по себе.

— Я могу вам чем-нибудь помочь, Ирина?

— Мне — никак. Не нужно. Я справлюсь. У меня все хорошо.

— Значит, все хорошо? — повторил он.

— Абсолютно,— сказала она и захлебнулась слезами, прерывисто втягивая воздух носом, спросила сжатым голосом: — Слышите?

— Что? — Он обратной стороной пальцев вытер жаркие ниточки слез на ее щеках.— Ну зачем это?

— Слышите, какая тишина в доме? Метель... и какая тишина...

— Да бог с ней, с тишиной.

— Нет, нет. Тишина — это знаете... какой-то странный звук, похожий на звук несправедливости и смерти.

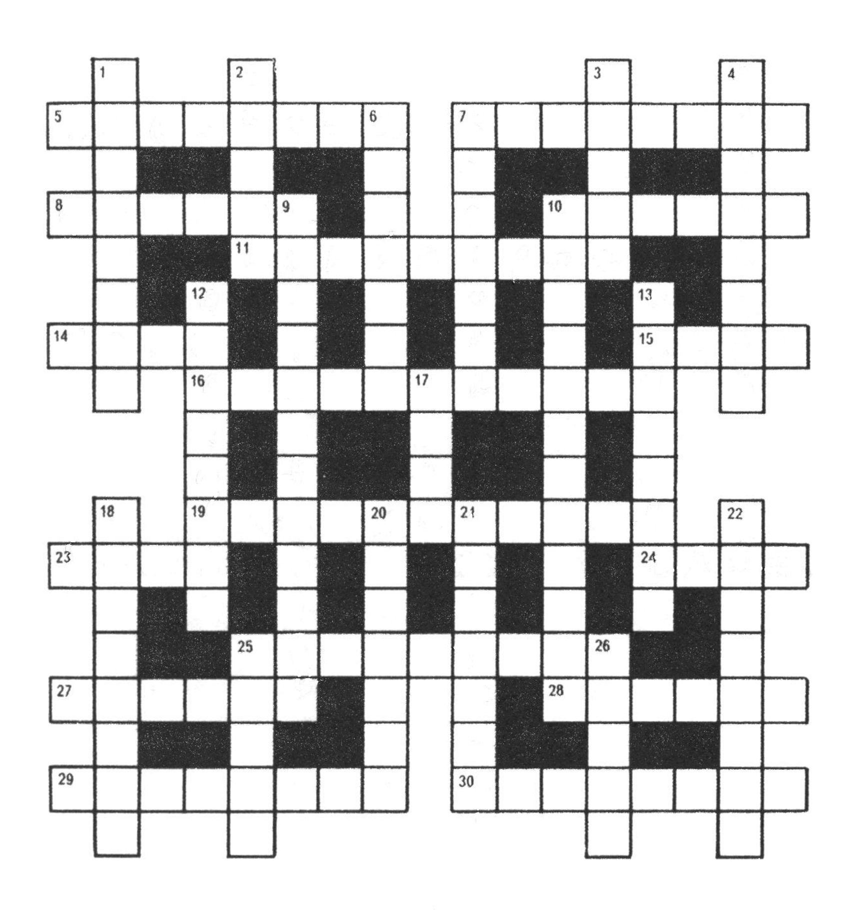
— Вы еще ребенок, Ирина, и вам еще многое предстоит.

— Думаете, я не знаю, что такое несправедливость? И неудача?

— Ответьте искренне: как вы живете, Ирина?

Но она уже молчала, слезы высохли на ее устало прикрытых ресницах, и подрагивали брови, точно в дреме она прислушивалась к чему-то сокровенному, недоступному ему, а он думал, что надо прекратить эту добровольную пытку, расстаться с этой милой девочкой, которая влекла его беспомощной хрупкостью, какой-то неразгаданностью своей жизни.

Продолжение следует.

КРОССВОРД

По горизонтали: 5. Массовый белорусский народный танец. 7. Игра слов, шутка. 8. Тонкие металлические листы для тиснения, упаковки. 10. Соцветие. 11. Птица отряда буревестников. 14. Сигнальный духовой музыкальный инструмент. 15. Действующее лицо оперы Н. А. Римского-Корсакова «Снегурочка». 16. Город в Югославии. 19. Рассказ А. П. Чехова. 23. Цифровая оценка результатов состязания в спорте. 24. Шахматная фигура. 25. Метод нахождения нового, искусство изобретения. 27. Нити, идущие на галуны, елочные украшения. 28. Благородный олень. 29. Пластинка, применяемая в масляной живописи. 30. Украинский композитор, народный артист СССР, Герой Социалистического Труда.

По вертикали: 1. Русский живописец, передвижник. 2. Река, впадающая в Белое море. 3. Шерстяная пряжа для вышивания, вязания. 4. Композитор, автор «Гимна Международного союза студентов». 6. Величина, характеризующая способность поверхности отражать поток электромагнитного излучения, частиц. 7. Произведение живописи. 9. Необходимость выбора одного из решений, вариантов. 10. Сатирическая поэма Н. А. Некрасова. 12. Исполнительский коллектив музыкантов, певцов. 13. Город в Донецкой области. 17. Серия советских межпланетных станций для изучения Луны. 18. Кондитерское изделие. 20. Передающая телевизионная трубка. 21. Яркая звезда в созвездии Орла. 22. Птица, обитающая в Арктике и Антарктиде. 25. Химический элемент, металл. 26. Скульптор, народный художник СССР, Герой Социалистического Труда.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 1

По горизонтали: 7. Фокстрот. 8. «Богатыри». 9. Клеопатра. 11. Шайба. 13. Сазан. 15. Бисквит. 17. Бином. 18. Иркут. 19. Иллюзионист. 20. Сезон. 22. Ессей. 24. Ананьев. 25. Варна. 27. Арена. 28. Серпантин. 31. Балерина. 32. Редактор.

По вертикали: 1. Метро. 2. Дубна. 3. Розмарин. 4. Итака. 5. Палас. 6. Крыжачок. 10. «Псковитянка». 12. Бадминтон. 14. Амфитеатр. 15. Баллада. 16. Тагиров. 21. Зеравшан. 23. «Сотников». 26. Астра. 27. Ангар. 29. Пиала. 30. Нерпа.

НА ПЕРВОЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ: Валентина Попова — абсолютная чемпионка Европы по настольному теннису.
(См. в номере материал «Хозяйка маленькой ракетки».)

Фото А. Бочинина

НА ПОСЛЕДНЕЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ: Работы заслуженного работника культуры РСФСР и Карельской АССР К. А. Гоголева: Старик со старухой * Ковш * По мотивам «Калевалы» * Фантазия.

Фото И. Гаврилова

Главный редактор — А. В. СОФРОНОВ.
Редакционная коллегия: Д. Н. БАЛЬТЕРМАНЦ, В. В. БЕЛЕЦКАЯ, И. В. ДОЛГОПОЛОВ (главный художник), Д. К. ИВАНОВ (ответственный секретарь), Н. А. ИВАНОВА, Б. А. ЛЕОНОВ (заместитель главного редактора), В. Д. НИКОЛАЕВ (заместитель главного редактора), Ю. С. НОВИКОВ, А. Г. ПАНЧЕНКО, Ю. П. ПОПОВ, Н. П. ТОЛЧЕНОВА.

Адрес редакции: 101456, ГСП, Москва, Бумажный проезд, 14.

Оформление при участии Е. М. КАЗАКОВА.

Телефоны отделов редакции: Секретариат — 212-23-27; Отделы: Очерка, публицистики и информации — 250-56-88; Морали и права — 251-00-26; Международный — 212-30-03; Социалистических стран — 212-22-90; Искусств — 250-46-98; Экономики быта — 250-38-17; Поэзии — 250-51-45; Критики и библиографии — 251-21-46; Военно-патриотический — 250-15-33; Науки и техники — 212-21-68; Юмора — 212-14-07; Спорта — 212-22-19; Фото — 212-20-19; Оформления — 212-15-77; Писем — 212-22-69; Литературных приложений — 212-22-13; Отдел прозы — 212-63-69.

Сдано в набор 17.12.84. Подписано к печати 02.01.85. А 00475
Формат 70×108 1/8. Глубокая печать. Усл. печ. л. 7,0. **Уч.-изд.** л. 11,55.
Усл. кр.-отт. 16,80. Тираж 1 500 000 экз. Изд. № 61. Заказ № 3946.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография имени В. И. Ленина издательства ЦК КПСС «Правда». 125865, ГСП, Москва, А-137, улица «Правды», 24.

Фото А. БОЧИНИНА

Есть такие виды спорта, родословная которых исчисляется многими десятилетиями. Таково, например, плавание, представленное в программе уже первых Олимпийских игр. А вот его дальний родственник — плавание синхронное — стал олимпийским видом спорта лишь в 1984 году.

Еще не так давно этот «дебютант» назывался у нас плаванием художественным и робко приглядывался к своим сухопутным старшим родичам — художественной гимнастике и акробатике. Девушки, увлекавшиеся художественным плаванием, выступая с показательной программой, и не помышляли о том, что художественная гимнастика в воде может стать самостоятельным и притом очень привлекательным видом спорта со своей сложной программой, со своими чемпионами.

В 1979 году был разыгран первый всесоюзный чемпионат, в программу которого входили одиночные, парные и групповые выступления, а через два года советская команда дебютировала на чемпионате Европы, и наш дуэт занял почетное для новичков шестое место. На европейском чемпионате 1984 года советские спортсмены уже дважды поднимались на третью ступеньку пьедестала почета в парных и групповых упражнениях.

И вот в обширной спортивной семье появился еще один самостоятельный вид спорта. Но родственных связей с художественной гимнастикой, акробатикой и, конечно, с плаванием он не потерял. Так же, как и в гимнастике, в синхронном плавании разыгрывается обязательная и произвольная программа (она состоит из 36 фигур), упражнения также проводятся под музыку, и в их создании используется труд музыкантов и хореографов. Но к этому прибавляются чувство воды, сильные руки, специальная техника гребка, многие другие качества, характерные для любителей водных видов спорта. И вот еще одна совершенно особая черта синхронного плавания: музыкальное сопровождение звучит не только в воздухе, но и под водой.

Словом, новый вид спорта предъявляет и к тренерам, и к хореографам, и, конечно, к судьям ряд совершенно необычных требований, заставляет их много трудиться, чтобы разработать методику тренировок, подготовить программы и их бесспорную оценку.

Сейчас синхронное плавание особенно развито в двух спортивных обществах — в «Труде» и «Буревестнике». Работает детско-юношеская спортивная школа олимпийского резерва, и вот мы знакомимся с ученицами этой школы, умеющими быстро и легко плавать, выполнять в воде сложные гимнастические упражнения, чувствовать музыку и любить танец.

Так живут и учатся обыкновенные русалки.

В. ЯКОВЛЕВ

Групповое упражнение.

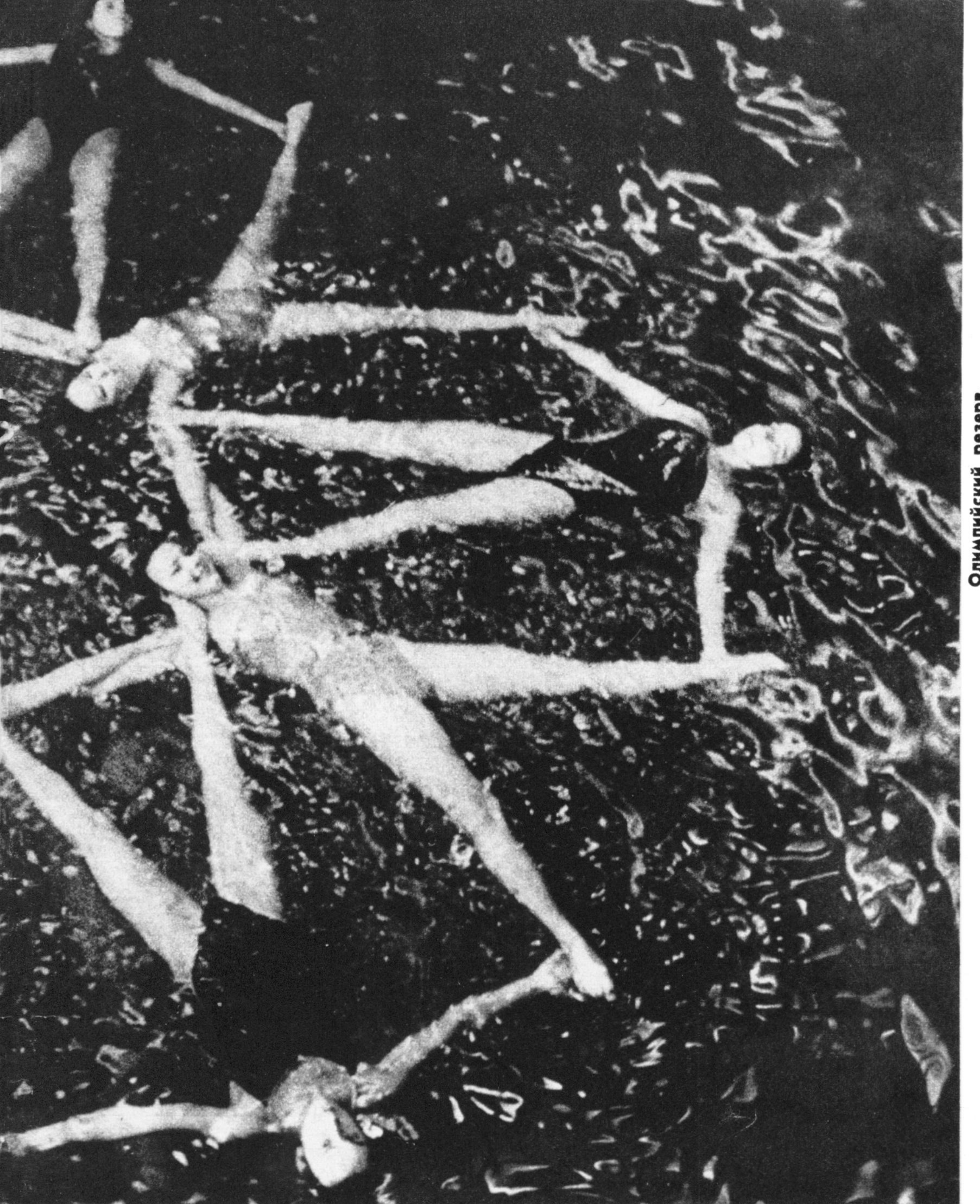
ОБЫКНОВ

Тренер детско-юношеской спортивной школы Жанна Царева и ее питомцы.

Вот они, обыкновенные русалки.

Олимпийский резерв.

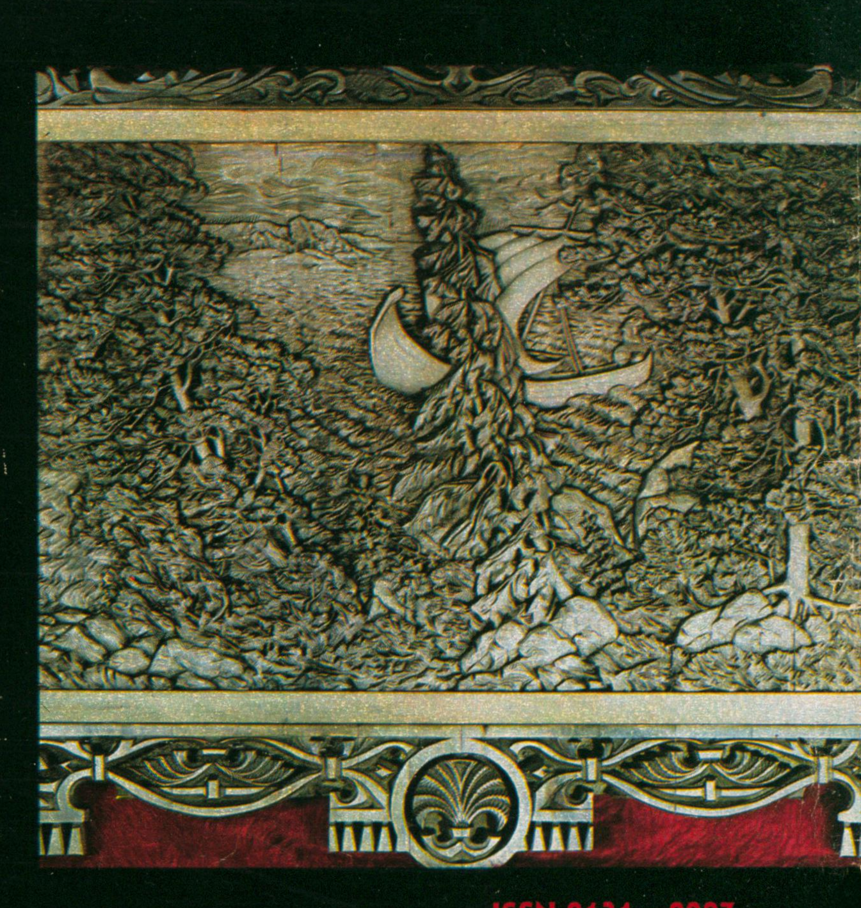

Мария Черняева — неоднократный призер в одиночных и парных выступлениях.

ЕННЫЕ РУСАЛКИ

ISSN 0131—0097
Цена номера 40 коп.
Индекс 70663

